

ISSN 2306-8450

Вестник
Сыктывкарского
университета

СЕРИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Филологические науки

Исторические науки

Журналистика

2(18)2021

Вестник Сыктывкарского университета (научный журнал) Выходит 4 раза в год	Серия гуманитарных наук ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ ЖУРНАЛИСТИКА	12+ ISSN 2306-8450 Выпуск 2 (18) 2021
--	--	--

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

Горина Н. В. Поэзия Татьяны Кановой 4

Крюкова (Мануилова) А. А. Печорский список «Жития Василия Нового» 13

Лисовская Г. К. Карнавальный дискурс поэзии В. А. Савина 26

Романова Е. А., Паршукова Н. А. «Нет! Не всё вздор в рецептах моего дядюшки»
(мистико-окультиный аспект повести В. Ф. Одоевского «Сильфида») 31

Урманчеева И. С. Анализ лексико-фразеосемантического поля как одна из форм
промежуточной аттестации в подготовке учителя-словесника 42

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ, ОБЗОРЫ, МАТЕРИАЛЫ, ВОСПОМИНАНИЯ

Мелихов М. В. Пражский список «Сказания о Мамаевом побоище» 55

Лимерова В. А. Памяти Анатолия Константиновича Микушева (05.11.1926–11.01.1993) 72

Павлов А. А. Исидор Севильский. «Этимологии, или Начала». Книга IX. 1-2 77

Пинаевский Д. И., Пилипенко В. А., Обшанская С. Е. Научная и преподавательская
деятельность Петра Павловича Котова (к 65-летию ученого) 90

Информация об авторах 100

Bulletin of Syktyvkar University (Science Magazine) Published 4 times a year	Humanities Series PHILOLOGICAL SCIENCES HISTORICAL SCIENCES JOURNALISM	12+ ISSN 2306-8450 Issue 2 (18) 2021
---	--	---

CONTENTS

RESEARCHES

Gorinova N. V. Poetry of Tatyana Kanova 4

Kryukova (Manuilova) A. A. Pechora list of «The Life of Basil the New» 13

Lisovskaya G. K. Carnival discourse of V. A. Savin's poetry 26

Romanova E. A., Parshukova N. A. «Oh no! Not everything is nonsense in my uncle's recipes...» (the mystical-occult aspect of V. F. Odoevsky's novella «The Silphide») 31

Urmancheeva I. S. Analysis of the lexical and phraseosemantic field as one of the forms of intermediate certification in the preparation of a language teacher 42

PUBLICATION OF SOURCES, REVIEWS, MATERIALS, MEMORIES

Melikhov M. V. Prague list of "The tales of the Mamai's battle" from the collection of manuscripts by A. D. Grigoriev 55

Limerova V. A. In memory of Anatoly Konstantinovich Mikushev (05.11.1926 –11.01.1993) 72

Pavlov A. A. The Etymologies of Isidore of Seville. Book IX. 1-2 77

Pinaevskii D. I., Pilipenko V. A., Obshanskaya S. E. Petr Pavlovich Kotov's scientific and teaching activity (for the scientist's 65-th anniversary) 90

Our Contributors 100

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., д. 55)

Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар:
Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2021. Выпуск 2 (18). 100 с.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

М. В. Мелихов, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина

Заместитель главного редактора:

Т. Ф. Волкова, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина

Редакционная коллегия:

М. В. Мелихов, д-р филол. наук, профессор кафедры
русской филологии СГУ им. Питирима Сорокина;

Т. Ф. Волкова, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина;

Г. В. Пунегова, канд филол. наук, старший научный сотрудник сектора языка Института языка,
литературы и истории ФИЦ Коми научного центра УрО РАН, доцент кафедры коми филологии,
финноугроведения и регионоведения СГУ им. Питирима Сорокина.

Е. В. Остапова, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры коми филологии,
финно-угроведения и регионоведения СГУ им. Питирима Сорокина

Ю. Н. Ильина, канд. филол. наук, доцент, директор института гуманитарных наук
СГУ им. Питирима Сорокина

Адрес редакции Вестника Сыктывкарского университета

167001. Сыктывкар, Октябрьский пр., 55.
тел. 8 (8212) 390-397

Редактор *Е. М. Насирова*

Корректор *Л. Н. Руденко*

Верстка и техническое редактирование *А. А. Ергаковой*

Выпускающий редактор *Л. В. Гудырева*

Подписано в печать 08.11.2021. Дата выхода в свет 23.11.2021.

Печать ризографическая. Гарнитура Times New Roman.

Бумага офсетная. Формат 70x108/16.

Усл. п. л. 11,6.

Заказ № 105. Тираж 100 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в ООО «Коми республиканская типография»,

167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81

ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCHES

УДК 821.161.1-1'06(470.13)

Н. В. Горинова
N. V. Gorinova

Поэзия Татьяны Кановой

Poetry of Tatyana Kanova

Статья посвящена изучению поэтического наследия русской поэтессы Республики Коми Т. Кановой. Автор статьи выделяет основные темы, мотивы и образы в творчестве писательницы, особенности ее мировосприятия. По мнению исследователя, лирическая героиня Т. Кановой сосредоточена на своей внутренней жизни. Стихотворения передают духовный опыт героини, выражая ее отношение к малой родине, к творчеству, раскрывая ее одиночество в этом мире.

Ключевые слова: литература Республики Коми, поэзия, Татьяна Канова, мотив, лирическая героиня, творчество.

The article is devoted to the study of the poetic heritage of the Russian poetess of the Republic Komi T. Kanova. The author of the article highlights the main themes, motives and images of the writer, the features of her worldview. According to the researcher, the lyrical heroine of T. Kanova is focused on her inner life. The poems convey the spiritual experience of the heroine, expressing her attitude to her small homeland, to creativity, revealing her solitude in this world.

Keywords: literature of the Komi Republic, poetry, Tatyana Kanova, motive, lyrical heroine, creativity.

Татьяна Канова (род. 1962) – русская поэтесса Республики Коми, член Союза писателей России (2005), автор двух стихотворных сборников «Осиновая осень» (2002) и «Немногословие души» (2008). Первые произведения ею были опубликованы в 1994 г. в районной газете «Маяк Сысолы», в дальнейшем ее художественные тексты издавались в журналах «Арт», «Двина», «Невский альманах», «Родная Ладога», «Наш современник», «Север», «На любителя» (США), а также в антологии «Наше время». Творчество Т. Кановой обнаруживает глубокую связь с русской классической традицией, она работает в привычных для читателей жанрах и стилистических направлениях, не экспериментируя со стихотворными размерами и обращаясь к вечным темам – малой родины, любви, творчества. Это во многом подкупает современного читателя, часто не успевающего за художественными трансформациями, набирающими силу в искусстве в последние десятилетия.

Произведения Т. Кановой отражают сложную, напряженную внутреннюю жизнь поэтессы, ее попытки понять саму себя, разобраться в самой себе. Автор постигает и осмысливает свой нрав, свой личный опыт, оценивает свое бытие. Зачастую в своих оценках она прямолинейна, недвусмысленно характеризуя саму себя: «Озябшая, усталая, немая / Душа моя не плачет, не поет» [Канова, 2002, с. 20], «Чужая тем, чужая этим» [Канова, 2002, с. 14], «Я устала, я уснула, я застыла» [Канова, 2002, с. 22], «Всю жизнь ждала чего-то и мечтала. / И находила! Но – не обретала...» [Канова, 2002, с. 32], «Я в

облаках по-прежнему витаю...» [Канова, 2002, с. 32], «Не любимая, но любившая, / Некрещеная, но распятая...» [Канова, 2002, с. 36], «Смиренно преклонившая колени, / Я, грешница, молилась о спасеньи» [Канова, 2002, с. 56], «Но вот что странно: рухнув от усталости, / Не проклиная жизнь – благодарю / За каждый миг скупой крестьянской радости, / За каждую весеннюю зарю» [Канова, 2008, с. 4], «Я ничего не смыслю в ремесле / (А, может, в мастерстве?) стихосложении» [Канова, 2008, с. 20], «Глядь: у иного стихотворца / За книжкой книжка – и опять. / Порой невольно шевельнется / Непрошенное: не догнать» [Канова, 2008, с. 22], «Я по разным кастингам не бегаю, / Стороной тусовки обхожу. / Как себя преподнести, не ведаю, / Выгодных знакомств не завожу» [Канова, 2008, с. 24]. Художественные тексты автора позволяют говорить о тихом спокойном добродушном нраве поэтессы, о том, что она не высокомерна и не надменна, не криклива, не заносчива, что она никого не винит в своих несчастиях, сомнениях и горьких разочарованиях. Иногда в произведениях Т. Кановой звучат осуждающие ноты, например, она называет себя «непутевой», «бестолковой», «неразумной», «сельской неуклюжестью», «усталой старухой», «отшельницей», «глухой бабою», «сирой и темной» и пр., – эти слова, грубоватые и, кажется, некнижные, выявляют низкую самооценку поэтессы, ее резкий критический взгляд на саму себя, которая и становится в стихотворениях лирической героиней.

Если говорить о чувствах лирической героини Т. Кановой, то, наверное, доминирующим мотивом в ее поэзии становится мотив одиночества. Многие ее поэтические тексты говорят об этом: «Я одна среди людей – / ледяною с хрупким сердцем / королевой в с нежном замке» [Канова, 2002, с. 22], «Мир велик, а я бреду одна» [Канова, 2002, с. 18], «Радость отбилась от рук – одуревшая, / я в одиночестве вдоволь наплакалась» [Канова, 2002, с. 31], «На закате над водою одинокой черной ивой / Я склоняюсь» [Канова, 2002, с. 33] и пр. Мотив одиночества, один из самых распространенных в лирике, как известно, присущ многим произведениям искусства, этот мотив исходит из натуры творческой личности, являясь стимулом обращения писателя к выражению своих чувств. Интересно было бы проследить природу этого мотива в стихотворениях Т. Кановой, пронаблюдать индивидуальные черты переживания этого чувства. Тексты поэтессы обнаруживают, что причина ее одиночества кроется не в недружелюбии окружающих и не в ее ощущении враждебности мира по отношению к ней. К примеру, она называет себя отшельницей:

Отшельница.

Не мучает, но все же

Уединенье тяготит порою [Канова, 2002, с. 19].

Отшельником, как правило, называется либо монах, живущий в скиту и отказавшийся от общения с людьми, с внешним миром, либо человек, чуждающийся других, живущий уединенно. И в том и другом случае человек принимает путь затворничества добровольно, сам, самолично, ограждая себя от мира. Лирическая героиня Т. Кановой сама выбирает это состояние, которое «тяготит» ее лишь «порою». В связи с этим вызывает интерес образ пустыни, возникающий в другом стихотворении поэтессы: «Чужая тем, чужая этим, / Отделена глухой стеною / От множества людей, в пустыне / Я говорю сама с собой...» [Канова, 2002, с. 14]. Этот образ соотносится с пустыней, со скитом, располагающемся в глухом лесу, безлюдном месте, вдали от жилья, незаселенном людьми месте, что снова направляет читателя к мысли о самовольном отшельничестве лирической героини. Более того, читая любовную лирику Т. Кановой, мы видим, что ее лирическая героиня тяготится даже присутствием мужчины, которого когда-то любила:

Я была несвободна до вчерашнего дня:
До вчерашнего дня я любила тебя...

Но сегодня я словно очнулась от сна.
Я свободна теперь –
Я осталась одна [Канова, 2002, с. 29].

Лирическая героиня Т. Кановой имеет склонность к уединению, она сама создает условия для одиночества, сама ограждается от людей. Мотив одиночества в творчестве поэтессы исходит из ее характера. Такой тип людей уже описан в психологии, в научной литературе подобную личность называют интровертом. Этому типу свойственна сосредоточенность на своей внутренней жизни. Интровертам не скучно наедине с собой. Наоборот, они чувствуют себя неуютно в большой и шумной компании. Публичность, суета, движение – не для них. Именно такое впечатление создает лирическая героиня и сама Т. Канова: спокойный, уравновешенный, тихий характер, человек, не склонный к позерству и не показывающий чувства, в общественных местах она не заметна и старается не привлекать к себе внимание. Примечательно, что во втором сборнике она меньше говорит о своем одиночестве. Но в этом сборнике есть стихотворение, в котором мотив одиночества превалирует:

Я на этом белом свете
До беспамятства одна...

Тетки, мама, братья, дети... –
Все в порядке у меня...

Не обижена роднею,
Есть друзья, и есть враги... [Канова, 2008, с. 43].

Если раньше она говорила об одиночестве вкупе с другими темами, например, с темой неудавшейся или ушедшей любви или с размышлениями о своем характере, то это произведение посвящено только теме одиночества. Его можно считать итоговым в развитии мотива одиночества в творчестве Т. Кановой, оно, на наш взгляд, выявляет изменения ее мировосприятия, ощущения самой себя. Здесь лирическая героиня воспринимает тяготение к одиночеству не как черту своего характера, а как довлеющий над нею рок. Даже имея близких и родных, имея хорошие отношения с ними, возможно, даже будучи рядом с ними, она чувствует себя одинокой. Показательна в этой связи последняя строфа стихотворного текста:

Но сегодня на рассвете
У ослепшего окна
Поняла, что я на свете
До беспамятства одна [Канова, 2008, с. 43].

Метафорическое выражение «ослепшее окно» раскрывает внутренний мир лирической героини. Окно – важный элемент пространства дома, окно как бы открывает находящемуся в доме человеку мир, связывает его с окружающей средой. В данном случае оно «ослепшее», наверное, замерзшее, т.е. героиня вновь закрыта от всего мира, даже смотря в окно, она не видит мир. Можно проецировать эпитет «ослепшее» на лирический субъект: героиня не слепая, но живет в собственном мире, по-тютчевски, «есть целый мир в душе твоей». Лирическая героиня сама ограничивала себя от всего мира, добровольно, как это делают отшельники. Большую часть времени она находится в одиночестве.

Одиночество в этом стихотворении обретает всеобъемлющие размеры, принимая формы абсолютной погруженности в себя, в космос.

Одной из важнейших тем в поэтическом мире Т. Кановой становится тема малой родины. Как и многие российские авторы, она в своих стихотворениях выражает искреннюю любовь и глубокую привязанность к милым сердцу местам – к маленькой коми деревушке Кольель: «О, Родина моя! / Вдохну тебя, хмеля, / Свой вешний перелет / к истоку соверша. / И осознаю вновь, / что краше и милее, / Нет уголка земли, / и здесь моя душа...» [Канова, 2002, с. 4]. Однако произведения поэтессы редко раскрывают внешнюю красоту родной земли, наоборот, при описании своей деревеньки Т. Канова зачастую прибегает к словам с легкой негативной коннотацией – «Кольельская глушь», «заброшенная глушь», «старенькое крыльцо», «почернелые бревна родимой стены», «горький дым нежилой избы», «разоренное гнездо». Но для лирической героини ее стихотворений внешние атрибуты красоты не столь важны, как само существование отчего дома, в образе которого воплощаются истинные ценности:

Мне мой отец в наследство приберег
Крестьянский дом.
Он мне навек опора
В негромкой, всепрощающей любви
К земле, где помню каждую травинку... [Канова, 2002, с. 10].

Как можно убедиться, прилагательные в этом отрывке сконцентрированы далеко не на внешних данных родного дома. Например, прилагательное «крестьянский» при слове «дом» помогает не только создать зрительный образ деревенской бревенчатой темной избы с небольшим количеством окон. Этот образ выражает саму суть бытия крестьянина – уклад жизни, характер, миропонимание, систему нравственных ориентиров, крестьянскую философию и пр., – отец передает лирической героине в наследство не столько дом, сколько накопленную веками житейскую мудрость, которая и учит любить и уважать родную землю, т.е. становится «опорой» – основой – «в негромкой, всепрощающей любви» к земле предков.

Необходимо отметить, что в поэзии Т. Кановой именно с образом отчего дома соотносится тема малой родины. Внешне неказист и невзрачен – «скромная крестьянская изба» с потемневшими стенами – он, тем не менее, становится для лирической героини местом гармонии, умиротворения. Только переступая его порог и ощущая теплоту его стен, героиня обретает покой.

Вот и все: я вернулась домой
После долгого плена зимы.
Я стою, прислонившись спиной
К теплым бревнам родимой стены...

И, притихшая, Бога молю
О спасеньи усталой души,
Обретающей свет и покой
Только в этой Кольельской глуши... [Канова, 2002, с. 3].

В стихотворениях Т. Кановой о родном крае сильны традиции «тихой лирики». С поэтами этого течения автора сближает «негромкая поэтика» ее стихотворений: выделенные исследователем А. Фроловой поэтические особенности «тихой лирики» – «приверженность традиционным стихотворным размерам, простота поэтического синтаксиса, отсутствие нарочитой метафоричности, спокойствие интонаций» [Фролова, 2011, с. 234] – присущи и произведениям Т. Кановой. С представителями «тихой лирики»

ее объединяет любовь к деревне, тяготение к истокам, корням, стремление сохранить глубинную память и традиционные ценности. Как известно, «тихие лирики» находили суть бытия в самой привязанности человека к деревне. Например, в стихотворениях Н. Рубцова «любовь к родине приобретает характер религиозного мистического служения. Родина – это та святая, о которой громко не говорят, которая есть внутри тебя и которой ты служишь душою» [Новиков, 2011, с. 34]. В поэтических текстах Т. Кановой пребывание в отчем доме также овеяно религиозным смыслом: здесь лирическая героиня «притихает» – успокаивается – что дает ей возможность обратиться к Богу с просьбой о «спасении усталой души». Так, крестьянская изба становится местом молитвы, местом единения с Всевышним.

Вместе с этим в стихотворениях Т. Кановой о малой родине всегда звучит мотив возвращения в отчий край. Дело в том, что сама поэтесса после окончания пединститута работает учителем математики в школе с. Межадор (Сысольский р-н РК), в своей деревеньке она проводит только летние каникулярные месяцы. Так, из года в год почти в одно и то же время она вновь и вновь приезжает в родной дом. Судя по стихотворениям Т. Кановой, для нее приезды в д. Кольёль становятся не просто посещением излюбленных мест. Отчий край для лирической героини стихотворений поэтессы – это своего рода место, где она обретает саму себя:

И осознаю я вновь,
 что краше и милее
нет уголка земли,
 и здесь моя душа.

Душа моя в лугах,
 где теплым летним утром
Испить нектар
 к цветку торопится пчела
И где журчит ручей,
 где скромным перламутром
Заря в цветущий лог,
 как благодать сошла [Канова, 2002, с. 4].

Жизнь лирической героини Т. Кановой протекает вдали от отчего дома, так как ее работа и семья находятся вдали от родных мест. Героиня, находясь далеко от родных мест, чувствует оторванность своей души от физического тела – она осталась в д. Кольёль. Только приезжая в отчий дом, героиня вновь «соединяется» со своей душой, обретая тем самым цельность. В образе лирической героини отражается личная драма поэтессы, обусловленная ее нежеланием пребывать на чужбине, а также оторванностью от своих корней.

Важной темой в поэзии Т. Кановой становится также тема творчества. Эта проблема, конечно, была и остается магистральной для всей мировой литературы. Почти каждый писатель обращается к данной проблематике, осмысливая различные аспекты этого процесса. Как и многих других поэтов, Т. Канову волнует вопрос, связанный с назначением художественного творчества, с высоким гуманизмом и глубокой гражданской ответственностью пишущего человека.

Я ли твой сеятель, поле бумажное?
Я ли тоскою плененная пленная?
Мне ли промолвить дано несказанное?
Мне ли обещано Богом нетленное? [Канова, 2002, с. 11].

Это стихотворение исполнено пафосного содержания, созданию которого способствует использование риторических вопросов и слов книжного высокого стиля, например, «плененная», «промолвить», «сеятель», «нетленное» и пр. Этот пафос позволяет говорить, что стихотворение Т. Кановой вроде как продолжает развивать традиции классической литературы на тему поэта и поэзии, оно как будто говорит о божественном происхождении писательского дара, о гражданском долге поэта, о его непременном стремлении изображать подлинную жизнь и т. д. Однако за этой патетикой скрывается характер лирической героини произведения, именно к ней обращены риторические вопросы, и в них не воплощаются призывы к написанию общественно значимых текстов, а скорее раскрывается скромность и тихий нрав автора. Она прекрасно понимает, что далека от высоких целей поэзии и передовых идей своего времени – «Кто я такая, усталая, странная, / Чтобы заглядывать во Вселенную?» [Канова, 2002, с. 11]. Патетичность ее стихотворного слога начинается и заканчивается в этом художественном тексте, прибегая к нему, поэтесса иронизирует над собой, над своими стихами, над своей несыгранной ролью «сеятеля».

Тем не менее Т. Канову волнует природа собственных стихов, в своих произведениях она пытается осмыслить, откуда берется стремление слагать поэтические тексты, если не из желания выразить свою гражданскую позицию. Все чаще она приходит к выводу, что истоки поэзии – страдание и муки, что творчество – происки истерзанной души:

Счастливых женщин нет среди поэтов.
Уж коль к бумаге тянется душа,
Она лучами счастья не согрета,
Она томится, горечью дыша... [Канова, 2002, с. 15].

Поэтесса при этом подчеркивает, что написанные стихи успокаивают ее смятенное сердце, гармонизируют ее отношения с окружающим миром, с самой собой – «Душа себе стихами лечит крылья» [Канова, 2002, с. 15]. Так, лирическая героиня Т. Кановой находит в творческих исканиях путь к безмятежному и спокойному состоянию своей души:

На расплавленном асфальте обгоревшего июля,
Задыхаясь духотою застоявшейся тоски,
Изнывая и тупея от безделья, от бездумья,
Утоляю жажду жизни каплей начатой строки [Канова, 2002, с. 44].

Конечно же, тема творчества в стихотворениях Т. Кановой тесно связана с темой любви. Любовные переживания поэтессы зачастую служат источником вдохновения, волнительные и во многом тревожные для автора мысли о милом сердцу человеке вырастают в исполненные чувств стихотворения:

Спасибо разлюбившему меня
За мудрость одиночества,
За пепел наивных грез,
За жадность их сжигавшего огня,
За горный свет,
За рукописи слез! [Канова, 2002, с. 37].

Как правило, эти стихотворения выражают драматичность любовного состояния лирической героини, так как испытываемые ею чувства почти всегда безответны, зачастую любимый ею человек уходит от нее навсегда:

«Он прочь уходил, не спеша, /
Он был глух, он был нем, он не знал, /
что оставил за дверью» [Канова, 2002, с. 21].

Примечательно, что свои сердечные переживания Т. Канова все чаще выражает, прибегая к образам, связанным с холодом. При этом холодом веет не от ее возлюбленного, можно сказать, холодного к ней, а от нее самой:

Я устала, я остыла, я холодная как осень
Перед первым снегопадом...
Я одна среди людей –
Ледяною, с хрупким сердцем

королевой в снежном замке:

Я устала, я уснула, я застыла – зимний лед... [Канова, 2002, с. 22].

В указанном стихотворении семантика холода раскрывается также в словах «стужа», «лютые морозы», «замерзла», «снежный замок» и пр. В других стихотворных текстах о любви – «замерзает река», «немота ледяная», «мела метель угрюмая и злая», «пустыня снежная», «февраль дымится от мороза», «настывший снег», «колючий лед», «холодное жилище», «сугробы разгребая», «за окном зимний вечер гулял» и т. д. Произведения Т. Кановой о любви, как ни странно, источают холод. При этом иногда в этих стихах возникает еще и образ пепла:

Не дом мой выстыл, а душа:
В ней нет огня, лишь пепелище
Дымит, бывшее вороша [Канова, 2002, с. 25].
Или:
И душа по весне потихоньку сумеет оттаять...

Только так суждено: ей уже никогда не избыть
Этот крик, эту боль, что осядет на донышко сажай

[Канова, 2002, с. 21].

В русле русских литературных традиций образ зимы часто соотносится с процессами старости и умирания, что также характерно для стихотворений Т. Кановой о любви. Ее лирическая героиня когда-то переживала различные этапы любви – рождение (весна), расцвет (лето), увядание (осень), но все эти периоды остаются за пределами текстов поэтессы, в своих стихах она увековечивает лишь зиму, – видимо, самый тяжелый и болезненный завершающий этап любви. Еще больше эту идею в поэзии Т. Кановой подчеркивает образ пепла, в повседневной жизни он также соотносится с конечным и необратимым результатом чего-либо. Еще с библейских времен этот образ ассоциируется со смертью, в основе этого соотношения лежит древний обычай сжигать захваченные города. В пророческих видениях иногда появляется Божий огонь, испепеляющий нечестивцев – отдельных людей и целые народы. В качестве примеров можно привести пророчество по отношению к городу Тир, согласно которому Божий огонь должен превратить его в «пепел на земле» (Иезекия 28:18), и разрушение Содома и Гоморры, которые Бог «осудил на истребление, превратив в пепел» (2-е Петра 2:6). Пепел в стихотворениях Т. Кановой, с одной стороны, предполагает наличие в прошлом огня – высшей степени развития любовных переживаний, с другой – этот образ раскрывает разрушительный характер и необратимую конечность этих чувств, их отсутствие в настоящем времени. Оба образа – зимы и пепла – сближаются с темой смерти, первая соотносится с белым саваном, второй – с прахом умерших, что еще раз выявляет конечность любовных отношений в стихотворениях Т. Кановой. С другой стороны, эти образы характеризуют внутреннее состояние лирической героини поэтессы: ее душа, пережив сначала эмоциональное потрясение от разлуки с любимым человеком, сгорает, а

потом, превратившись в пепел, исчезает не только для этого человека, но и для всего мира. Возможно, поэтому стихотворения автора изобилуют образами холода...

Несмотря на «зимние» тексты кановской поэзии, в ее любовной лирике все же присутствует скрытый намек, надежда на восстановление, на воскрешение своей души, выражающееся в образе воды подо льдом:

Замерзает река, но жива подо льдами вода,
И душа по весне потихоньку сумеет оттаять [Канова, 2002, с. 21].
В другом стихотворении:
Только даже в малой речке

где-то там, в природной ямке,
Даже в лютые морозы бьется сердце и живет [Канова, 2002, с. 22].

Хотя вода подо льдом тоже холодная, но, в отличие от других «холодных», связанных со смертью, умиранием, исчезновением, как пепел, образов Т. Кановой, этот образ обладает динамикой, т.е. придает некоторое действие статичным картинам в стихотворениях поэтессы, а вместе с этим раскрывает чаяния лирической героини на «оттепель», на уход «зимы-смерти», на то, что она сможет позабыть об утраченных чувствах и снова стать любимой:

Я еще счастливой стану
В переменчивой судьбе! [Канова, 2002, с. 34].

Необходимо отметить, что в стихотворениях Т. Кановой о любви, как и в других текстах, незримо выступает символика круга. Не зря автор описывает свое внутреннее состояние, прибегая к сезонному образному ряду – образу зимы. Да, зима ассоциируется со смертью, она холодна и в каком-то смысле жестока, но она конечна, она уступит место весне и снова вернется. Лирическая героиня поэтессы в своих чувствованиях движется по кругу, переживая накал страстей, затем спад чувств, их обмирание, а затем и рождение новых отношений. Вместе с этим Т. Канова каждый год к лету возвращается в свой отчий дом, как она сама говорит: «Замкнулся круг. / Я вернулась домой» [Канова, 2002, с. 3]. Здесь, как мы уже отмечали, она успокаивается, чувствует себя счастливой после длительного пребывания вне отчего дома, за пределами которого она ощущает себя неприкаянной и неустроенной. Символика круга в художественной системе автора выявляет повторяемость определенных ситуаций и связанных с ними чувств в жизни лирической героини. С другой стороны, этот символ отражает надежду на обновление утраченного женского счастья и на обретение покоя в мятежном и равнодушном мире.

Любовная тема звучит и во втором сборнике Т. Кановой. Здесь ее лирическая героиня вновь проходит испытания любовью, вновь чувствуя себя отверженной и одинокой. Но в этих стихах нет убивающей щемящей тоски – сжигающей до пепла и остужающей до состояния льда. Видимо, героиня стала тверже духом, она перестала столь остро реагировать на любовные неудачи:

Что-то будет. Надеюсь, хорошее:
Я люблю еще, снова люблю!
Перестала цепляться за прошлое,
Перестала пенять на судьбу.

Пусть желанное снова не сбудется –
Я умею потери терпеть.
Я потом буду плакать и мучаться.
А сегодня – смеяться и петь [Канова, 2008, с. 27].

Как мы можем пронаблюдать, в этом стихотворении нет образов природного мира, как, например, в стихотворениях о любви предыдущего сборника. Выражения Т. Кановой не метафоричны, она конкретно и прямо говорит о своих чувствах. В тексте особенно много глаголов, почти все они относятся к лирической героине и все они выявляют, что ее характер изменился: теперь она «перестала цепляться за прошлое», «перестала пенять на судьбу», «умеет потери терпеть». Теперь она также переносит какие-либо жизненные невзгоды, но они не убивают ее изнутри. Более того, в произведениях Т. Кановой более позднего периода надежда, отдававшая тихий ответ в предыдущих поэтических текстах, становится сильнее и ярче:

Я остаюсь. Я надеюсь, что все не напрасно:

И глушь, и ухабы, и крыльев несмелый размах.

Надеюсь летать, и что твой голос отзвуком ясным

Раздастся в моих, в одиночку рожденных стихах [Канова, 2008, с. 29].

Надежда здесь также выражена не метафорично, а конкретно, не так, как в предыдущем сборнике, тем самым автор подчеркивает ее возрастание в душе и жизни лирической героини. Чувство надежды, набирающее энергию в поздних произведениях Т. Кановой, в какой-то степени снижает напряжение и натянутость чувств в текстах, что способствует и более спокойному тону стихотворений сборника «Немногословие души».

Лирика Т. Кановой носит исповедальный характер: ее произведения это, прежде всего, саморефлексия, самоанализ; осваивая стихотворные жанры, она исследует себя, свой внутренний мир, свои реакции на жизненные противоречия и неудачи, что способствует созданию глубоко искренних стихотворений. Затрагиваемые ею темы близки каждому, выражаемые ею чувства испытаны многими, простота ее поэтического слова в большей степени обнажает высказанные ею ощущения – все это притягивает внимание читателя, раскрывает его сердце для высказанных поэтессой переживаний.

Список литературы

1. Канова Т. А. Немногословие души: стихи. Сыктывкар: Анбур, 2008. 64 с.
2. Канова Т. А. Осинья осень. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2002. 64 с.
3. Новиков А. В. Феномен «тихой лирики» Н. Рубцова в русской культуре // Международный журнал экспериментального образования. 2011. № 8. С. 34.
4. Фролова А. В. Национальное бытие в художественном мире Николая Рубцова // Филология и культура. 2011. № 2. С. 234-237.

Печорский список «Жития Василия Нового»

Pechora list of «The Life of Basil the New»

Статья посвящена одному из печорских списков «Жития Василия Нового», уникального памятника древнерусской переводной агиографии, содержащего помимо сведений о жизни и чудесах святого Василия два эсхатологических видения. Список этот хранится в Усть-Цилемском собрании рукописей НБ СГУ им. Питирима Сорокина. В статье дан обзор греческих и славянских редакций «Жития», рассмотрены сюжетно-композиционные особенности памятника и представлены некоторые результаты текстологического анализа печорского списка, в ходе которого мы постарались установить принадлежность этого списка к одной из редакций «Жития» и выявить, к какому варианту этой редакции наиболее близок печорский список.

Ключевые слова: Житие Василия Нового, эсхатологическая литература, видение, редакция, печорский список, текстология.

The article is devoted to one of the Pechora lists of the "Life of Basil the New", a unique monument of Old Russian translated hagiography, which contains, in addition to information about the life and miracles of St. Basil, two eschatological visions. This list is kept in the Ust-Tsilem collection of manuscripts of the Scientific Library of the Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin. The article gives an overview of the Greek and Slavic editions of the "Life", examines the plot and compositional features of the monument and presents some results of the textual analysis of the Pechora list, during which we tried to establish the affiliation of this list to one of the editions of the "Life" and to identify which version of this edition is closest to the Pechora list.

Keywords: The Life of Basil the New, eschatological literature, vision, edition, Pechora list, textology.

«Житие Василия Нового» – своеобразный памятник переводной эсхатологической литературы. Оно занимает важное место среди древнерусских эсхатологических и агиографических произведений, что обусловило наш интерес к этому произведению.

Эсхатологическая направленность «Жития» привлекала не только читателей, но и исследователей, о чем свидетельствует большое количество работ, так или иначе посвященных «Житию». Изучать «Житие Василия Нового» начали еще в XIX в. такие исследователи, как Ф. Д. Батюшков в работе «Спор души с телом в памятниках средневековой литературы. Опыт историко-сравнительного исследования» [Батюшков, 1891] и В. А. Сахаров в исследовании «Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи» [Сахаров, 1879]. Однако в этих работах затрагиваются только отдельные проблемы в изучении «Жития».

Наиболее подробный и значимый труд, посвященный изучению памятника, был написан в начале XX в. С. Г. Вилинским. Это монография «Житие святого Василия Нового в русской литературе» [Вилинский, 1913; 1911], в которой помимо исследования опубликованы списки всех редакций памятника.

Последующие исследования «Жития» были проведены в XX–XXI вв.: статья Н. В. Ануфриевой «Об особенностях бытования “Жития Василия Нового и Григорьева видения” в средневековых книжных традициях» [Ануфриева, 2010] и раздел монографии И. В. Дергачевой «Посмертная судьба и иной мир в древнерусской книжности» [Дергачева, 2004]. Кроме того, сведения о «Житии» можно встретить в статьях Православной энциклопедии [Жаворонков, 2006; Пентковская, 2006] и в работе А. С. Демина «Загробный мир» [Демин, 1995].

Несмотря на приведенные работы, наше исследование «Жития» продолжает быть актуальным, поскольку памятник остается малоизученными как в текстологическом отношении, так и со стороны сюжетно-композиционных особенностей. Кроме того, мы привлекли для исследования не изученные ранее печорские списки «Жития», бытовавшие в старообрядческой среде. Изучение этих списков не только уточнит историю текста памятника, но и дополнит наши знания об особенностях культуры печорских старообрядцев, их литературных приоритетах, расширит представления об источниках, которые формировали представления печорских крестьян о загробной жизни души.

Именно об одном из печорских списков «Жития Василия Нового» и пойдет речь в данной статье, но прежде мы должны представить некоторую общую информацию об изучаемом нами памятнике, его особенностях и истории его текста.

«Житие Василия Нового» было написано во второй половине X века в Константинополе. Оно описывает жизнь и чудеса византийского святого Василия Нового, христианского мистика и аскета, жившего во времена правления византийских императоров Василия Македонянина (867–886 гг.) и его сына Льва IV Мудрого (886–912 гг.) [Дергачева, 2004, с. 72]. «Житие Василия Нового» выделяется на фоне других агиографических произведений тем, что сочетает в себе апокрифическую и житийную литературные традиции: помимо фактов из жизни Василия, описания чудес святого и основных исторических событий той эпохи текст памятника содержит два больших эсхатологических «видения» [Дергачева, 2004, с. 71]. Видение – это особый жанр средневековой литературы, рассказывающий о путешествии человека в загробный мир. В «Житии Василия Нового» загробный мир посещает ученик святого, монах Григорий, от лица которого и ведется повествование в памятнике.

В первом видении Григория, известном так же, как «Хождение Феодоры по воздушным мытарствам», рассказывается о встрече монаха со старицей Феодорой, прислужницей святого Василия. Она рассказывает Григорию о том, как после смерти проходила особые испытания, воздушные мытарства, чтобы попасть на небеса, и показывает тому «небесный дом» Василия. Во втором видении Григория описываются картины Страшного Суда и второго пришествия Христа.

Литературная история «Жития» начинается в Константинополе. Затем оно постепенно распространяется за пределы Византии, переводится на разные языки, в том числе и славянские. Уже позднее непосредственно или через южнославянскую литературу «Житие Василия Нового» попадает на Русь, где также распространяется в большом количестве редакций и списков.

Подробное текстологическое исследование различных редакций и списков «Жития Василия Нового» было проведено профессором С. Г. Вилинским в его монографии «Житие святого Василия Нового в русской литературе». В своей работе ученый разделяет редакции «Жития» на две группы: греческие и славянские.

Первая греческая редакция представляет собой первоначальный текст «Жития». Она возникла во второй половине X века в Константинополе и является самой ранней [Вилинский, 1913, с. 77]. Помимо видений и фактов из жизни святого она содержит множество исторических и топографических сведений и описывает различные события той эпохи [Вилинский, 1913, с. 71–77].

Вторая греческая редакция «Жития Василия Нового» отличается от первой большим количеством сокращений. В ней опущены многие исторические сведения и значительно сокращено описание чудес святого Василия [Вилинский, 1913, с. 77–78, 80–81]. Целью составления этой редакции было, по-видимому, выделение в тексте «Жития» именно эсхатологических видений, поэтому были сокращены многие исторические и агиографические сведения, а также упрощен язык памятника за счет удаления риторических украшений. Именно после возникновения второй греческой редакции стало возможным выделение «Хождения Феодоры» и видения Григория о Страшном Суде в

отдельные самостоятельные произведения [Вилинский, 1913, с. 92]. Редакция эта была создана, скорее всего, в период с X по XIII вв., поскольку древнейший список этой редакции относится как раз к XIII в [Вилинский, 1913, с. 100]. Однако сопоставление текста «Жития» с историческими событиями и настроениями той эпохи, позволило С. Г. Вилинскому уточнить время создания второй греческой редакции и отнести ее возникновение к XII в. или к первой половине XIII в [Вилинский, 1913, с. 100–103].

Третья греческая редакция образовалась из первой греческой редакции путем сокращения одного из ее списков [Вилинский, 1913, с. 127]. Ее составитель преследовал цель дать текст, в котором будет опущено все менее важное и сокращены все распространения [Вилинский, 1913, с. 120]. Время ее составления нельзя определить с точностью, поскольку внесенные в нее изменения довольно сложно объяснить какими-либо историческими причинами, которые позволили бы отнести редакцию к определенной эпохе. Однако существование списка XVIII в. указывает, что редакция не могла появиться ранее этого периода [Вилинский, 1913, с. 127].

К группе греческих редакций можно также отнести редакцию «Жития Василия Нового», которая была опубликована в сборнике XVII в. «Acta Sanctorum», составленном иезуитом Ж. Болландом и его учениками. Текст «болландистов» восходит к первой греческой редакции, поэтому его можно причислить именно к группе греческих редакций [Вилинский, 1913, с. 1–2]. Основная цель этого издания заключалась в том, чтобы представить только агиографический материал, содержащийся в «Житии», поэтому видения Григория были исключены из текста памятника как несоответствующие житийному канону [Вилинский, 1913, с. 65–66].

Кроме греческих редакций и списков «Жития Василия Нового» С. Г. Вилинский выделяет две переделки памятника, наличие которых подтверждает его большую популярность. Переделки содержатся в списках Русского Афонского Пантелеймоновского монастыря № 159 (Ламброс, 5666) и № 276 (Ламброс, 5783) [Вилинский, 1913, с. 127–128].

Славянские и русские редакции «Жития Василия Нового» ученый выделил в отдельную группу. Далее более подробно рассмотрим каждую из редакций.

Первая русская редакция представляет собой перевод некоего списка первой греческой редакции, но в нем обнаруживаются чтения, сближающие текст со второй и третьей греческими редакциями. Эти чтения возникли, по мнению С. Г. Вилинского, еще на греческой почве и читались в том неизвестном списке, к которому и восходит первая русская редакция [Вилинский, 1913, с. 174]. Несмотря на то, что самый ранний из сохранившихся списков первой редакции «Жития Василия Нового» датируется началом XVI в., редакция эта возникла, вероятнее всего, не позднее XII в., поскольку «Житие» отразилось в «нестишном» Прологе, перевод которого был сделан в XII в., и в рассказе о походе русских на Византию в 941 г. из «Повести временных лет», которая к началу XII в. тоже уже была составлена [Творогов, 1987, с. 142].

Первая русская редакция «Жития» дошла до нас в трех списках: Макарьевской Четьи-Минеи XVI в. (под 26-ым марта, л. 633-747), Чудова монастыря № 34-336, XVIII в. и Ниловой пустыни № 1 начала XVI в. Списки Четьи-Минеи и Ниловой пустыни являются самыми древними из сохранившихся русских переводов «Жития» [Вилинский, 1913, с. 129].

Вторая русская редакция восходит ко второй греческой, но разговор о ней не представляется возможным без упоминания о славянской редакции «Жития Василия Нового». Дело в том, что все славянские списки «Жития» представляют собой один перевод, который в ходе распространения претерпевал различные изменения, из-за чего и возникли разные его варианты. В ходе этого процесса появилась, в частности, и вторая славянская редакция, которая также восходит ко второй греческой. Она является именно редакцией, а не просто переводом, потому что в ней обнаруживаются некоторые переделки и обновления, которые вносил переводчик. Но эти переделки носят незначительный характер и не меняют сюжетного и смыслового наполнения второй греческой редакции,

что не позволяет говорить об ее особом славянском варианте [Вилинский, 1913, с. 226–228]. Славянская редакция сделана, по всей видимости, в Болгарии и потому ее можно считать южнославянской [Вилинский, 1913, с. 232].

Через посредство южнославянских списков этот перевод «Жития Василия Нового» попал в Россию, где тоже получил большое распространение [Вилинский, 1913, с. 232–233]. Вторая русская редакция повторяет славянский перевод и содержит только незначительные лексические и стилистические изменения и подновления [Вилинский, 1913, с. 234–235]. Возможность говорить о второй русской редакции, а не о подвиде славянской редакции, объясняется тем, что русские списки довольно сильно удалились от южнославянских по совокупности своих текстологических отличий. Иногда эти отличия непосредственно совпадают с текстом второй греческой редакции [Вилинский, 1913, с. 261–262].

Перевод «Жития» у южных славян был сделан в XIII–XIV вв., а список РГАДА, собрания К. М. Оболенского № 9 XIV–XV в. свидетельствует о том, что в конце XIV – начале XV в. «Житие» уже было известно на русской почве. Появление русской редакции памятника было вызвано, по всей видимости, эсхатологическими настроениями, характерными для европейской литературы XIV в. [Вилинский, 1913, с. 262]. Подробнее о списках, в которых читаются варианты второй русской редакции, будет сказано позднее.

Третья русская редакция была составлена Дмитрием Ростовским, известным духовным деятелем XVII в., и помещена в его Четвх-Минеях [Вилинский, 1913, с. 264]. Она представляет собой сокращенный пересказ первой русской редакции «Жития» [Вилинский, 1913, с. 266]. Помимо первой русской редакции, автор, по всей видимости, в качестве источника использовал текст, опубликованный в сборнике «Acta Sanctorum» [Вилинский, 1913, с. 268]. Эта редакция сохранилась в большом количестве списков XVIII в. и печатных изданий [Вилинский, 1913, с. 265].

Эсхатологическая направленность «Жития» обусловила его распространение в старообрядческой среде, поскольку вопросы посмертной судьбы человека и человечества всегда волновали старообрядцев. На Печоре произведение также получило распространение и бытовало в нескольких списках.

Полный текст «Жития Василия Нового» читается в трех печорских списках:

1. ИРЛИ, Усть-Цилемское собрание № 180 (далее – УЦ) – рукопись начала XIX века, форматом в 8-ю долю листа, переписанная поморским полууставом на 269 листах, переплет сделан из досок, покрытых тисненой кожей, с двумя медными застежками, обрез красный, с тиснением. Владычская надпись на 267 листе читается неразборчиво. Рукопись найдена в деревне Скитская [Мальшев, 1961, с. 578].

2. ИРЛИ, Усть-Цилемское новое собрание № 65 (далее – УЦн.) – рукопись начала XIX века, форматом в 4-ю долю листа, переписана поморским полууставом на 144 листах. Переплет – доски, покрытые тисненой кожей. Книга реставрирована известным печорским книжником И. С. Мяндиным. Имеется владычская запись Игнатия Ивановича Тиронова от 1871 г. и его же помета о покупке рукописи у вдовы Анны Савичны Самороковой (д. Устье) за 2 рубля. Также имеется читательская помета Игнатия Ивановича Ермолина от 1900 г. из с. Усть-Цильма [Рабочее машинописное описание].

3. НБ СГУ им. Питирима Сорокина, Усть-Цилемское собрание рукописей № 33 (далее – УЦр.) – рукопись начала XIX века, форматом в 8-ю долю листа, переписана поморским полууставом двух почерков на 211 листах. Переплет – доски в коже с одной застежкой. Книга реставрирована в 1980 году С. А. Носовым, местным старообрядческим писателем XX века. Имеются читательские надписи И. М. Вокуева, Прокопия и Ивана Чупровых.

Именно этот последний печорский список «Жития» НБ СГУ им. Питирима Сорокина УЦ р.33 в первую очередь стал объектом нашего текстологического исследования. Основная задача, которая стояла перед нами, – определить, к какой редакции относится

печорский список «Жития Василия Нового», какие изменения были внесены переписчиком в текст редакции. Для этого мы провели содержательный и текстологический анализ печорского списка НБ СГУ им. Питирима Сорокина УЦ р.33.

Рассмотрим более подробно содержание «Жития Василия Нового». «Житие» довольно велико по своему объему, поэтому для анализа содержания памятника мы разделили его на крупные тематические блоки.

Во вступительном фрагменте «Жития» описывается, как святой Василий попадает в Константинополь. Затем следует завязка, где описывается, как Василий приходит жить в дом к Иоанну и совершает там свои первые чудеса. В этом тематическом блоке помимо чудес описывается знакомство Григория со своим учителем.

За описанием первых чудес следует «Хождение Феодоры по воздушным мытарствам». Мытарства в «Хождении» строятся по определенной схеме: вход души в мытарство, грехи души, отрабатываемые на мытарстве, искупление грехов (добродетелями Феодоры или даром святого Василия), продолжение пути и выход души из мытарства. Некоторые мытарства описаны подробно и включают в себя все составляющие, другие же имеют краткую композицию, что связано с тем, что Феодора не имеет грехов, подвластных этому мытарству. После мытарств описывается все то, что видит Феодора, войдя в небесные врата. По завершении рассказа Феодоры следует продолжение видения Григория, где он описывает дом святого Василия, сад вокруг него и трапезу в нем.

После «Хождения Феодоры» в «Житии» описываются чудеса святого Василия, что продолжается вплоть до видения о Страшном Суде, которое предваряет подробная беседа об иудейском вероучении. Василий убеждает своего ученика в неверности Ветхого завета и в греховности иудеев, следующих его предписаниям. В доказательство этой точки зрения Василий просит Господа послать Григорию видение. В этом видении подробно описывается все то, что происходит на Страшном Суде от подготовки к нему и появления Судии до вынесения приговора грешникам и награждения праведников. За видением следует поясняющая его беседа. Развязкой «Жития» можно считать смерть Василия, а последующие приготовления к похоронам и собственно сами похороны – эпилогом.

Для сопоставления нами в первую очередь были привлечены первая и вторая русские редакции, списки которых опубликованы в монографии С. Г. Вилинского [Вилинский, 1911, с. 350–893]. Третью редакцию, составленную Дмитрием Ростовским, мы не стали брать в расчет, поскольку она содержит сокращенный текст «Жития», кроме того, в ней основное внимание уделено жизнеописанию святого, а видения значительно сокращены. В печорском же списке эсхатологические видения Григория выдвинуты на первый план и занимают значительный объем текста.

Необходимость сопоставления списка УЦ р. 33 со списком второй южнославянской редакции также представилась нам сомнительным. Во-первых, эта редакция читается в основном в южнославянских списках, с которыми печорский переписчик вряд ли был знаком; во-вторых, вторая русская редакция содержит тот же перевод, что и славянская, следовательно, разумнее будет сопоставить наш список сразу со второй русской редакцией. Кроме того, Вилинский указал, что в его вариантах к публикуемому списку второй русской редакции имеется список РНБ F.I, 261 (a), который наиболее близок к тексту южнославянской редакции. Мы решили, если в ходе сопоставления в печорском списке обнаружится большое количество чтений, совпадающих с вышеуказанным списком, то мы вполне резонно привлечем к анализу и южнославянскую редакцию.

Первая русская редакция опубликована С. Г. Вилинским по списку из Великих Миней Четых митрополита Макария, варианты к ней приведены по списку Чудова монастыря [Вилинский, 1911, с. 350–623]. Сопоставительный анализ выявил большое количество разночтений печорского списка УЦр. 33 с текстом первой редакции уже на содержательном

уровне. В списке УЦр. 33 опущены некоторые исторические факты, события из жизни святого Василия, а также топографические сведения о Константинополе.

Первое видение Григория в печорском списке и в списке Великих Миней Четых в содержательном плане отличается незначительно. Список УЦр. 33 описывает 21 мытарство, как и первая редакция. Но в первой редакции выделено мытарство «оболгания», которого в печорском списке нет, зато появляется мытарство «о поругании».

Многие эпизоды видения о Феодоре в печорском списке сокращены, однако в нем появляются отсутствовавшие в тексте первой редакции ответы на насущные вопросы христианства: почему люди испытываются на мытарствах, от чего избавляет исповедание перед смертью. В целом эти расхождения УЦр. 33 со списком первой редакции не очень значительны, что свидетельствует о важности эсхатологических видений в составе «Жития Василия Нового» для печорских читателей-старообрядцев.

Второе видение Григория о Страшном Суде в списке УЦ р. 33 в плане содержания в целом совпадает с текстом первой редакции, однако многие эпизоды этого видения в первой редакции описаны более подробно.

Уже эти отличия печорского списка УЦр. 33 от текста первой русской редакции на содержательном уровне свидетельствуют о том, что печорский текст вряд ли восходит к первой редакции, поскольку многие крупные эпизоды в списке УЦ р. 33 опущены, а присутствующие тематические блоки сильно сокращены. Сохранение в печорском списке композиции и основного содержания видений Григория, как первого, так и второго, свидетельствует скорее не о принадлежности его к первой редакции, а о значимости эсхатологических фрагментов в сюжете «Жития Василия Нового».

Язык исследуемых списков также довольно сильно разнится, что подтверждает наше предположение о том, что список УЦ р. 33 не восходит к первой русской редакции «Жития». Печорский список написан более простым языком, в нем отсутствуют многочисленные риторические обороты и украшения, характерные для списка Великих Миней Четых. Встречаются целые фрагменты текста, использующие различную лексику и фразеологию, но при этом вполне сходные по содержанию.

Великие Миней Четьи	НБ СГУ УЦр. 33 ¹
И сквернена, и темна лица ихъ, их же видѣние токмо бысть, яко видѣние геона огненаа, тии сквернии, сихъ убо лютыхъ не могуще зрѣти. И не доволна ми бяшетъ си горестъ смертнаа, но имяхъ сихъ бѣду, что убо будеть. Вращаючи ми ся <u>тѣмо</u> и <u>онамо</u> и от скверненаго видѣния и инде умнаго зрѣния мечюща, не хотяхъ зрѣти ни слышати нечестивыхъ крамол. (С. 415)	Азь же сихъ зряще, велми устраашахся, и до конца изнемогохъ, и в сихъ страждуци смотряхъ <u>сѣмо</u> и <u>овамо</u> , дабы кто отгналъ тѣхъ безчинное шатание, и не бѣ помогающаго ми, и отвращахъ очи мои от нихъ, да быхъ не видѣла тѣхъ мрачныхъ лицъ, и вельми притужаху мнѣ, в сицевѣ бѣдѣ суци (л. 17-17 об.)

В представленных фрагментах описывается страх старицы Феодоры перед бесами, окружившими ее душу после смерти, но, как мы видим из примеров, текстологически эти фрагменты практически не совпадают, для выражения ужаса Феодоры используются совершенно разные слова и выражения. Наличие подобных фрагментов только подтверждает наше предположение о том, что список УЦр. 33 не восходит к первой русской редакции «Жития».

¹ Для удобства прочтения текста в таблицах сократим название университета СГУ им. Питирима Сорокина до аббревиатуры СГУ.

Обнаруживаются в списках, однако, такие фрагменты, где совпадают некоторые слова и фразы, по всей видимости, отражающие архаичные чтения. Но чтения эти часто отрывочны и не имеют системы.

Великие Минеи Четьи	НБ СГУ УЦр. 33
<i>В ту же ночь</i> мало уснувшю ми <i>видѣхъ нѣкоего юношу, глаголюща ми</i> (С. 412)	<i>В ту же ночь</i> уснухъ на одрѣ моемъ, и се <i>видѣхъ юношу нѣкоего</i> , благозрачна и столѣпна, пришедша ко мнѣ и <i>глаголюща ми</i> (л. 12)
« <i>Азъ</i> бо рече <i>приидохъ</i> во имя <i>Отца Моего</i> , и не приасте <i>мене</i> , егда же <i>инъ</i> <i>приидеть</i> въ имя свое, <i>того примете и въ грѣсѣхъ</i> своихъ <i>умрете</i> и примете» (С. 473)	« <i>Азъ</i> <i>приидох</i> от имени <i>отца моего</i> , и не приемлете <i>мене</i> , <i>инъ</i> <i>приидет</i> о своемъ имени, <i>того примете и во грѣсѣхъ</i> <i>вашихъ умрете</i> ». (л. 74)

Обычно неизменными в обоих текстах остаются имена собственные, поскольку составитель печорского списка, по всей видимости, мало что знал о Византии X в., чтобы исправлять и переделывать греческие наименования. В печорском списке также без изменений оставлены имена пророков, апостолов и различные религиозные понятия.

Таким образом, текстологические наблюдения подтвердили предположение о том, что список УЦ р. 33 вряд ли восходит к первой русской редакции. Поэтому далее мы обратимся к сопоставлению печорского списка с текстом второй русской редакции, который опубликован также в монографии С. Г. Вилинского [Вилинский, 1911, с. 743–893].

Вторая русская редакция опубликована исследователем по списку РНБ F.I, 726 XVIII в. с привлечением большого количества вариантов:

- список РНБ F.I, 261 XVII века (*a*¹);
- список РНБ Q.CCVII, № 4032 XVIII века (*б*);
- РГБ, № 1782, XVII века (*в*);
- РНБ, № 232 (Соловецкой библиотеки, № 504), XVII века (*г*);
- РНБ, № 208 (Соловецкой библиотеки, № 513), XVI века (*д*);
- РГБ (собрание Пискарева), № 547, XVIII века (только видение Григория) (*и*);
- ЦНБ Украины им. Вернадского, № 175 (О 4 18), XVIII века (только видение Григория) (*к*);
- РНБ (собр. Ф.И. Буслаева), Q.I, 1144, XVIII века (*е*);
- РНБ (собр. Ф.И. Буслаева), Q.I, 1160, XVIII века (*ж*);
- РНБ (собр. Ф.И. Буслаева), F.I, 736, XVIII века (только вторая половина Жития — видение Григория) (*з*);
- РНБ, Q.I, 326, кон. XVI века (*и*).
- РНБ, С.П.8, № 36, 1794 года (Почаевское издание по Макарьевской Минее) (*п*) [Вилинский, 1911, с. 743].

Мы вполне резонно предположили, что такое обилие вариантов позволит нам не просто выяснить, принадлежит ли печорский список ко второй русской редакции, но и, возможно, установить, к какому из указанных списков печорский вариант «Жития» более близок.

В ходе сопоставительного анализа мы установили, что в плане содержания печорский список практически не отличается от второй русской редакции. В нем описаны те же чудеса святого Василия, что и во второй редакции, и опущены те же исторические сведения и чудеса святого Василия, которые отсутствуют в тексте второй редакции по сравнению с первой.

¹ В скобках указаны условные обозначения списков, введенные самим С. Г. Вилинским. Для удобства и мы будем использовать их.

Так, в тексте второй редакции и списке УЦ р.33 читаются такие чудеса святого Василия: избавление некоего Феодора от недуга, вызванного колдовством волхва, исцеление от болезни раба одного вельможи, изгнание беса из человека, гостившего в доме братьев Гонгилиев, извлечение кости из горла женщины. Но при этом во второй редакции и в печорском списке отсутствуют чудеса исцеления святым Василием различных людей и его пророчества, предшествующие первому видению о Феодоре, чудо исцеления юноши от лихорадки, чудо усмирения необъезженного коня, которые читаются в тексте первой русской редакции. Кроме того, во второй редакции и УЦр. 33, в отличие от первой русской редакции, отсутствуют обширные фрагменты, описывающие крупные исторические события, например, восстание граждан Константинополя против архиепископа Николая, возглавляемое Константином Дукой, и многочисленные генеалогические сведения о правящих в Константинополе императорах, об их женах, детях и других родственниках.

Такое сходство печорского списка «Жития» со второй русской редакцией уже на содержательном уровне только подтверждает наше предположение о том, что список УЦр. 33 восходит именно ко второй русской редакции, а не к первой. Как и во второй редакции в печорском списке на первый план выдвигаются эсхатологические видения Григория, которые весьма объемны и представляют собой композиционные центры произведения.

Приведем наши текстологические наблюдения, сделанные при сопоставлении печорского списка со списками второй редакции.

При сопоставлении списка УЦр. 33 со списком РНБ F.I, 726, который был использован С. Г. Вилинским при издании как основной список второй русской редакции, нами был выявлен ряд текстуальных различий, которые, впрочем, не сильно меняют содержание текста и не искажают его основного смысла. При этом обнаруживаются такие фрагменты, которые практически полностью совпадают друг с другом по тексту.

РНБ F.I, 726	УЦр.33
...обрѣтоша старца-пустынника скитающася в горахъ, сего глаголю прѣподобнаго Василия. И мнѣвше, сего сходника быти, и сего емше, в царствующи градъ связана приведоша. (С. 746)	...и обрѣтоша старца-пустынника, скитающася в горахъ, сего, глаголю, преподобнаго Василия. И мнѣвше сего сходника быти, и сего емше, царствующи градъ связана приведоша. (л. 2-2 об.)

Сопоставительный анализ показал, что наше предположение о принадлежности печорского списка ко второй редакции «Жития» подтверждается, но выявленные различия свидетельствуют о том, что список УЦр. 33 не восходит к списку РНБ F.I, 726 или близкому ему. Однако многие чтения печорского списка мы обнаружили в приведенных к основному списку второй русской редакции вариантах, перечень которых указан выше.

Отдельно следует сказать о списке, который был заявлен С. Г. Вилинским как наиболее близкий к тексту южнославянской редакции. Проведенный нами сопоставительный анализ УЦ р. 33 со списком РНБ F.I, 261 XVII века (а), наиболее близким к тексту южнославянской редакции, показал, что чтения печорского списка, соответствующие РНБ F.I, 261, встречаются и во многих других списках, помимо указанного. Чтения же, совпадающие только с вариантом а, единичны и на принадлежность списка УЦ р. 33 к южнославянской редакции вряд ли указывают.

РНБ F.I, 726	РНБ F.I, 261 XVII века (а)	НБ СГУ УЦр. 33
...впадетъ в земныи, огня пламень, изгорает...(С. 757)	...впадетъ в земныи, огня пламень, изгорает <u>и помалу сожигаемъ</u>впадетъ в зельныи, пламень огня изгараеть <u>и</u>

	<i>разрушается...</i> (С. 757, сноски VII, 17) <i>(в списке а)</i>	<i>по малу сожигаемъ, разрушается.</i> (л. 16 об.)
...или образомъ исправите хотя согрѣшившаго... (С. 762)	...или <i>коимъ</i> образомъ исправите хотя согрѣшившаго... (С. 762, сноска IX, 15) <i>(в списке а)</i>	или <i>коимъ</i> образомъ исправити хотя согрѣшившаго (л. 24 об.)

Появление чтений, отразившихся в печорском списке, могло быть обусловлено знакомством книжника с каким-то вариантом списка *а* или с подобными текстами, из которых он и воспроизвел чтение по памяти. С другой стороны, вероятнее всего, некоторые чтения могли возникнуть самостоятельно, независимо от того, был переписчик знаком со списком *а* или нет.

Сопоставление списка УЦр. 33 с текстом второй русской редакции показало, что совпадающие с печорским списком чтения часто встречаются в большой группе вариантов.

РНБ Ф.1, 726	Варианты	НБ СГУ УЦр. 33
...и повѣдаша Самонѣ вся, но ни тако внять бывшаго чюдеси, и со гнѣвомъ вопроши его, якоже и прежде. (С. 748)	и повѣдайте Самонѣ вся, <i>яже о святѣмъ. Он же разгордѣся</i> , но ни тако внять бывшаго чюдеси, и со гнѣвомъ вопроши его, якоже и прежде. (С. 748, сноска II, 10) <i>(в списках б, в, г, д, ж, е, П)</i>	и повѣдаша Самонѣ вся, <i>яже о святѣмъ. Он же разгордѣся</i> , ни тако (л. 5) внять бывшаго чюдеси, и со гнѣвомъ вопроши его, якоже прежде. (л. 4 об. – 5)
«Содомское дѣло дѣлающе, якоже и ты, ты ся сицевыи неправоудни в правду нарицаются» (с. 748)	« <i>Иже содомская дѣла дѣлающи, якоже суть</i> сицевыи неправоудни в правду нарицаются» (с. 748, сноска II, 18-18) <i>(в списках а, б, в, г, д, ж, П)</i>	« <i>Иже содомская дѣла дѣлающи, якоже суть</i> сицевыи неправоудни в правду нарицаются». (л. 5 об.)
...любя мя паче иныхъ, <i>иже в духовнѣи</i> с ними бесѣдоваше... (стр. 752)	...любя мя паче иныхъ <i>дѣтей своихъ духовныхъ, и духовнѣ</i> с ними бесѣдоваше... (стр. 752, сноска IV.38-38) <i>(в списках б, в, г, е, ж, П)</i>	...любя мя паче <i>иныхъ дѣтей своихъ духовныхъ, и духовнѣ</i> с нимъ бесѣдоваше... (л. 10)
...строение же его <i>не от вара, ни от зноя, ни от древа, ни от стекла, ни гипсосо...</i> (С. 801)	...строение же его <i>не от вара, ни от мрамора, ни от древа, ни от стекла, ни гипсосо</i> ... (С.801, сноска XLIII, 2-2) <i>(в списках а, в, г, д, П)</i>	...устроение же его <i>не от вара, ни от мрамора, ни от древа, ни от стекла, ни гипсосо</i> (л. 84 об)

Такие совпадающие чтения не позволяют определить, к какому из списков может восходить УЦр.33, но они доказывают принадлежность печорского списка ко второй редакции.

Некоторые совпадающие с печорским списком чтения встречаются лишь в нескольких вариантах второй русской редакции.

РНБ Ф.1, 726	Варианты	НБ СГУ УЦр. 33
...что <i>претворяете над умирающаго</i> и молвы	...что <i>предваряете надъ умирающую</i> и молвы творяще, смущаете и устрашаете	...что <i>предваряете надъ умирающую</i> и молвы творяще, смущаете и

творяще, смущаете і устрашаете (С. 758)	(С. 758, сноска VII, 46-46а) (в списках в, з, д, П)	устрашаете безстуднии (л. 18)
Мытарство 20-е, блудное, исполнено всякаго гнѣва и блуда. (С. 774)	Мытарство 20-е, блудное, <u>И приидохомъ къ мытарству</u> <u>20-му, еже есть блудное,</u> исполнено всякаго гнѣва и блуда. (С. 774, сноска XXIX, 1) (в списках в, з, д, П)	Мытарство 20-е, блудное. <u>И приидохомъ къ</u> <u>мытарству 20-му, еже</u> <u>есть блудное.</u> Исполнено всякаго блуда. (л. 42)

Из примеров видно, что чаще всего совпадающие с УЦр. 33 чтения встречаются в следующих вариантах второй русской редакции: РГБ, № 1782, XVII века (**в**), РНБ, № 232 (Соловецкой библиотеки, № 504), XVII века (**з**), РНБ, № 208 (Соловецкой библиотеки, № 513), XVI века (**д**), РНБ, С.П.8, № 36, 1794 года (Почаевское издание по Макарьевской Минее) (**П**).

Разночтения вариантов и списка УЦ р. 33 с основным списком второй русской редакции разнообразны. Они включают в себя и добавление/исключение слов и выражений, и употребление разных форм слов (бываше/бьяше; возлюбленным/возлюбльшим; умирающаго/умирающую), и замену слова синонимом (зборъ/множество).

При дальнейшем анализе выявленных разночтений в указанных ранее комбинациях вариантов второй редакции, в которых встречаются совпадающие с печорским списком чтения, мы обнаружили следующую закономерность: в подавляющем числе комбинаций нам встречается список, использованный для Почаевского издания 1794 года по Макарьевской Минее РНБ, С.П.8, № 36 (**П**). Кроме того, в тексте списка УЦ р. 33 нами было выявлено большое количество чтений, которые совпадают только с чтениями варианта **П** и ни с какими другими больше.

РНБ F.I, 726	РНБ, С.П.8, № 36 (П)	НБ СГУ УЦр. 33
...аз же <u>много стужах его</u> <u>о семь.</u> (с. 753)	...аз же <u>о семь стужахъ</u> <u>ему</u> (стр. 753, сноска V.25, 26)	...азъ же <u>о семь стужахъ</u> <u>ему</u> (л. 11 об.)
...яко <u>изуворъ</u> образно (с. 757)	...яко <u>звърообразнии и</u> <u>изувъро</u> (с. 757, сноска VII.24-24)	...яко <u>звърообразнии и</u> <u>изувъро</u> (л. 16 об. – 17)
...и многа велика бремена принесоша, <u>написана на</u> <u>хартіях...</u> (С. 757)	...и многа велика бремена принесоша, <u>написаны</u> <u>хартія...</u> (С. 757, сноска VII, 26-26)	И многа и великая бремена принесоша <u>написаны</u> <u>хартія</u> (л. 17)
... <u>приступиша омраченнии</u> они, глаголюще... (С.759)	<u>приступиша мрачнии</u> они, глаголюще... (С. 759, сноска VII, 104-104)	<u>Приступиша мрачнии</u> они, глаголюще... (л. 20 об.)

Близость НБ СГУ им. Питирима Сорокина УЦ р. 33 к тексту РНБ, С.П.8, № 36 доказывается также наличием мелких совпадающих чтений, в частности, использованием форм одного и того же слова.

РНБ F.I, 726	РНБ, С.П.8, № 36 (П)	НБ СГУ УЦр. 33
...моли много святаго, <u>да</u> <u>шедъ</u> въ домъ его (с. 751)	... моли много святаго, <u>дабы шель</u> въ домъ его (с. 751, сноска IV.13-13)	... моли много святаго, <u>дабы шель</u> в домъ его (л. 8 об.)

...житие <i>проводи</i> , многими добродѣтели украшена, ... (с. 752)	...житие <i>препроводи</i> , многими добродѣтели украшена (с. 752, сноска V.9-8)	...житие <i>препроводи</i> , многими добродѣтелями украшена... (л. 11)
...и паки <i>возръв</i> тамо (стр. 801)	...и паки <i>позръхъ</i> тамо (стр. 801, сноска XLII.37)	...и паки <i>позръхъ</i> тамо (л. 84)
...всячески <i>страина</i> и челоуѣческаго устроения (с. 758)	...всячески <i>странна</i> и челоуѣческаго устроения (с. 758, сноска VII.61)	...И всячески <i>странна</i> челоуѣческаго устроения (л. 18 об.)

Чтения эти, как мы можем заметить, незначительны. Их возникновение в списках можно списать и на ошибки писца во время запоминания или воспроизведения текста, однако тот факт, что список УЦ р. 33 содержит большое количество таких мелких чтений, характерных только для *П*, позволяет утверждать о значительной близости списка НБ СГУ им. Питирима Сорокина УЦ р. 33 к списку РНБ, С.П.8, № 36, изданному в Почаеве.

Кроме того, довольно часто в основном списке второй русской редакции, РНБ F.I, 726, и прочих его вариантах отсутствуют чтения, которые в списках *П* и УЦ р. 33 совпадают.

РНБ F.I, 726	РНБ, С.П.8, № 36 (П)	НБ СГУ УЦр. 33
...и освятити благословениемъ и вхождениемъ дом его (с. 750)	...и освятити и вхождениемъ <i>ногъ</i> его (с. 750, сноска IV.7-7, 8)	...и освятити и вхождениемъ <i>ногъ</i> его (л. 8)
Одержимъ бѣ, яко сожещи мя приведе (стр. 800)	Одержимъ бѣ, <i>мня</i> , яко сожещи мя приведе (стр. 800, сноска XLII.19)	Одержимъ бѣхъ, <i>мня</i> , яко сожещи мя, приведе (л. 83)
...кии есть миръ сеи страшнии (с. 802)	... <i>кия есть страны сий миръ</i> (с. 802, сноска XLIII.19-19)	... <i>кия есть страны сий миръ</i> (л. 86)
Инымъ иная моя соузы (стр. 759)	Инымъ иная моя <i>составы тѣлесныя</i> , и соузы (стр. 759, сноска VII.78)	иным иная моя <i>составы тѣлесныя</i> , и соузы (л. 19 об.)

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что текст списка НБ СГУ им. Питирима Сорокина УЦр. 33 наиболее близок к тексту Почаевского издания, РНБ, С.П.8, № 36 (*П*). В них обнаруживается большое количество совпадающих чтений, отличающихся от чтений других списков второй русской редакции «Жития». На этом основании мы можем сделать предположение о довольно близком родстве печорского списка списку *П*.

Однако нельзя говорить о полной идентичности сопоставляемых списков, а следовательно, нельзя утверждать, что список *П* является протографом для списка УЦ р. 33. Об этом свидетельствуют чтения печорского списка, совпадающие с чтениями из других вариантов второй русской редакции (например, РНБ Q.CCVII, № 4032 (*б*) или РНБ F.I 261 (*а*)).

РНБ F.I, 726	Варианты	НБ СГУ УЦр. 33
По днехъ же скончася Феодора, преподобная старица, яже <i>служаша</i> ему (С. 752)	По днехъ же скончася Феодора, преподобная старица, яже <i>служашая</i> ему (С. 752, сноска V, 7) (<i>в списке б</i>)	Поднехъ же скончася Феодора, преподобная старица, <i>служашая</i> ему (л. 10 об. – 11)

...впадетъ в земныи, огня пламень, изгорает... (С. 756)	...впадетъ в земныи, огня пламень, изгорает <u>и помалу сожигаемъ, разрушается</u> ... (С. 756, сноска VII, 17) (в списке а)	...впадетъ в зельныи, пламень огня изгараеть <u>и помалу сожигаемъ, разрушается</u> . (л. 16 об.)
Мытарство 7-е о празднословии и сквернословии (С. 765)	Мытарство 7-е о <u>празднословие, и сквернословие</u> (С. 765, сноска XV, 1-1) (в списке б)	Мытарство 7-е, <u>празднословие, и сквернословие</u> . (л. 28)
...ядохъ до обѣда и по обѣдѣ... (С. 772)	...ядохъ до обѣда, <u>и на обѣдѣ и по обѣдѣ</u> ... (С. 772, сноска XXIII, 9) (в списке а)	...ядох до обѣда, <u>и на обѣдѣ чрез мѣру, и по обѣдѣ</u> ... (л. 38 об.)

Чтения, подобные указанным в примерах, хоть и встречаются в тексте «Жития», но их сравнительно немного, поэтому мы не можем сделать вывод о близости печорского списка к какому-либо из этих списков. При этом некоторые чтения могли возникнуть и самостоятельно, независимо от того, каким списком пользовался печорский книжник. Эти чтения также могут быть объяснены тем, что автор печорского списка читал другие тексты, близкие указанным спискам, и некоторые чтения ему просто запомнились.

Из всего вышесказанного мы можем заключить, что источником для переписчика печорского списка УЦ р. 33 был, по-видимому, какой-то список, близкий **II**, но содержащий чтения, характерные как для **II**, так и для некоторых других списков второй русской редакции. Нельзя исключать и того, что редактор печорского списка имел на руках несколько списков второй редакции и заимствовал слова и выражения то из одного, то из другого списка, однако, как нам кажется, основным был список, близкий **II**.

Следует также отметить наличие в печорском списке индивидуальных чтений, которые характерны только для него и не встречаются ни в тексте второй редакции, ни в его вариантах.

РНБ F.I, 726	НБ СГУ УЦр.33
Внезапу обрѣтесе ту отецъ нашъ Василии посреди... (С. 761)	<u>и се</u> внезапно обрѣтесе отецъ нашъ Василии духомъ <u>святымъ</u> ту посреди <u>насъ</u> . (л. 22 - 22 об.)
...абие срѣте насъ мытарство первое, еже глаголется оклеветание. (С.762)	И абие <u>внезапу</u> срѣте насъ мытарство 1-е, еже глаголется <u>быти</u> оклеветание... (л. 24)

Иногда же наблюдается обратная картина: в списке УЦ р. 33 отсутствуют чтения, характерные для основного списка второй русской редакции и для его вариантов.

РНБ F.I, 726	НБ СГУ УЦр.33
Константинъ, нѣкто примикурии, <u>духовныи же сынъ преподобному</u> , многу вѣру и любовь имѣи к нему (С. 750-751)	Константинъ же, нѣкто примикурий, многу вѣру и любовь имѣя к нему (л. 8 об.)
...старѣйшина же <u>у нихъ</u> бяше свирѣпъ... (С. 763)	старѣйшина же бяше свирѣпъ (л. 26)
Чюдо первое преподобного <u>отца нашего</u> Василия (С.787)	Чюдо 1-е преподобнаго Василия (л. 62 об.)

В результате проведенного нами сопоставительного анализа печорского списка УЦр. 33 и списков второй редакции «Жития Василия Нового» мы с уверенностью можем

заключить, что список УЦр. 33 восходит ко второй русской редакции, а также не представляет собой самостоятельной редакции, поскольку в нем не обнаруживается целенаправленной обработки содержания и композиции текста, а выявленные разночтения не искажают смысла текста и не меняют его сюжета и композиции. Однако большое количество текстуальных разночтений между списками УЦр. 33 и основным списком второй редакции РНБ F.I, 726 свидетельствует о том, что печорский список не восходит непосредственно к этому списку второй редакции.

Совпадающие с УЦ р. 33 чтения мы обнаружили в приведенных к основному списку вариантах, среди которых наиболее близок печорскому тексту список, изданный в Почаеве в 1794 году, РНБ, С.П.8, № 36 (**П**), что свидетельствует о том, что создатель печорского списка имел в качестве источника текст, близкий списку **П**, однако не совпадающий с ним полностью, или же несколько списков, содержащих чтения разных вариантов второй русской редакции.

Частично мы исследовали и два других печорских списка «Жития Василия Нового», ИРЛИ УЦ 180 и ИРЛИ УЦ н. 65, но результаты этого анализа будут представлены в следующей статье.

Список литературы

1. Ануфриева Н. В. Об особенностях бытования «Жития Василия Нового и Григорьева видения» в средневековых книжных традициях // Вестник музея «Невьянская икона». Екатеринбург, 2010. Вып. III. С. 161–181.
2. Батюшков Ф. Д. Спор души с телом в памятниках средневековой литературы. Опыт историко-сравнительного исследования. СПб., 1891. С. 77–84.
3. Вилинский С. Г. Житие святого Василия Нового в русской литературе. Одесса, 1913. Ч. 1. Исследование. 355 с.
4. Вилинский С. Г. Житие святого Василия Нового в русской литературе. Одесса, 1911. Ч. 2. Тексты «Жития». 1019 с.
5. Демин А. С. Загробный мир // Древнерусская литература: Изображение природы и человека : кол. монография. М.: Наследие. 1995. С. 182–191.
6. Дергачёва И. В. Посмертная судьба и иной мир в древнерусской книжности / отв.ред. д-р филол. н. А. А. Дубровик. М.: Круг. 2004. С. 71–91.
7. Жаворонков П. И. Василий Новый // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. VII. С. 210.
8. Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописи XVII–XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т. 17. С. 561–604.
9. Пентковская Т. В. Житие Василия Нового // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. VII. С. 210.
10. Рабочее машинописное описание, хранящееся в Древлехранилище ИРЛИ.
11. Сахаров В. А. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879. 249 с.
12. Творогов О. В. Житие Василия Нового // Словарь книжников и книжности Древней Руси (XI – первая половина XIV в.). Л.: Наука. 1987. Вып. 1. С. 142–143.

Карнавальный дискурс поэзии В. А. Савина

Carnival discourse of V.A. Savin's poetry

В статье рассматривается поэзия одного из основоположников коми литературы В. А. Савина (1888–1943) сквозь призму карнавального дискурса. Показано, что его произведения иронико-юмористического направления 20-х гг. XX века – эпохи перемен – соотносимы с древней традицией народной культуры, с его серьезно-смеховым жанром мениппеи.

Ключевые слова: В. Савин, М. Бахтин, иронико-юмористическое направление, карнавальный дискурс, мениппея.

The article examines the poetry of one of the founders of Komi literature V. A. Savin (1888–1943) through the prism of carnival discourse. It is shown that his works of the ironic and humorous direction of the 20s. XX century - epochs of change are correlated with the ancient tradition of the folk platform of culture, its serious-laughing genre – menippea.

Keywords: V. Savin, M. Bakhtin, ironic and humorous direction, carnival discourse, menippea.

20-е гг. XX в. в России – эпоха грандиозного слома старой жизни и строительства новой, которая втянула весь народ в водоворот всемирной значимости. Литература этого периода – явление яркое и многогранное. Исследователи постреволюционной литературы говорят о сложном, но «творчески плодотворном развитии литературы, об интенсивном, учащенном ритме в сфере искусства и культуры, временно не испытывавших жесткого давления со стороны власти» [Роговер, 2004, с. 155]. Относительно свободное развитие литературы определило многообразие поисков художников слова в освоении новой действительности. Творчество писателей, обладавших внутренней свободой, составило то направление в коми литературе, которое В. Н. Дёмин обозначил как «иронико-юмористическое» [Дёмин, 1985, с. 11], которое, по мнению ученого, является наиболее самобытным. Комический ракурс в освоении жизни позволил писателям максимально широко показать не только неопределенность, двойственность переходного времени, его пестроту, контрасты, но и яркие национальные черты, подробности быта.

Основоположником иронико-юмористического направления в коми литературе стал В. А. Савин (1888–1943). Вдохновленный революцией и исполненный национального энтузиазма писатель (поэт, прозаик, драматург), создатель коми театра, композитор, журналист, актер, общественный деятель В. Савин явился мощным воплощением самоутверждения народа, самовыражения народа в его высшем проявлении. В то же время он взял на себя обязанность быть духовным проводником в новое время, носителем революционного самоизменения народа. Ренессансный тип мышления В. Савина был направлен на использование всех богатств устного народного творчества*, родного языка для создания новой литературы, имеющей жизненные формы и обладающей непосредственным общественным просветительским действием. В. Савин много работал над «коми формой» своих произведений. Он был не только практиком, но и теоретиком

* Образы его произведений, по меткому выражению одного из первых его критиков А. Забоева (Сан-Антус), почти всегда «зачерпнуты из бочки фольклора». См. об этом: Сан-Антус «Мунёны» // Ордым. 1929. № 12. С. 48.

национальной литературы. Обобщением его раздумий стала статья «Коми кывбур формаяс йылысь» (О формах коми стихотворений), опубликованная в журнале «Ордым» в 1930 г., в которой он призывал искать новые формы в народном творчестве [Савин, 1930].

Отражением того комплекса задач, которые ставил перед собой лидер коми возрождения, стало появление в его творчестве особой жанровой формы, а точнее, вида серьезно-смехового жанра, соотносимого с древней традицией мениппеи, или Менипповой сатиры. Понятие, введенное в литературоведческий оборот М. Бахтиным (1929–1963) [Бахтин, 1979, с. 131–137], означает определенную жанровую сущность, появляющуюся в определенные переходные эпохи, эпохи перемен. В ее основе карнавальное самосознание, выплескивающаяся народная стихия, «развенчание» старого мира и «увенчание» нового. Такие произведения В. Савина, как стихотворения «Вен» (Спор, 1922), «Тутуруту Семö» (Тутуруту Семен, 1926), пьесы «Райын» (В раю, 1921) и «Инасьтöм лов» (Неприкаянная душа, 1926) и даже рассказ-очерк «Луча» (1921), имеют метажанровую природу и, в соответствии с концепцией М. Бахтина, в них можно обнаружить характерные признаки мениппеи, подробно рассмотренные нами ранее [Лисовская, 2009, с. 54–60].

Стилистика произведений В. Савина иронико-юмористического направления, имеющая гибкий карнавализованный дискурс, связана с обретением народом своего голоса, в них свободное и глубокое карнавальное ощущение, отсюда «крылатость» его поэзии и «коми народный иронический прищур» [Дёмин, 1995, с. 165, 164]. Свообразие савинского смеха в его легкости, – так определяет его особенности тончайший знаток коми языка В. И. Лыткин [с. 80]. И более всего юмор (смех) заключается в лексике его произведений – «Медьёнась юморыс (серамыс) сылөн кывъясас» [Лыткин, 1994, с. 82]. И В. И. Лыткин, и В. Н. Дёмин очень точно определили особенности «смехового слова» В. Савина – легкость и крылатость. «Смеховое слово» (М. Бахтин), характерное для «фамильярно-площадной речи» [Бахтин, 2008, с. 12], в поэзии В. Савина продуцирует особую смеховую энергию раскрепощенного слова, окрыленного свободой. Непревзойденное умение выявлять смеховые смыслы в повседневности и быть актуальным, генерировать новые смыслы без «тяжелого» пафоса с любовью к коми человеку – таковы особенности поэзии В. Савина иронико-юмористического направления.

В стихотворении «Сьёлöм сьёлöм» (Песня сердца, 1921) он пишет:

Унаысь ме сывывлвлі,	Часто я пел,
Йёзсянь «аттьö» кывлывлі;	От людей «спасибо» слышал;
Пöлянöн моз чипсая,	Словно на дудке играю,
Йёз сьёлöмö чуксая	В людском сердце откликаюсь
Коми сьыланкывйöн.	Коми песней.
Кор ме сыла – вощё юр,	Когда я пою – пробуждается сознание.
Пыр ме сыла мый медбур:	Всегда я пою о том, что лучше.
Лека олöм вуштышта,	Плохую жизнь соскребаю,
Бура олöм ошкышта	Хорошую жизнь восхваляю
Коми сьыланкывйöн.	Коми песней.

И еще из этого же стихотворения:

Коми йёзс гажöда,	Коми людей развеселю,
Шогсö налысь пальöда	Горе их утолю
Коми сьыланкывйöн.*	Коми песней.**

* Здесь и далее произведения – из сб.: Савин В. Бөрйöм гижöдъяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1956. 248 с.

** Здесь и далее перевод подстрочный, наш (Г.Л.).

В этом программном стихотворении поэт В. Савин – балагур-певец и музыкант, радетель за коми людей, каким он и остался в народной памяти. В. Савин, как и его alter ego – Сюзь Матвей из известной дилогии, почти скоморох, веселящий людей на площадях и смеющийся над их недостатками. Не случайно любимый вид многогранной деятельности В. Савина – театральные постановки с их народной балаганной эстетикой и странствия с ними по Коми земле. В своем литературном творчестве поэт был проводником этой смеховой карнавальной культуры, умело сочетая богатства устной народной песенной традиции и живой разговорный язык. И как истинный скоморох-безбожник (а не только как идеолог новой жизни), В. Савин прежде всего подвергает осмеянию служителей культа. Так, его поэма «Аркирей» (Архиерей, 1922) – чистой воды озорное скоморошество автора-повествователя, словно наблюдающего над комической сценкой из жизни села. Как и почти все произведения В. Савина иронико-юмористического направления, оно основано на устном рассказе, бытующем в народе (медведь, который приехал в село на телеге). В поэме ждут архиерея, а через село проехал медведь. В комической ситуации «подмены» разворачивается комическое действие. В. Н. Дёмин относит эту поэму, как и другие юмористические произведения В. Савина, к жанру иронико-юмористической баллады, «в основу которой положено не событие, а юмористическое действие, которое отличается богатством красок, различными комическими положениями...» [Дёмин, 1997, с. 114–115]. При этом ученый обратил внимание на неполное соответствие этому жанровому канону коми юмористических произведений 1920-х гг., так как они «связаны с коми песней, жанровой сценкой, сатирическим стихотворением» [Дёмин, 1997, с. 115]. На самом деле та карнавализованная форма, к которой прибегает В. Савин в стихотворениях «Тутуруту Семё», «Вен», поэме «Аркирей» и др. и предполагает сочетание разнородных элементов в единой метажанровой стилистике балаганного театра. В поэме «Аркирей» дух народно-площадной стилистики ощущается в полной мере. Все действие – подготовка к встрече архиерея – происходит за пределами закрытого пространства церкви в открытом пространстве села при участии всех его жителей. Поп Ласей, попадьа, дяк, звонарь Як, Сопрон Опонь, Макар Прокё, Семё Гриша, Кирё Педьё – каждый играет свою роль в этом «празднике дураков», в веселый переполох вовлечены бабы, дети и вся сельская живность. Универсальный комизм ситуации распространяется и на высокие ритуалы, и на крестьянскую толпу, и даже на домашний скот. В возбуждении ожидания новорожденный теленок, хвост кверху – радуется, петух хлопает крыльями, «улыбаются» овцы, «хихикают» жеребята, собаки, кошки... Благоговейная торжественность момента снижается, опошляется сочетанием несочетаемого. Идет игра контрастами. Церковные хоругви и оживление в животном мире. Слова с религиозными коннотациями часто доводятся до абсурда языковым комизмом, в том числе использованием орфоэпических неправильностей. Церковнославянская лексика ассимилирована, «опрощена», в трансформированном фонетическом облике становится сниженной, «просторечной» частью общей карнавальной профанации. Повествование изобилует гротесковыми описаниями и двусмысленностями:

То нё петё божья матер;	Вот выходит божья матер;
Петё уна пёлос святёй –	Выходят разные святые –
Том и пёрьсь.	Старые и молодые.

По всему тексту наблюдается игра контрастами, например, в финале истории:

Отеч Ласей «четверт» дорын	Отец Власий возле «четвертинки»
Зэв дыр сылыс рытнас сёрён	Долго пел поздним вечером
«Многа лета».	«Многая лета».

Основной персонаж оказывается не тем, кем должен был быть. И от этого веет скандалом – закономерный финал карнавального действия.

Христианская символика и церковная риторика опрокидываются в этой поэме, но не заменяются никакими другими, а только чувством «веселой относительности» бытия. Но и при отсутствии морализирования абсурдный юмор «Архиерея» показывает наличие оппозиции народной смеховой культуры и официального православия. Жизнеутверждающий потенциал этого карнавального действия в веселом смехе мужиков, покидающих место действия.

Очевидно, что некая внесловесная стихия владела писателем при написании всех его иронико-юмористических произведений. Веселый, озорной, плясовой ритм характерен не только для бесшабашного праздничного застолья в «Тутуруту Семё» [Лисовская, 2009, с. 55–56], но и для «Архиерея». При этом строфическая ритмика у В. Савина тщательно продумана и преследует определенную тематическую цель. Ритмическая искусность обостряет ироническую ноту его произведений, хотя из всего метрического репертуара он обычно использует только чередование четырехстопного хоря с двустопным. Благодаря четырехстопному хорю поэма приближается к народно-песенной стилистике, а именно к частушке [Более подробно о метрическом характере частушки см.: Гаспаров, 1993, с. 153–164]. Постоянная смена двух строк четырехстопного хоря одной строкой двустопного составляет сущность этой поэмы-баллады на ритмическом уровне. И третья строка – ритмический всплеск – озорной выкрик. Именно она несет и иронический подтекст, и экспрессивную оценку, и придает разговорный характер всему тексту:

Отец Ласей тонгём бёрын	Отец Власий после удара колокола
Зур-зор пырис вичко шёрö –	Быстро зашел в церковь, –
Тэрыб кока!	Быстроногий!
Вёлöсть кузя йёзыс шызис,	По всей волости люди переполошились,
Вичко дорын, регыд гызис, –	Около церкви скоро заволновались,
Суматока!	Суматоха!
Кирö Ярö керка вылас,	Кирö Ярö на избе,
Öдя Педьö рыныш вылас –	Öдя Педьö на овине –
Аттö, зоньяс!	Ну и парни!

Изобилие звуковых повторов также указывает на близость народной поэзии и народной стихии. Один из типов повтора – рифмующийся повтор – подробно исследован в статье М. С. Фединой [Федина, 2013, с. 69–73].

В творчестве писателя карнавальная стихия вторглась во все жанры. Ее апогеем стали оратории В. Савина. Этот самобытный вид его серьезно-смехового жанра оценивается нередко по идеологическим критериям в качестве «агиток», недостойных талантливого писателя. На самом деле выдающийся деятель национального возрождения был не «слугой правящего режима», а творцом, глашатаем новой эпохи и ее строителем. Исследователь итальянского возрождения Л. Баткин отмечал как основополагающее качество его деятелей «мощнейшую конструктивность культурного сознания, ориентированного на строительство» [Баткин, 1977, с. 112]. «Мощнейшую конструктивность» отличала личность и В. Савина, который свой многогранный гений использовал для решения практических задач культурного просвещения народа. Его оратории – это яркие театральные действия, где была декламация, песни, частушки, танцы. Как отмечает музыковед А. А. Шергина, с музыкальной стороны они были близки к жанру кантаты, песенной сюиты с танцевальными номерами [Шергина, 1988, с. 25]. Эти мистерии с их

карнавальным духом, как и все его творчество, до сих пор в памяти людей, воспоминания о них передаются из поколения в поколение.

Анализ произведений В. Савина иронико-юмористического направления 1920-х гг. сквозь призму карнавального дискурса позволяет понять цельность его творчества. Сочетание искромётного народного юмора с острой злободневностью, публицистичностью – не свидетельство противоречивости его эстетических устремлений или неразвитости жанровых форм. Амбивалентный смех В. Савина – это гениальное продолжение древней традиции народной карнавальной культуры, ее серьезно-смехового жанра мениппеи, возникающей в эпохи смены времен, и начало самого национально-самобытного направления в коми литературе [См. о традициях В. Савина в коми литературе: Горинова, 2011], выражающего через иронию и юмор подлинную сущность народной жизни и национальный характер.

Список литературы

1. Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. М.: Наука, 1977. 198 с.
2. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М.: Сов. Россия, 1979. 318 с.
3. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. М., 2008. Т. 4. 430 с.
4. Гаспаров М. К географии частушечного ритма // От мифа к литературе : сб. в честь 70-летия Е.М. Мелетинского. М.: Российский ун-т, 1993. С. 153–164.
5. Горинова Н. В. Карнавальное начало в произведениях В. Савина и Г. Юшкова // Культурное наследие и глобализация. Опыт, проблемы, перспективы сохранения культурных ценностей в современном мире (Сыктывкар, 21–23 сент. 2011 года) : сб. трудов конф. Сыктывкар, 2011. С. 49–51.
6. Дёмин В. Н. История и типология жанров коми поэзии. Екатеринбург: УрО РАН, 1997. 316 с.
7. Дёмин В. Н. На небе звезда...: Введение в теорию и историю коми поэзии. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995. 288 с.
8. Дёмин В. Н. Национальный стиль и стилевые течения в коми литературе. Сыктывкар, 1985. 24 с.
9. Лисовская Г. К. Жанровая стилистика творчества В. Савина в контексте эпохи и литературной традиции // Финно-угроведение, 2009. № 2. С. 54–62.
10. Лыткин В. И. Коми поэзия гижысьяслӧн мыгӧръяс // Илля Вась. Мый медся дона да муса. Сыктывкар, 1994. С. 80–86.
11. Роговер Е. С. Русская литература XX века. 2-е изд., доп. и перераб. СПб., М., 2004. 496 с.
12. Савин В. А. Коми кывбур формяс йылысь (О формах коми стихов) // Ордым. 1930. 29–35 л.б.
13. Федина М. С. Рифмующийся повтор в поэзии Виктора Савина // Роль личности в становлении и развитии национальных культур. Сыктывкар, 2013. С. 69–73.
14. Шергина А. А. В. А. Савин и коми национальная музыка // Творчество Виктора Савина и современность. Сыктывкар: Коми НЦ УрО АН СССР, 1988. Вып. 196. С. 24–27. (Серия препринтов «Научные доклады»).

Е. А. Романова, Н. А. Паршукова
E. A. Romanova, N. A. Parshukova

**«Нет! Не всё вздор в рецептах моего дядюшки»
(мистико-оккультный аспект повести В. Ф. Одоевского «Сильфида»)**

**«Oh no! Not everything is nonsense in my uncle's recipes...»
(the mystical-occult aspect of V. F. Odoevsky's novella «The Silphide»)**

В статье подвергается переосмыслению центральная идея повести В. Ф. Одоевского «Сильфида» (1836). Традиционно со времен В. Г. Белинского и с его подачи принято считать, что основная проблематика данного произведения находится в рамках социально-бытового конфликта «герой – среда». Авторы статьи предлагают принципиально иное прочтение текста. Акцент сделан на мистико-философский круг идей. Впервые проведен сопоставительный анализ повести с двумя произведениями, послужившими Одоевскому отправной точкой замысла: трактатом Т. Парацельса «О нимфах, сильфах, пигмеях, саламандрах и о прочих духах», а также сочинением Монфокона де Виллара «Граф де Габалис».

Ключевые слова: В. Ф. Одоевский, «Сильфида», Парацельс, «Граф де Габалис», «стихийные духи», тема двоимирия, русский романтизм XIX века.

The article reinterprets the main idea of V. F. Odoevsky's novella "The Silphide" (1836). Traditionally, since the time of V. G. Belinsky and with his submission, it has been considered that the main problem of this work is within the framework of the socio-domestic conflict «hero – environment». The authors of the article suggest a fundamentally different reading of the text. The emphasis is on the mystical and philosophical range of ideas. For the first time, a comparative analysis of the novella was carried out with two works that served as the starting point of the main idea for Odoevsky: "A Book on Nymphs, Sylphs, Pygmies, and Salamanders, and on the other Spirits" of T. Paracelsus, and the essay "The Count de Gabalis" by Montfaucon de Villars.

Keywords: V. F. Odoevsky, "The Silphide", Paracelsus, "The Count of Gabalis", the elemental spirits, the theme of the dual reality, Russian Romanticism of the 19th Century.

Во второй половине 1830-х – начале 1840-х годов Владимир Федорович Одоевский (1804–1869) одну за другой выпускает в свет четыре мистические повести: «Сильфида» (1837), «Косморамма» (1840), «Саламандра» (1841), «Орлахская крестьянка» (1842). Литературоведческая традиция условно объединяет данные произведения по сюжетно-тематическому принципу в цикл так называемых таинственных повестей.

Связь таинственных повестей с одной стороны с «Пестрыми сказками», с другой – с «Домом сумасшедших» была замечена еще П. Н. Сакулиным. Из первых, по мысли исследователя, в повести переключался мотив двоимирия, из второго – тема безумия [Сакулин, 1913, ч. 2, с. 51, 68]. Признавая мистическую направленность повестей, Сакулин тем не менее при рассмотрении текстов собственно мистике уделил крайне мало внимания. Гораздо более исследователя интересовали социально-бытовые аспекты. При этом за кадром остались: алхимические реалии (в «Саламандре»), тема животного магнетизма и сомнамбулизма (в «Орлахской крестьянке»), тема снов и видений (в «Косморамме»), феномен стихийных духов (в «Сильфиде» и «Саламандре»), – то есть все, что по существу и дает право «таинственным повестям» называться таинственными. В современных литературоведческих изысканиях мистическая составляющая таинственных повестей по-прежнему крайне редко становится предметом отдельного исследования. Попробуем хотя бы отчасти восполнить этот пробел.

Из четырех мистических повестей две – «Сильфида» и «Саламандра» – должны были составить вместе с не написанной «Ундиной» цикл произведений «о том, как опасно человеку водиться с стихийными духами» (цит. по: [Там же, с. 68]). Именно так сам автор обозначил главную идею задуманной им трилогии. Между тем в научной литературе на протяжении многих лет культивируется принципиально иное толкование вышеназванных произведений. Думается, решающую роль в данном случае сыграло мнение В. Г. Белинского, развернуто сформулированное им в рецензии на только что вышедшее собрание сочинений князя Одоевского (1844).

Приступая к разбору мистических произведений Одоевского, Белинский вынужден рассуждать о том, что выходит за грань его личного опыта, о том, чего он не знает и не признаёт. К мистической стороне бытия критик обращается с единственной целью – доказать ее несостоятельность. Естественно, при таких изначально заданных координатах трудно ожидать глубокого проникновения в авторский замысел.

Герой «Сильфиды»¹, каким рисует его Одоевский на первых страницах повести, вполне укладывается в традиционные каноны реализма и вызывает у Белинского явную симпатию. По крайней мере до тех пор, пока сюжет «держится действительности». Трезвый, критический склад ума, живость суждений, насмешливость, легкий налет сарказма – черты характера, как нельзя более подходящие обличителю косной среды, борцу с пошлостью провинциального быта. Однако наблюдая за тем, как способный и умный молодой человек, вместо того чтобы жить и бороться с «пошлой прозой жизни», все больше погружается в мир иллюзий, каббалы и мистики, Белинский чувствует себя жестоко обманутым. Путь, которым проводит Одоевский своего героя, представляется критику безнадежно устаревшим, а потому и писатель, задумавший в своем произведении воплотить «идеал одного из тех *высоких безумцев*, которых внутреннему созерцанию (будто бы) доступны сокровенные превыспренние тайны жизни» [Белинский, 1955, с. 314], обречен на неудачу.

В самом деле, если вслед за Белинским принять постулат о том, что в герое повести Одоевский хотел воплотить традиционный для романтизма идеал высокого безумия, придется со всей очевидностью признать несостоятельность этого идеала, поскольку в конце повести Михаил Платонович терпит очевидный крах, превращаясь в тривиального обывателя. Но дело в том, что герой Одоевского, при всей незаурядности натуры, отнюдь не выглядит ни идеалом, ни человеком, склонным к высокому безумию.

Устав от светской жизни и разочаровавшись в плодах просвещения, Михаил Платонович, подобно Онегину, поселяется в деревне, дабы в сельской тиши развеять сплин и укрепить, по совету докторов, здоровье. Здесь, в старом помещичьем доме с видом на огород и застает его читатель. Зарисовки сельских нравов, которые делает Михаил Платонович, выдают в нем человека наблюдательного, в высшей степени остроумного. Но за блеском его ума временами сквозит рассудочность с нотками откровенного цинизма. О своем намерении устроить дела с помощью выгодной женитьбы он сообщает приятелю без лишних сантиментов: «Мне очень *желательно*, как здесь говорят, заставить заговорить эту куколку» (151).

Пытливый ум героя, любознательность, склонность к анализу – черты человека научного склада – окутаны легким романтическим флером: «...все что-то манит, все что-то ждет вдали, душа рвется, страждет – и что же?..» (163). Возвышенный душевный порыв, подобно летнему ветерку, едва всколыхнув сознание, тут же затихает, уступая место серости и скуке: «Оставшись один, я побродил по комнате, посмотрел несколько раз

¹ Впервые: Современник. 1837. Т. V (№ 1): 147–182. Подзаголовок: «Из записок благоразумного человека». Посвящение – Анас<тасии> С<ергеевне> П<ашко>вой. Помета: «Ревель, 1836». Подпись: «Кн. В. Одоевской». В дальнейшем ссылки на повесть «Сильфида» приводятся по этому изданию с указанием в тексте страницы в круглых скобках.

на свой четырехугольный пруд, попробовал было срисовать его; но ты знаешь, что карандаш мне никогда не давался: трудился, трудился – вышла гадость; принялся было за стихи – вышел, по обыкновению, скучный спор между мыслями, стопами и рифмами; я даже было запел, хотя никогда не мог наладить и *di tanti palpiti*» (154–155).

Следует иметь в виду, что отсутствие в герое ярко выраженных творческих наклонностей и тяги к мистике для Одоевского в данном случае принципиально важно. В дальнейшем и в «Саламандре», и в «Космораме» в качестве главных персонажей автор будет неизменно выбирать обыкновенных молодых людей, представителей просвещенной молодежи, с живым пытливым умом, гораздо более склонным к скепсису и рационализму, нежели к экзальтации. Таким образом, основной постулат Белинского о высоком безумии, воплощением которого Одоевский делает главных героев своих мистических повестей, не находит должного подтверждения в текстах.

Тем не менее, несмотря на очевидное противоречие воззрений критика, мнение одного из признанных вождей реалистического направления в русской литературе на долгие годы определило характер подхода науки к творчеству В. Ф. Одоевского, в частности к его мистическим повестям. Несвободным от «прокрустова ложа» идейных установок Белинского оказался даже такой серьезный исследователь, как П. Н. Сакулин. Его суждение о «Сильфиде», по существу, есть лишь продолжение все той же хорошо нам знакомой мысли «неистового Виссариона» о романтическом конфликте между мечтой и обыденностью, косной филистерской средой и героем-мечтателем [Сакулин, 1913, ч. 2, с. 73–74].

Позднее, опираясь на суждения предшественников, советские исследователи выстраивали свою четкую линию, в которой система аргументов, иногда не лишенная оригинальности и блеска, базировалась на однажды принятой идейной платформе.

Так, Р. Г. Назиров в одной из своих статей определил сюжет «Сильфиды» как «*историю добровольного безумия*» [Назиров, 2005, с. 42]. Смысл повести, по мнению исследователя, сводится «к поэтизации исключительных мгновений, намного более ценных, чем долгие годы обывательского прозябания» [Там же, с. 44]. Здесь, как и в случае с Белинским, мы видим ту же логическую схему: герой-идеалист, сталкиваясь с косной средой, бежит в прекрасный, но иллюзорный мир фантазий, который в конечном итоге и сводит его с ума. При подобной трактовке сюжета вывод как нельзя более логичен: «„Сильфида“ – образцовая русская повесть о высоком безумии, о романтическом бегстве в болезнь от пошлости этого мира» [Там же, с. 43–44].

Статья Р. Г. Назирова была написана в 1975 году, во времена застоя и откровенного идеологического сервизма. В иных интеллектуальных условиях писались работы перестроечного и постперестроечного периода. Но, к сожалению, и здесь вплоть до последних лет кардинального пересмотра давно устаревших идеологических конструкций в подходе к мистическим повестям Одоевского не наблюдается. По-прежнему точка зрения Белинского доминирует в научном сознании. По-прежнему «конфликт мечты и реальности» рассматривается как идейная основа «Сильфиды» [Турьян, 1991; 2013; Грудкина, 2004], а влечение героя к мистической стороне жизни – как всего лишь психическая болезнь, сопровождающаяся бредом и галлюцинациями (см. об этом: [Пахомова, 2016, с. 39; Зиминова, 2009, с. 46; Скрипник, 2016, с. 28]).

Вывод, к которому приходит в конечном счете большинство современных исследователей, вполне традиционен и полностью укладывается в рамки социально-психологической трактовки: в «Сильфиде», как, впрочем, и в других таинственных повестях, Одоевский, используя фантастику в качестве литературного приема, решает сугубо реалистическую задачу – показать «страшную власть быта, бездуховной материальности, разрушающую личность и выталкивающую ее либо в житейскую пошлость, либо в безумие» [Зиминова, 2016, с. 295].

С точки зрения рационалиста, история взаимоотношений главного героя со стихийным духом не является в «Сильфиде» смысловым ядром. Мистический пласт в тексте служит своеобразным элементом декора и не имеет прямого отношения к главной идее. Как утверждает в одной из своих работ Р. Г. Назиров, в данном произведении «центральный мотив в принципе не определяет структуры сюжета» [Назиров, 2005, с. 42]. К тому же заключению приходит и Е. А. Маймин [Одоевский, 1975, с. 258]. Позволим себе не согласиться с мнением уважаемых коллег. По нашему твердому убеждению, сугубо материалистический подход в случае анализа таинственных повестей Одоевского не соответствует ни мировоззренческим установкам писателя, ни характеру идей, которые были положены им в основание сюжетов. Мы предлагаем иную трактовку, идущую вразрез с традиционно сложившимися представлениями о главной идее «Сильфиды».

Более продуктивным в методологическом отношении нам представляется возврат к авторской концепции, уяснить которую в общих чертах позволяют архивные материалы. Как мы уже сказали, сохранившийся в черновиках писателя план свидетельствует о включенности текста в более обширный замысел – цикл произведений о взаимоотношениях человека со стихийными духами. В этой связи логично предположить, что именно данная тема мыслилась автором в качестве идейной доминанты каждой из повестей. Ниже мы, опираясь на текст, изложим свою точку зрения более развернуто.

Даже беглое прочтение повести позволяет фактически безошибочно определить исходный пункт основного действия. Собственно *история* начинается в «Сильфиде» ровно с того момента, когда герой получает доступ к таинственной библиотеке покойного дядюшки. Предшествующий поворотному событию рассказ – описание жизни Михаила Платоновича в имении, его рассуждения о провинциальном быте, отзывы о соседях и даже история с предполагаемой женитьбой – все это, по сути, является экспозицией, своеобразным фоном, подготавливающим читателя к центральной части – роковому происшествию, трагически сказавшемуся на судьбе героя. Спусковой механизм сюжета относится подчеркнуто к области ирреального. Линия «герой – среда» в нем никак не задействована.

Причина, по которой Михаил Платонович оказывается втянутым в мистический эксперимент, никак прямо не связана с повседневным ходом вещей. Его обращение к книжной полке фактически спонтанно и ничем, кроме скуки, не мотивировано. В тексте нет указаний ни на отчетливое желание героя уйти с помощью книг от серых будней, ни на стремление избавиться от неразрешимых внутренних конфликтов путем погружения в мир фантазий. Весьма далекий от мистических прозрений, Михаил Платонович *от нечего делать* перебирает старые книжные шкафы и *случайно* натывается в них на труды по алхимии и каббалистике. Обнаружив в одной из книг древние рецепты вызывания элементарей (элементарных духов), из *праздного любопытства* («чего не делает безделье?») – признается герой в письме другу) он выбирает из них самый простой и *ради забавы* ставит некий эксперимент, о котором вскоре за повседневными делами благополучно забывает. И только по прошествии некоторого времени, *случайно* взглянув на вазу с перстнем, замечает в ней странные перемены.

Элемент случайности в завязке сюжета играет принципиально важную роль. По ходу повествования автор неоднократно подчеркивает его на уровне словоупотребления. Начиная каббалистический опыт, герой вовсе не осознает его как нечто серьезное, важное и, возможно, опасное. Напротив, он полон иронии как по отношению к себе, так и по отношению к предмету своего исследования. В описании происходящего Одоевский максимально освобождает сюжет от романтического флера: «...вообрази себе меня, человека в 19-м веке, сидящего над огромными фолиантами и со всеусердием читающего рассуждение: о первой материи, о всеобщем электре, о душе солнца, о северной

влажности, о звездных духах и о прочем тому подобном. Смешно, и скучно, и любопытно» (155–156).

Эксперименты с перстнем, которые проводит Михаил Платонович, с дотошностью естествоиспытателя переливая воду из одной вазы в другую, лишь с большой натяжкой можно было бы назвать «добровольным бегством в безумие». Тем более что и бежать, похоже, герой никуда не собирался. Напротив, он собирался... жениться, «зажить степенным помещиком, поручить жене управление всеми делами, а самому по целым дням молчать и курить трубку» (161), уютно устроившись в дядюшкиных креслах. Так в этих креслах, почитывая, пописывая, поигрывая, он и прожил бы жизнь, как проживет ее позднее Илья Ильич Обломов, если бы однажды *случайно* не попалась ему в руки злополучная книжка по алхимии. Это происшествие и решило его дальнейшую судьбу. Чрезмерное любопытство сыграло с Михаилом Платоновичем злую шутку. Мир Сильфиды, однажды вошедший в его жизнь, завладел сознанием героя настолько, что лишил его здесь, в физическом мире, собственной воли.

Р. Г. Назиров, размышляя о причинах, приведших Михаила Платоновича к духовной смерти, заключает, что герой «сходит с ума потому, что питает безразличие к жизни» [Назиров, 2005, с. 43]. С подобным выводом трудно согласиться, поскольку, на наш взгляд, само безразличие явилось следствием иных, более глубинных сдвигов сознания. Косная среда, достаточно безобидная для героя *до встречи* с Сильфидой, оказывается смертельной для его духа только *по возвращении*, поскольку герой, насильственно водворенный в пределы земного разума, теряет точку опоры, не имея достаточного опыта «пограничных состояний».

Таким образом, рассмотренная нами завязка сюжета с очевидностью свидетельствует, что спусковым механизмом всех последующих событий является столкновение главного персонажа со стихийным духом. Именно это происшествие и на идейном уровне, и на уровне структуры оказывается в итоге центральным ядром повести. Даже по формальному признаку примерно половину текста занимает рассказ об алхимическом эксперименте и его последствиях: из семи писем Михаила Платоновича только три (первое, четвертое и пятое) не касаются оккультных тем. При такой насыщенности рассказа мистикой практически невозможно вынести историю с Сильфидой за скобки литературоведческого анализа.

Философские идеи, которыми проникнуты письма Михаила Платоновича, составляли предмет размышлений Одоевского на протяжении довольно длительного периода. В частности, к разряду *idée fixe*, безусловно, относится мысль о превосходстве алхимических знаний над современной опытной наукой. Помимо «Сильфиды» исключительно высокой оценки средневековые алхимики и каббалисты удостоиваются, как мы помним, в «Пестрых сказках» (1833), романе «Русские ночи» (1844), а также в «Психологических заметках» (1843), где древнее знание в целом признается вершиной, которой человечество так и не сумело достичь на более поздних этапах развития [Одоевский, 1975, с. 208, 210].

В российском литературоведении, особенно в работах советского периода, интерес Одоевского к алхимии, магии и каббалистике было принято рассматривать не выходя за рамки строго научной парадигмы. Считалось, что писатель увлекался мистическими учениями в «научном плане» – то есть признавал объективную ценность совершенных средневековыми алхимиками открытий в области химии, физики, медицины. Что же касается философского камня, эликсира жизни и прочих оккультных материй, к ним, по мнению исследователей, рационалист Одоевский относился с известной долей скептицизма. В своих произведениях, как художественных, так и публицистических, он последовательно отстаивал «идею научной ценности „прикладной“ алхимии» [Турьян, 2013, с. 42].

Именно этот постулат, по мнению М. А. Турьян, лежит в основе интереса к тайному знанию главного героя «Сильфиды». Как полагает исследовательница, Михаила Платоновича занимает по преимуществу «рациональная основа мистических таинств» [Там же, с. 41]. Будучи человеком просвещенным, он готов признать объективный вклад алхимиков в развитие науки, однако многое в их сочинениях остается для него очевидным нагромождением наивных средневековых фантазий и суеверий: «посреди разных глупостей, показывающих младенчество физики», в их трудах встречается «много мыслей глубоких», часть из которых находит «подтверждение в новых открытиях» (159).

Свою точку зрения М. А. Турьян подкрепляет соответствующим фрагментом текста, извлеченным из третьего, далеко не самого мистически ориентированного письма. В эволюции взглядов главного персонажа оно занимает промежуточное место и отражает первую стадию вхождения просвещенного рационалиста в круг оккультных тем. На этом этапе действительно интерес Михаила Платоновича к алхимии и алхимикам можно было бы счесть вполне «научным». Скептик-интеллектуал, до сих пор почитавший «тайные науки» вздором, спустя два месяца активного освоения герметической литературы неожиданно для себя нашел в учении древних каббалистов идеи и открытия, достойные внимания образованного человека. Однако отсюда еще далеко до мысли о том, что «все наши физические знания были известны <...> алхимикам, магам и другим людям этого разбора» (курсив наш. – *Авт.*) [Одоевский, 1975, с. 158] и тем более до признания древней эзотерической науки единственной на сем свете хранительницей истины. Утверждения подобного рода прозвучат в последнем, седьмом письме Михаила Платоновича, фиксирующем его переход в разряд сторонников тайного знания. И здесь мы вынуждены признать, что увлечение героя оккультной сферой выходит далеко за рамки «научного интереса» к «прикладной» алхимии.

С «рациональной основы мистических таинств» акцент смещается на собственно мистику – как главный и единственно важный предмет исследования. Отныне цель Михаила Платоновича – посвятить себя изучению глубинной сущности веществ, то есть именно тому, что еще недавно его просвещенному сознанию казалось «глупостью» и «вздором». В последнем письме он определенно заявляет, что намерен «исследовать до конца все таинства Природы» (167). Перемену в своем мировоззрении герой «Сильфиды» вполне осознает. Его искренне удивляет та насмешливая недоверчивость, с которой он смотрел на последователей оккультных наук до начала эксперимента. От былого скептицизма не осталось и следа. Несколько месяцев, проведенных за старинными фолиантами, сделали из Михаила Платоновича убежденного адепта герметического учения. Подобно магистру Гомозейке и Фаусту из «Русских ночей», главный герой «Сильфиды» твердо убежден, что древнее эзотерическое знание хранит в себе непочатые сокровища, большая часть которых остается недоступной современной науке в силу ее строгой приверженности опытному знанию и эмпирическим методам изучения предмета.

Нетрудно предположить, какие именно сочинения послужили для Михаила Платоновича отправной точкой в его алхимических штудиях. По крайней мере четыре хорошо известных в среде оккультистов имени названы им уже во втором письме: Парацельс, граф Габалис, Арнольд де Вилланова и Раймонд Луллий. В связи с центральной темой повести – общением героя со стихийным духом – наибольший интерес для исследователей, безусловно, представляют первые две фигуры.

Не случайно открывает перечень персоналий легендарный алхимик, философ, доктор медицины и богословия Теофраст Парацельс (1493–1541). Его знаменитый трактат «О нимфах, сильфах, пигмеях, саламандрах и о прочих духах» считается наиболее авторитетным источником в области элементарей – учения о стихийных духах огня, воды, воздуха и земли. На него при обращении к данной теме примерно с конца XVII века опираются чаще всего авторы художественных произведений. Одним из ярких примеров здесь может служить повесть «Ундина» (1811) Фридриха де ла Мотт Фуке, на которую,

кстати, имеется косвенное указание в «Сильфиде». При выборе стихийного духа для эксперимента в сознании героя невольно всплывает хорошо знакомый с детства персонаж: «Я вспомнил было Ундину, которая так утешала меня в ребячестве, – но, не желая иметь дела с ее дядюшкой, – я пожелал видеть Сильфиду» (157).

В отличие от Фуке, Одоевский, выстраивая сюжет, далеко не во всем следует за Парацельсом. Согласно последнему, стихийные духи стремятся к контакту с человеческими существами ради обретения бессмертной души. Получить ее они могут, лишь вступив в законное супружество с обладателем таковой: духи огня, воды, воздуха и земли «не вечны, но, когда они связаны браком с человеком, они становятся вечными, то есть наделяются душой подобно человеку» [Парацельс, 2005, с. 55]. Так, выйдя замуж за благородного рыцаря Хульбранда, получает бессмертную душу Ундина. О том же мечтает и Русалочка в известной сказке Андерсена: ради того, чтобы обрести «небесное блаженство», она готова пойти на любые жертвы. Инициаторами подобных союзов, как пишет Парацельс, являются стихийные духи: «...Бог позволяет им приходить к нам и быть с нами столь часто, сколь это необходимо» [Там же, с. 51]. Иными словами, они обладают способностью к существованию на физическом плане: их можно видеть, слышать, осязывать. Человек же с его грубой земной плотью проникнуть в их мир не может, поскольку не может «переносить их среду» [Там же, с. 54], состоящую из более тонкого вида материи, которую нельзя «связать и схватить подобно дереву или камню» [Там же, с. 30]. Вступая в союз со стихийным духом, человек приносит священный обет – клятву верности, нарушив ее – погибает, как погибает герой повести Фуке.

В «Сильфиде» классическая сюжетная схема претерпевает ряд заметных трансформаций. Прежде всего, из нее исчезает мотив обретения бессмертной души¹. На всем протяжении повести он не фигурирует ни разу. Инициатором союза у Одоевского выступает человек, а не стихийный дух, и в основе его действий – побуждения совсем иного рода. К алхимическому эксперименту Михаила Платоновича подвигает свойственное его научному складу любопытство – желание открыть для себя нечто новое, неизведанное. «Искать и не находить» – так формулирует он сам главный источник своих душевных терзаний. Интеллектуальные запросы являются в его жизни определяющими. Они превалируют и над чувственной сферой, и над материальными устремлениями.

Как явствует из трактата Парацельса, люди чаще всего получают от стихийных духов доступ к земным сокровищам – драгоценным металлам, камням,кладам, хранящимся в земле, горных породах и под водой. Также благодаря элементам им становится доступна информация из прошлого и будущего. Жители стихий могут успешно руководить человеком в его работе и часто выступают по отношению к людям с охранительной функцией – оберегают от несчастий, предупреждают о грозящей опасности [Там же, с. 58]. Имея «знания и разум духа», этот необычный во всех отношениях «народец» обладает сокровищами не только материального порядка. Однако интересы «Адамовых сынков», как правило, не распространяются за пределы земного круга. Редко кому из них приходит в голову заключить союз со стихийным духом в познавательных целях. Именно такой случай и положен автором в основу сюжета «Сильфиды».

Михаил Платонович решает обручиться с духом воздуха не ради идеальной любви или богатства, но дабы испытать на себе каббалистическое таинство, которое, согласно утверждениям алхимиков, способно даровать человеку истинное познание глубинных основ Природы. С этой целью он бросает в вазу с водой бирюзовый перстень, выставляет сосуд на солнце и, выпивая каждый вечер содержимое сосуда, терпеливо ожидает момента, когда его глаза, согласно обещанию некой старинной рукописи, откроются «для нового мира» (157). Заключив таким образом мистический «брак» с Сильфидой, герой получает доступ

¹ В виде рудимента этот мотив сохранился в первоначальных планах к «Сильфиде» (см.: [Сакулин 1913, ч. 2, с. 69, прим. 1]).

к тайному знанию – ему открываются иные, недоступные физическому зрению миры. Стихийный дух увлекает его в сферы более тонкой материи, где «веет солнце, звучат цветы, благоухают звуки» (171). Но это еще не область обитания воздушного народца. Чтобы подняться выше, человеку необходима более тонкая физическая оболочка. Плоть от Адама не дает ему такой возможности. Только избавившись от нее, он сможет достичь мира стихийных духов. Этой мыслью проникнуты слова Сильфиды, обращенные к Михаилу Платоновичу: «Как тяжела твоя одежда – сбрось, сбрось ее... Нет, ты еще не можешь достигнуть до нашего мира... Но я не оставлю тебя!» (171).

От своего избранника Сильфида в обмен на вечное наслаждение и помощь на стезе познания, в соответствии с канонами жанра, требует верности данному обету. Однако понятие это в данном случае получает более универсальное значение. Это не только и не столько супружеская верность или верность во плоти, сколько верность в духе, которая подразумевает отказ от земных страстей и желаний. «О, не измени мне! не измени себе! берегись соблазнов твоей грубой презренной природы!» – умоляет Сильфида героя повести (176). Его возвращение к жизни, собственно, и есть уже измена с точки зрения того духовного союза, который был им заключен при помощи алхимического эксперимента. Наказанием за духовную измену становится не физическая смерть, а полное непоправимое погружение в интеллектуальную летаргию.

Как нам представляется, оригинальная трактовка темы, положенная Одоевским в основу повести, во многом обусловлена типом личности главного героя – сферой его интересов, складом ума и характера. Схожий по личностным качествам персонаж предстает перед читателем в известном трактате аббата де Виллара (Николя Пьера Анри де Монфокона) «Граф де Габалис, или Разговоры о тайных науках» (1670). Эта книга в списке Михаила Платоновича значится на втором месте, сразу после Парацельса. Логично предположить, что наряду с сочинением знаменитого немецкого алхимика она явилась для Одоевского непосредственным источником информации при написании повести. И хотя в современной научной среде доминирует мнение о том, что граф де Габалис был задуман как сатира на оккультную философию, многие из современников и более поздних писателей-романтиков относились к нему вполне серьезно. Мотивы, заимствованные из «Габалиса», широко использовал в своих произведениях Э. Т. А. Гофман. Явные аллюзии на это же произведение присутствуют и в «Сильфиде» Одоевского.

Алхимический эксперимент, который проводит герой повести, становится до конца понятен, если обратиться к сочинению Монфокона. Чаще всего, объясняя суть «странного явления» крошечного существа в вазе с водой, исследователи относят данный опыт к разряду магических действий. По их версии, Михаил Платонович *взращивает* в сосуде стихийного духа. Иными словами, на страницах «Сильфиды» перед нами предстает процесс создания существа особого рода – элементаля. Однако, пересказывая в письме к приятелю старинный рецепт «для вызывания элементарных духов» (156), Михаил Платонович ясно дает понять, что речь идет не о внешней, а о внутренней трансформации: о приобретении сверхчувственного дара – способности *видеть* «духов, носящихся в воздухе». Для этого, как гласит рукопись, «достаточно собрать солнечные лучи в стеклянный сосуд с водою и пить ее каждый день. Этим таинственным средством дух солнца будет мало-помалу входить в человека, и глаза его откроются для нового мира» (157). В развернутом виде данная концепция представлена в сочинении Монфокона.

По словам графа де Габалиса, философа и алхимика, Адам, «будучи сотворен из самых чистых основ всех четырех элементов», «заклучал в себе качества всех существ, которые в них обитают, и являлся их естественным владыкой». Но совершенный им грех нарушил гармонию и, «сделавшись нечистым и грубым», человек утратил связь с этими «чистыми и тонкими субстанциями». Дабы вновь обрести «утраченную царственность», ему нужно совершить ряд алхимических операций для исправления собственной природы – «очистить и подвергнуть возгонке» эти элементы внутри себя. Для этого достаточно (если речь идет

о серфедах, нифах и гномах) «наполнить колбу смесью воздуха с водой или землей, запечатать ее и в течение месяца держать на солнце. Потом, следуя правилам священной науки, разделить содержащиеся в ней элементы, что особенно легко в отношении воды и земли». В результате восстанавливается утраченная гармония, и стихийные духи сами толпой сбегаются к своему новому повелителю, одаривая его невиданными сокровищами: «Таким образом, не прибегая ни к какой тайнописи, ни к каким магическим церемониям, ни к каким варварским заклинаниям <...> человек вновь становится владыкой своего естественного царства и по своей воле управляет элементами без помощи демонов и недозволенных магических искусств» [Монфокоп, 1996, с. 38–40].

В свете приведенного отрывка опыт с вазой наконец получает определенную смысловую завершенность, проявляется его внутренняя логика, все элементы встают на свои места. Световые и цветовые явления, которые наблюдает Михаил Платонович в вазе с водой, появление в ней «таинственной розы», а затем и удивительного, невыразимого существа – все это является следствием совершающейся в нем внутренней трансформации. С помощью «солнечной воды» постепенно его глаз привыкает улавливать очертания тонкой материи, сначала – отдельные искры и контуры, затем – предметы и живых существ. Таким образом, Сильфида ни в какой мере не является собственно следствием эксперимента. Она не *рождается* в ходе него, не вырастает из цветка, но лишь проявляется в пространстве, то есть становится *видимой* для своего суженого. Подтверждением в данном случае служат слова Сильфиды о том, что она с самого младенчества незримо присутствовала герою.

Сочинение аббата де Виллара построено в форме диалога двух персонажей: «автора» – молодого французского интеллектуала, ценителя редких книг и умной беседы, тонкого знатока богословской литературы, сторонника и защитника традиционной веры, убежденного противника так называемых тайных наук, – и его оппонента – загадочного графа де Габалиса, «знатного вельможи» из немецких земель, «великого каббалиста», мудреца, философа. Книга состоит из пяти разговоров, главная тема обсуждения в ней – снoшения человека со стихийными духами.

Герой, от лица которого ведется повествование, с самого начала заявляет о себе как о человеке, не привыкшем тратить время на разные «глупости». Подобно главному персонажу «Сильфиды», он приступает к изучению «тайных наук», не веря в них; отчасти следуя моде, отчасти – врожденной любознательности. Однако беседы со знаменитым каббалистом не на шутку увлекают его, исподволь все сильнее втягивая в круг метафизических проблем. Ему определенно импонируют и необъятное воображение графа, и его глубокий ум, а также умиротворенность, спокойствие и рассудительность, с которыми тот ведет дискуссию. Не вызывает у «господина скептика» ни малейшего сомнения и феноменальная образованность знаменитого каббалиста. Спор с ним требует от любознательного неопита серьезной интеллектуальной работы, и далеко не всегда в очередном раунде словесного поединка легко определить, кому из собеседников принадлежит победа.

Встреча автора с графом де Габалисом в Париже не была случайной. Ей предшествовала интеллектуально насыщенная переписка, в которой молодой француз, судя по всему, блестяще себя зарекомендовал. Его рассуждения на философско-богословские темы произвели на графа столь благоприятное впечатление, что тот решил лично нанести своему корреспонденту визит, будучи проездом во Франции. Цель визита вполне конкретна и ясна обоим. Признанному авторитету в области тайных наук предстоит подготовить неопита к принятию света каббалистических истин, укрепить его дух, расширить сознание.

В том, что новоявленный ученик достоин войти в круг избранных, граф не сомневается. По его заверению, молодому человеку самим небом предназначено стать величайшим каббалистом своего времени. Свершится ли данное предсказание, мы не знаем. Повествование обрывается фактически в самом начале истории. Пять коротких,

но чрезвычайно насыщенных бесед, которые составляют сочинение Монфокона, укладываются по времени в три первых дня знакомства. По сути, перед нами лишь экспозиция, или завязка, за которой неминуемо должно последовать основное действие. Обещание автора продолжить беседы со знаменитым графом и выпустить в скором времени второй том «Разговоров», дает основание полагать, что разомкнутый финал являлся составной частью общего замысла. И хотя мы не видим последующих этапов «обращения» молодого неопита, сама возможность подобного развития событий в тексте потенциально присутствует.

Увидеть воочию, что могло бы в дальнейшем произойти с молодым собеседником графа де Габалиса, нам позволяет повесть Одоевского, где представлено поэтапное погружение героя-интеллектуала в «каббалистические бездны». Как и персонаж Монфокона, Михаил Платонович начинает со скепсиса и иронии. Однако его «понятливый, любознательный и неробкий ум», очень схожий по складу с умом молодого «француза», неожиданно обнаруживает в «тайных науках» предмет для философского и научного осмысления. Шаг, который так и не решился, несмотря на все уговоры, совершить собеседник графа де Габалиса – вступить в союз со стихийным духом, – совершает герой «Сильфиды». В результате с ним происходит то, о чем вскользь упоминает в одном из разговоров граф. По словам последнего, тот, кто отмечен печатью избранничества, может, «вырвавшись из темницы собственного тела, прихватить с собою в небеса сильфиду или нимфу» [Там же, с. 45]. Именно это и происходит с Михаилом Платоновичем, уверовавшим в свое великое предназначение.

Призыв де Габалиса к отречению от всего, что препятствует достижению высокой цели, герой «Сильфиды» воспринимает как непосредственное руководство к действию. Он отказывается от планов женитьбы на Катеньке ради выполнения взятой на себя духовной миссии. Речи знаменитого каббалиста пробуждают в нем давний тайный жар честолюбивых помыслов, едва не потухший в рутине сельских будней. С погружением в сокровенные тайны алхимии новоявленный помещик, вот-вот уже готовый окончательно похоронить себя под сенью счастливой семейной жизни, вновь начинает лелеять в душе надежду на то, что из него еще может выйти «что-нибудь новое, неожиданное, оригинальное» (161). Однако попытка прорыва русского последователя графа де Габалиса в более тонкие пласты бытия завершается экзистенциальной трагедией: усилия друзей возвращают его к жизни на физическом плане, но при этом он безвозвратно теряет нечто гораздо более для него значимое – собственное личностное ядро, а возможно – и бессмертную душу.

В чем причина постигшей Михаила Платоновича неудачи? Почему встреча с Сильфидой столь фатально сказалась на его судьбе? В свете предложенной нами трактовки именно эти вопросы вплотную подводят нас к пониманию основного идейного концепта повести. И здесь мы вновь возвращаемся к мотиву случайности, чрезвычайно важному для понимания авторского замысла.

Воспитанный на литературе мистико-окультистического круга, Одоевский, насколько мы можем судить по его отдельным высказываниям, вполне осознавал суть тающихся в магических практиках опасностей, с которыми может справиться лишь хорошо подготовленный в духовном смысле адепт. Контакт же с представителями тонкого мира рядового любителя астральных прогулок, по твердому убеждению большинства духовных учителей, чреват необратимыми последствиями. Ничем не приглушенное соприкосновение обыденного человеческого сознания с сиянием иных миров, от которого предупреждал в своих работах Сен-Мартен [Сен-Мартен, 1785, с. VII] и о котором в письмах к друзьям упоминал сам Одоевский¹, собственно, и привело героя «Сильфиды»

¹ Письмо В. П. Титову от 1823 года. См.: [Турьян, 1991, с. 62]. Эту же мысль высказывал и Н. Полевой в повести «Блаженство безумия».

в итоге к катастрофе: решившись исследовать до конца все таинства природы, Михаил Платонович оказался на грани физической смерти.

Позже, в «Саламандре» и «Космораме», мотив амбивалентности инобытия, волею случая вторгающегося в жизнь героев, прозвучал гораздо отчетливее. Пока же мир, в который Сильфида увлекает Михаила Платоновича, полон света и очарования. Полон настолько, что, однажды побывав в его лучезарных пределах, герой вспоминает о нем с неизбывной тоской, как о потерянном рае. Но вернуться в него он не может. Ключ от заветной двери утерян. Грубое вмешательство физического мира в лице доктора и приятеля, «благоразумными попечениями» вернувших больного к жизни, разрушило тот хрупкий ментальный баланс, который позволял ему проникать за грань реального мира. Прекрасно понимая масштаб катастрофы, Михаил Платонович теряет интерес к окружающей действительности, его сознание угасает. Жить за пределами «вечного света» он не хочет, вернуться туда не умеет. В этом – его трагедия, об этом – его последний в жизни монолог.

Список литературы

1. Белинский В. Г. Сочинения князя В. Ф. Одоевского. Три части. Санкт-Петербург, 1844 // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: [в 13 т.] / Ред. коллегия: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др.; АН СССР. ИРЛИ (ПД). Т. 8. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 297–323.
2. Грудкина Т. В. Феномен двойничества в русской литературе XIX века: (В. Ф. Одоевский, А. П. Чехов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / ГОУ ВПО «Шуйский гос. пед. ун-т». Шуя, 2004. 20 с.
3. Зимилова А. О. Поэтика фантастического в повестях В. Ф. Одоевского (К постановке проблемы) // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия «Филология». 2016. № 1. С. 293–297.
4. Зиминова М. А. Сюжет о безумном гении в литературе русского романтизма // Вестник Алтайской академии экономики и права. Барнаул, 2009. № 13. С. 45–47.
5. Монфоко де Виллар Н. Граф де Габалис, или Разговоры о тайных науках / пер. с фр. Ю. Стефанова. М.: Энигма, 1996. 176 с.
6. Назиров Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход: исслед. раз. лет / Федер. агентство по образованию, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования Башк. гос. ун-т. Уфа: РИО БашГУ, 2005. 207 с.
7. Парацельс. О нимфах, сильфах, пигмеях, саламандрах и о прочих духах: пер. с лат., нем. М.: Эксмо, 2005. 400 с.
8. Пахомова И. В. Фантастические сказки В. Ф. Одоевского // Слово. Словесность. Словесник : мат-лы научн.-практ. конф. (18 марта 2016 г.) / Рязанский гос. ун-т им. С. А. Есенина; отв. ред. А. А. Решетова, Т. В. Федосеева. Рязань: Концепция, 2016. С. 38–41.
9. Одоевский В. Ф. Русские ночи / Изд. подг. Б. Ф. Егоров [и др.]; Примеч. Е. А. Маймина, М. И. Медового, Б. Ф. Егорова; ст. Е. А. Маймина («Владимир Одоевский и его роман „Русские ночи“», с. 247–276); АН СССР. Л.: Наука, 1975. 327 с.
10. Одоевский В. Ф. Сильфида // Современник. 1837. Т. V (№ 1): 147–182.
11. Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский: Мыслитель. Писатель. М.: М. и С. Сабашниковы, 1913. Т. 1: Ч. 1. VI, 616 с.; Ч. 2. [2], 479 с.
12. [Сен-Мартен Л. К.] О заблуждениях и истине, или Воззвание человеческого рода ко всеобщему началу знания. Философа не известного / пер. с фр. [П. И. Страховым]. М.: вольная типография И. Лопухина, 1785. XII, 542, [1] с.
13. Скрипник А. В. Проблема истинности и иллюзорности миражного существования героя («Сильфида» В. Ф. Одоевского и «Опал» И. В. Киреевского) // Сюжетология и сюжетология. 2016. № 2. С. 28–31.
14. Турьян М. А. «Странная моя судьба...»: О жизни В. Ф. Одоевского / вступ. ст. В. Э. Вацура («Судьба „Русского Фауста“», с. 5–10). М.: Книга, 1991. 400 с.
15. Турьян М. А. Русский «фантастический реализм». Статьи разных лет. СПб.: Росток, 2013. 448 с.

**Анализ лексико-фразеосемантического поля
как одна из форм промежуточной аттестации
в подготовке учителя-словесника**

**Analysis of the lexical and phraseosemantic field
as one of the forms of intermediate certification
in the preparation of a language teacher**

Метод поля успешно применяется в процессе комплексного изучения языка во взаимосвязи с культурой. Преимущества полевого подхода в анализе лексических и фразеологических единиц вытекают из природы поля как синтезирующей единицы. Применение метода поля в характеристике языковых единиц на парадигматическом, синтагматическом, эпидигматическом, образном уровне позволяет комплексно проверить знания студентов, изучающих лингвистические дисциплины, оценить умения и навыки лингвокультурологического анализа.

Ключевые слова: *лексико-семантическое поле, лексико-фразеологическое поле, метод поля, лингвокультурологический анализ языковых единиц, методика изучения лингвистических дисциплин в вузе, промежуточная аттестация.*

The field method is successfully applied in the process of comprehensive language learning in relation to culture. The advantages of the field approach in the analysis of lexical and phraseological units stem from the nature of the field as a synthesizing unit. Using the field method in the characterization of language units on a paradigmatic, synthagmatic, epidigmatic, figurative level allows you to comprehensively test the knowledge of students studying linguistic disciplines, evaluate the skills and skills of linguoculturological analysis.

Keywords: *lexico-semantic field, lexico-phraseological field, field method, linguistic cultural analysis of language units, method of studying linguistic disciplines at a university, intermediate certification.*

Введение. Будущий учитель-словесник осваивает модули и дисциплины, которые позволяют ему подготовиться к профессиональной деятельности, в их числе «История русской литературы», «История зарубежной литературы», «Методика обучения филологическим дисциплинам», «Современный русский язык» и другие. Среди профессионально ориентированных дисциплин есть такие, которые направлены на формирование культуроведческой компетенции школьников и готовят учителя-филолога к преподаванию не только русского языка и литературы, но и относительно новой предметной области «Родной язык и родная литература». Одной из задач учебного предмета русский родной язык является углубление и при необходимости расширение знаний о национальной специфике русского языка и языковых единицах, прежде всего о лексике и фразеологии с национально-культурной семантикой [Примерная программа, с. 4].

Изучая дисциплины лингвокультурологической направленности, например курс «Языковая картина мира», выпускник готовится ко всем видам профессиональной деятельности, предусмотренным стандартом, – педагогической, проектной, исследовательской, культурно-просветительской.

Творческая направленность лингвокультурологических дисциплин позволяет организовать промежуточную аттестацию не в традиционной вопросно-ответной форме, а в виде исследовательской работы, которая даст возможность студентам

продемонстрировать навыки лингвокультурологического анализа, приобретенные в ходе изучения курсов, а преподавателю позволит проверить знания, умения и навыки студентов, завершивших освоение одной из лингвокультурологических дисциплин, а также выявить степень сформированности компетенций, соответствующих такому виду профессиональной деятельности, как исследовательская деятельность.

У студентов в процессе подготовки исследовательской работы возникают сложности, связанные с отбором материала и последовательностью его изложения, принципами и методами лингвокультурологического анализа. В статье приведем один из возможных способов описания лексико-фразеосемантического поля (ЛФСП) на примере анализа поля «Любовь». Студенты могут использовать этот материал как образец или как отправную точку для собственных творческих изысканий. Весомый вклад в анализ ЛФСП «Любовь» внесла выпускница СГУ им. Питирима Сорокина по специальности «Русский язык и литература» Надежда Владимировна Шмидгаль.

Изучение семантического поля имеет длительную историю. У истоков теории поля стояли лингвисты Г. Ипсен, И. Трир, Л. Вайсгербер, В. Порциг, Э. Косериу и другие. В русском языкознании проблеме системных отношений семантически близких единиц были посвящены труды В. В. Виноградова, Д. Н. Шмелева, Ю. Н. Караулова, Г. С. Щура, В. В. Морковкина, Л. А. Новикова и др. (см. обзор литературы в [Щур, 2018; Комлев, 2012]).

Под **лексико-семантическим полем (ЛСП)** принято понимать совокупность большого числа слов одной или нескольких частей речи, объединяемых общим понятием (семой) [Попова, Стернин, 2011, с. 99]. По мнению Е. А. Ножина, семантические группы лексики и фразеологии «сосуществуют», то есть с подавляющим большинством общих понятий соотносятся определенные круги как лексики, так и фразеологии. «Вследствие этого представляется вполне реальным построение лексико-фразеологических семантических полей» [Ножин, 1966, с. 102]. Ю. С. Горбунова отмечает, что в последнее десятилетие многие лингвисты приходят к выводу о необходимости рассматривать семантическое поле как совокупность лексем и фразеологизмов со сходной семантикой; на современном этапе развития науки все чаще высказывается мнение о наличии лексико-фразеологических полей в системе языка. Исследователь считает, что целесообразно рассматривать лексику и фразеологию с близкой семантикой как единое семантическое поле большого объема. Для такого поля характерна зависимость семантической рубрикации фразеологических единиц (ФЕ) от деления слов на разряды и группы, потому что большинство лексем выполняют номинативную функцию, тогда как для ФЕ характерна, главным образом, номинативно-характеризирующая функция [Горбунова, 2015, с. 28].

В. В. Воробьев полагает, что метод поля имеет важное значение при комплексном изучении языка во взаимосвязи с культурой, то есть в лингвокультурологическом аспекте функционирования и описания русского языка [Воробьев, 2008, с. 58]. Изучение предметной области «Родной язык и родная литература» обеспечивает воспитание ценностного отношения к родному языку как хранителю культуры, включение обучающегося в культурно-языковое поле своего народа, позволяет получить знания о родном языке как системе [Примерная программа, с. 8–9]. В связи с этим преимущества полевого подхода к анализу языковых единиц становятся очевидными.

Анализ любого поля предполагает описание его идеографической структуры, то есть иерархической организации лексических и фразеологических единиц, образующих ядро и периферию поля. Обязательным компонентом анализа поля является описание парадигматических, синтагматических и эпидигматических (деривационных) отношений его членов, а также метафорических и метонимических сдвигов, образности и символики, результатов ассоциативных экспериментов (см. подробнее: [Воробьев, 2008, с. 57–74; Попова, Стернин, 2011]).

Пример анализа лексико-фразеосемантического поля «Любовь»

1. Структура лексико-фразеосемантического поля «Любовь».

Лексические и фразеологические единицы, образующие поле, извлекались из толковых, фразеологических, идеографических, синонимических словарей: [РСС, РФСС, СОШ, СРПП, ССРЯ, СТРПП, ФСРЯ и др.]. В статье приводятся только некоторые примеры, перечислить все структурные компоненты поля в рамках статьи, демонстрирующей пример анализа одного из полей, невозможно. В состав лексико-фразеосемантического поля «Любовь» входят следующие лексико-семантические (ЛСГ), лексико-фразеологические (ЛФГ), фразеологические (ФГ) группы:

1.1. ЛСГ ‘чувство, склонность к лицу другого пола’: *любовь, влечение, влюбленность, страсть, увлечение, эрос, вожделение, благосклонность, обожание, любовь-морковь, чувство, взаимность, привязанность, тяготение, расположение* и др.

1.2. ЛФГ ‘характеристика чувства’: *нежный; любовь – костёр: вовремя дров не подкинешь – прогорит; старая любовь не ржавеет; любовь за деньги не купишь; любовь на лад – не надобен и клад; любовь всё побеждает; кровь не вода, а сердце не камень* и др.

1.3. ЛФГ ‘проявление, выражение чувства’: *любить, влюбить, влюбиться, страдать, ревновать, вожделеть, увлечься, невзлюбить, недолюбливать, сохнуть, ненавидеть, обожать, полюбить, полюбиться, привязаться, прикипеть, разлюбить; люби два раза, но не люби двух сразу; чужую жену полюбить – свою погубить; насильно мил не будешь; сердцу не прикажешь; девичье «нет» – не отказ; девушка, что тень: ты за ней – она от тебя, ты от неё – она за тобой; нужда заставит, и сопливого полюбишь; терять голову; стерпится-слюбится; носить на руках; открывать сердце; сходить с ума; положить глаз; отдать сердце; души не чаять; не надышаться* и др.

1.4. ФГ ‘способ и интенсивность проявления чувств’: *без ума; без памяти; по уши; по сердцу; (любить) всей душой, всем сердцем.*

1.5. ЛСГ ‘межличностные отношения’: *любовь, связь, интрига, интрижка, роман, шаши, шуры-муры, амур.*

1.6. ЛФГ ‘характеристика отношений, особенности их проявления’: *амурный, любовный, сердечный, эротический, альковный, романтический; милые бранятся – только тешатся; любовь без ссоры – что суп без соли; любить тяжело, а не любить тяжелее того; любить – чужое горе носить, не любить – своё сокрушить; где любовь, там и напасть; полюбив, нагорюешься.*

1.7. ЛСГ ‘субъект любви / любовных отношений’: *любовник, любовница, донжуан, казанова, лавелас, ухажер, вздыхатель, женолюб, обожатель, поклонник.*

1.8. ЛФГ ‘характеристика субъекта чувства любви’: *влюбленный, любящий / любящая, влюбчивый / влюбчивая, женолюбивый, втюрившийся / втюрившаяся, любвеобильный / любвеобильная, увлекающийся / увлекающаяся; баянист и покоритель деревенских дур, он же тайный расхититель индюков и кур; третий – лишний* и др.

1.9. ЛСГ ‘объект чувства любви’: *любовь, пассия, симпатия, зазноба, краля, любушка, благоверный / благоверная, любимый / любимая, возлюбленный / возлюбленная, дорогой / дорогая, миленький / миленькая, милый / милая, избранник / избранница, ненаглядный / ненаглядная.*

1.10. ФГ ‘характеристика объекта любви’: *на красный цветок летит и мотылек; не славится красавица, а кому что нравится; не дорог квас, дорога изюминка к квасу; не по хорошу мил, а по милу хорош; полюбится сова – не надо райской птицы; хоть и ряба, да любя; какой уж есть, не на базар несть; с лица не воду пить, а с человеком жить; какой бы ни был, лишь бы хлеба раздобыл; жену выбирай не в хороводе, а в огороде; молодой дружок – что вешний ледок: всё лучше, как нет никакого; муж хоть и злой, да свой; красота до венца, а ум до конца* и др.

1.11. ЛФГ ‘чувство, склонность к неодушевленным предметам’: *любовь, вкус, мания, наклонность, охота, желание, приверженность, пристрастие, расположение, склонность, тяга, тяготение, слабость, страстишка, бзик, влечение, страсть, увлечение, слабая струна, влечение – род недуга.*

1.12. ЛФГ ‘проявление склонности к неодушевленным предметам’: *пристраститься, увлечься, полюбить, поддаться, приохотиться, войти во вкус.*

1.13. ФГ ‘негативная оценка любви’: *любовь слепа; влюбился, как мышь в короб ввалился; влюбился, как сажка в рожу вцепился; втюрился, как рожей в лужу; любовь зла – полюбишь и козла; милого побои недолго болят; от того терплю, кого больше люблю; кого люблю, того и бью; любит и мать дитя, любит и волк овцу; любит и кошка мышку; любит как душу, а трясёт как грушу; целовал ястреб курочку до последнего пёрышка; любовь входит через глаза, а выходит боком; дай сердцу волю, заведёт в неволю и др.*

1.14. ЛСГ ‘чувство, противоположное любви’: *нелюбовь, ненависть, неприязнь, нерасположение, женоненавистничество, отвержение.*

1.15. ЛФГ ‘чувство к самому себе’: *самовлюблённость, самолюбование, нарциссизм, самолюбие, себялюбие, эгоизм, эгоцентризм, эгоцентричность; любит только себя; он и себя-то любит только по праздникам.*

И др.

В состав ядра поля «Любовь» входят нейтральные лексические единицы, которые относятся к активному словарному запасу русского языка и имеют обобщенное значение: *влечение, склонность, влюбленность, любимый* и др. Эти слова часто употребляются в речи, обладают широкой сочетаемостью и словообразовательной активностью. Также ядро ЛФСП составляют синонимы и антонимы к слову *любовь* во всех его лексико-семантических вариантах.

В состав периферийной части поля входит пассивная лексика, это такие слова, как *вдыхатель, женолюбивый, зазноба, дама сердца, любезная, метресса, наперсница, сударка, сударушка, конкубина, бойфренд*, стилистически и эмоционально окрашенные единицы, например: *обожатель, интрижка, дульциня, присуха, хахаль*. В зону периферии также входит диалектная и народно-поэтическая лексика: *люба, любушка, лада, милок, милёнок, милёночек, мил-сердечный друг*.

ЛФСП «Любовь» имеет зоны пресечения с другими ЛСП русского языка, наиболее выраженными являются пересечения с ЛСП «Эмоции» (*увлечение, чувство, привязанность*); ЛСП «Человек» (*поклонник, пассия*); ЛСП «Межличностные отношения» (*роман, связь, любить*).

Зона периферии по количеству входящих в неё лексических и фразеологических единиц значительно превышает ядерную зону ЛФСП «Любовь».

2. Парадигматические отношения в ЛФСП «Любовь».

Парадигматика предполагает рассмотрение единиц языка как элементов его системы, как совокупности структурных единиц, объединяемых в памяти и связанных отношением противопоставления [Ахманова, с. 310]. Структурно-парадигматический аспект лексического значения характеризует нелинейные отношения знаков, образующих определенный класс взаимосвязанных и противопоставленных однородных лексических единиц [Новиков, 2001, с. 455]. К парадигматическим относятся синонимические, антонимические, гиперо-гипонимические, партитивные и другие отношения.

2.1. Синонимические отношения.

Рассмотрим синонимические отношения слова *любовь*, которое является именем поля.

В первом лексико-семантическом варианте (ЛСВ) ‘чувство глубокой привязанности, искренней преданности’ с оттенками значения ‘чувство глубокого расположения, искренней симпатии’, ‘глубокое личностно окрашенное положительное чувство,

основанное на осознании высокой ценности, жизненной важности кого-, чего-либо, на готовности содействовать благополучию кого-, чего-либо' [БУСРЯ, с. 507] слово *любовь* вступает в синонимические отношения со словами *привязанность, расположение, преданность, симпатия*. Синонимы *привязанность, расположение, симпатия* связаны со словом *любовь* градуальными отношениями, они выражают менее сильные по сравнению с *любовью* чувства, т.е. в структуре лексического значения слова *любовь* имеется сема 'интенсивность'. Такая же сема вычленяется в значении слова *преданность*, но, в отличие от слова *любовь*, к ней добавляется сема 'верность'.

Во втором ЛСВ 'глубокое интимное чувство, горячая сердечная склонность, чувственно окрашенное влечение к лицу другого пола' [БУСРЯ с. 507] слово *любовь* вступает в синонимические отношения со словами *расположение, благосклонность, увлечение, влюбленность, тяготение, влечение, привязанность, эрос, страсть, возжелание, любовь-морковь, чувство, обожание*.

Синонимы имеют общую интегральную сему 'сердечная склонность'. Слово *любовь* имеет сему 'продолжительность чувства' в отличие от лексем *влюбленность, увлечение, влечение, возжелание*, но не имеет семы 'половая возбудимость' в отличие от слов *возжелание, страсть, эрос*. Также в значении слова *любовь* нет таких дифференциальных сем, как 'неуправляемость', 'страстность', 'отсутствие рационального начала'. От слова *любовь-морковь* лексема *любовь* отличается коннотативными (шутливыми) семами и стилистической (разговорной) окраской.

В значении 'интимные отношения, интимная связь' (прост.) слово *любовь* синонимизируется с лексемами *связь, интрига, интрижка, роман, шашни, шуры-муры, амурь*. Синонимы имеют общую архисему 'отношения между мужчиной и женщиной'. Слово *любовь* имеет дифференциальную сему 'интимные отношения', эту же сему имеют практически все слова, входящие в данный синонимический ряд, кроме слова *амурь*. В слове *любовь*, в отличие от слов *шашни, амурь*, нет такой дифференциальной семы, как 'ухаживание', и, в отличие от слов *шуры-муры* и *амурь*, нет семы 'любовные похождения'. Также слово *любовь* не имеет эмоционально-оценочного компонента.

Еще один ЛСВ слова *любовь* 'внутреннее стремление, постоянная склонность, влечение к чему-либо, к какой-либо деятельности' имеет синонимы *вкус, мания, наклонность, охота, желание, приверженность, пристрастие, склонность, тяга, тяготение, слабость, страстишка, бзик, влечение, страсть, увлечение*. Синонимы имеют общую архисему 'чувство привязанности, расположения к чему-либо' и разные дифференциальные семы, позволяющие разграничить значения синонимов. Так, слово *любовь* имеет общую дифференциальную сему 'стремление' со всеми словами, входящими в данный синонимический ряд, но не имеет сем 'странность', 'недостаток' в отличие от слова *бзик*. В структуре лексического значения слова *любовь* нет таких дифференциальных сем, как 'способность', 'занятие', 'предрасположенность'. Семантика слова *любовь* указывает на наибольшую глубину, постоянство, продолжительность и интенсивность чувства, в отличие от других слов, входящих в данный синонимический ряд.

В значении 'предмет любви (тот или та, кого кто-нибудь любит, к кому испытывает влечение, расположение)' слово *любовь* вступает в синонимические отношения с лексемами *пассия, симпатия, зазноба, краля, любя, любушка, лада, любимый / любимая, возлюбленный / возлюбленная, дорогой / дорогая, миленький / миленькая, милый / милая, избранник / избранница, друг / подруга*. Синонимы имеют общую архисему 'предмет сердечной склонности'. Данный синонимический ряд состоит из существительных и субстантивированных прилагательных. Слово *любовь* имеет дифференциальную сему 'предмет чувства', но не имеет таких дифференциальных сем, как 'предмет ухаживаний', 'интенсивность'.

Помимо вышеописанных, в ЛФСП «Любовь» входят и другие синонимические ряды, например: *женоклюб* (доминанта), *казанова, ловелас, донжуан, ухажер, юбочник, бабник*,

волокита; поклонник (доминанта), *обожатель, вздыхатель, кавалер, ухажёр; влюбленные* (доминанта), *Ромео и Джульетта; любовный* (доминанта), *эротический, альковный, амурный; любить* (доминанта), *обожать, страдать, сохнуть; полюбить* (доминанта), *привязаться, увлечься, прикипеть, влюбиться; нелюбовь* (доминанта), *нерасположение, неприязнь, ненависть, отвращение* [ССРЯ] и др.

2.2. Антонимические отношения.

Антонимами к слову *любовь* в разных его значениях являются слова *ненависть, нелюбовь, неприязнь, нерасположение, отвращение*. Также на противоположное любви чувство указывает значение пословицы *люблю, как клопа в углу: где увижу, тут и задавлю*. Слова, вступающие в антонимические отношения со словом *любовь*, имеют интегральную сему ‘чувство’ и противоположные дифференциальные семы ‘сердечная склонность’ – ‘сильная вражда’.

Если говорить о градуальных антонимических отношениях, то на противоположных концах парадигмы находятся, например, слова *обожание* и *ненависть* [САРЯ, с. 193], поскольку семантика этих слов свидетельствует о сильной степени любви или вражды.

Слова *женоненавистник* и *женолоб* являются антонимами. Они имеют общую сему ‘отношение к женщине’ и противоположные дифференциальные семы ‘ненависть’ и ‘любовь’.

В антонимические отношения вступают слова, характеризующие объект любви: *обожаемый – ненавистный; любимый – ненавистный; любимый – нелюбимый; любимый – постылый; милый – ненавистный; милый – немилый*. Это противопоставление находит отражение в пословицах: *тошно жить без милого, а с немилым еще тошней; лучше быть в бедности, да с милым, чем в богатстве, да с постылым; приглядится – и милый станет постылым* [СТРПП, с. 300]; *в глаза мил, а за глаза постыл* [САРЯ, с. 193].

В антонимические отношения вступают глаголы *любить – ненавидеть, обожать – ненавидеть*. Они имеют общий компонент значения ‘испытывать чувство’ и противоположные компоненты значения ‘любовь’ – ‘ненависть’.

Очень часто в пословицах встречаются контекстуальные антонимы. Например, в пословицах, характеризующих объект любви, имеет место противопоставление *умный – красивый: на красивую глядеть хорошо, а с умной жить легко; красота до венца, а ум до конца; красота приглядится, а ум пригодится; красота увянет, а ум не обманет*. Слова *красивый* и *умный* являются контекстуальными антонимами.

Красота противопоставляется в пословицах трудолюбию: *жену выбирай не в хороводе, а в огороде; лучше черта любить, чем с ленивой жить; хороша телом, а какова делом?; не гляди на лицо, гляди на обычай*. А также очень часто в пословицах встречается противопоставление чувства любви деньгам: *деньги – прах, одежда – тоже, а любовь всего дороже; любовь за деньги не купишь; деньги – дело нажитое, о них нечего тужить, а любовь – дело другое: ею надо дорожить; любовь на лад – не надобен и клад*.

В антонимические отношения могут вступать целые группы слов. Так, единицы ЛСГ ‘чувство, склонность к лицу другого пола’ антонимичны единицам ЛСГ ‘чувство, противоположное любви’.

2.3. Гиперо-гипонимические отношения.

Помимо синонимических и антонимических отношений, единицы ЛФСП вступают в гиперо-гипонимические, или родо-видовые, отношения.

Гиперонимами к слову *любовь* являются слова *чувство, состояние, эмоции*. Слово *человек* – гипероним к слову *любовь* в значении ‘предмет любви (тот или та, кого кто-нибудь любит, к кому испытывает влечение, расположение)’. А слово *отношения* – гипероним к слову *любовь* в значении ‘интимная связь’. Гиперонимами к слову *любить* являются слова *чувствовать, относиться*.

Слово *любовь* вступает в гипонимические отношения с разными словами в зависимости от значения. В лексико-семантических вариантах ‘чувство глубокого

расположения, самоотверженной привязанности', 'глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство' слово *любовь* вступает в гипонимические отношения со словами *восторг, жалость, гордость, зависть, злоба, ликование, радость, нежность, преклонение, забота, вина, стыд, испуг, разочарование, скука* и мн. др. и входит в семантическое поле 'Чувства, эмоциональные состояния' [РСС, т. III, с. 245–255]. В значениях 'сильная склонность, увлеченность чем-либо', 'пристрастие, тяга' согипонимами слова *любовь* являются лексемы *амбиция, жадность, желание, инициатива, интерес, лень, мечта, прихоть, потребность* и др., входящие вместе с ним в ЛСП 'Воля. Желание. Влечение. Наклонность' [РСС, т. III, с. 232–234]. В ЛСП 'Социальные связи, отношения', помимо слова *любовь* в значении 'любовные отношения', входят также слова *общение, сотрудничество, участие, безбрачие, вдовство, замужество, материнство, сиротство, свидание, одиночество, братство, добрососедство, дружба, конкуренция* и др. [РСС, т. III, с. 493–501]. Слово *любовь* в значении 'человек как предмет любви' может быть отнесено к ЛСП 'Наименования лиц по неродственным отношениям', в которое, помимо него, входят лексемы *невеста, знакомый, посторонний, чужак, враг, друг, конкурент, приятель, союзник, единомышленник, коллега, однополчанин* и др. [РСС, т. I, с. 188–194].

Между собой согипонимы вступают в отношения несовместимости. Лексико-семантические поля 'Чувства, эмоциональные состояния', 'Воля. Желание. Влечение. Наклонность', 'Социальные связи, отношения', 'Наименования лиц по неродственным отношениям' можно считать полями, имеющими зоны пересечения с ЛСП 'Любовь'.

3. Синтагматические отношения в ЛФСП «Любовь».

Согласно «Словарю сочетаемости слов русского языка» под редакцией П.Н. Денисова, В.В. Морковкина слово *любовь* в разных своих значениях сочетается с широким кругом слов [СССРЯ, с. 317–318]. «Русский глагол *любить* имеет максимально обобщенное, недифференцированное значение, что проявляется в практическом отсутствии ограничений в области дистрибуции: этот глагол может использоваться в максимально широком спектре ситуаций по отношению к объектам самых разных классов. Вполне нормальны для носителя русского языка следующие фразы: *я люблю свою Родину, я люблю своих родителей, я люблю свою жену, я люблю эту девушку, я люблю кататься на лыжах, я люблю апельсиновый сок*» [Корнилов, 2011, с. 188]. По свидетельству О.А. Корнилова, во многих языках для выражения этих значений существует не один, а несколько глаголов (например, *to love* и *to like* в английском, *amar, querer* и *gustar* в испанском) [Корнилов, 2011, с. 189–190].

Синтагматика слова *любовь* позволяет проследить некоторые свойства этого чувства-состояния-отношения в русской языковой картине мира. Так, словосочетания *большая любовь, безграничная любовь, глубокая любовь, легкая любовь* свидетельствуют о том, что это чувство поддается измерению с точки зрения размера, глубины и веса, но это измерение однонаправленно: большая, глубокая. Нельзя сказать *маленькая, мелкая, крохотная, тяжелая любовь*. Такое словосочетание, как *настоящая любовь*, свидетельствует о том, что анализируемое чувство подвергается оценке с точки зрения истинности-ложности. В словосочетаниях *горячая любовь, пылкая любовь, пыл любви, жар любви, любовь угасла* любовь ассоциируется с тем, что может менять температуру, например, с огнем. Но нельзя сказать *ледяная, морозная любовь*. В словосочетании *чистая любовь* анализируемое чувство подвергается морально-нравственной оценке, а сочетание *безумная любовь* указывает на то, что оно может находиться за гранью нормального психического состояния человека, вне рационального подхода к жизни. Словосочетание *муки любви* характеризует очень сильное чувство, которое может приносить физический и моральный дискомфорт человеку, испытывающему любовь к лицу противоположного пола. Слово *любовь* ассоциируется с чем-то очень непрочным: *берець любовь*. Чувство любви наделяется признаками живого

существа: *убить любовь; (любовь) пришла, прошла, ушла, умерла*. Абстрактное существительное *любовь* в некоторых словосочетаниях приобретает предметное значение: *потерять любовь, скрывать любовь, любовь окрепла* и т.д. Любовь воспринимается как дар, ниспосланный свыше, отсюда *святая любовь, священная любовь*. Но словосочетания *заслуженная любовь, заслужить любовь* и *завоевать любовь* свидетельствуют о том, что любовь появляется в результате каких-либо действий, поступков.

4. Эпидигматические отношения в ЛФСП «Любовь».

Существительное *любовь* является производным от глагола *любить*, который выступает производящим для слов *любителю, влюбить, полюбить, недолюбливать, разлюбить* и др. Слово *любовь*, в свою очередь, тоже образует производные слова: *нелюбовь, любовный, любвеобильный, полюбовный*. От прилагательных *любовный* и *полюбовный* образуются наречия *любовно* и *полюбовно*. Словообразовательное гнездо слова *любить* насчитывает около 300 лексических единиц (см.: [Тихонов, т. I, с. 565–567]), в том числе сложные слова *корыстолюбивый, сластолюбец, любострастие, дружелюбно, трудолюбивый* и др.

Лексическая единица *любовь* и производное от него слово *нелюбовь* вступают в антонимические отношения. Слова *полюбить* и *разлюбить*, которые являются производными от глагола *любить*, тоже вступают в оппозитивные отношения. Значение слова *недолюбливать* указывает на небольшую степень проявления негативного чувства. Слово *влюбить* является производным от *любить* в значении, связанном с ЛСВ 'глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство', так как влюбить в себя можно только предмет сердечной склонности, а любовь родителей и детей появляется сама собой. А образованное от него слово *влюбиться*, напротив, является производным от нескольких ЛСВ слова *любить*, так как *влюбиться* можно как в одушевленный, так и в неодушевленный предмет. Слова *любовник / любовница*, несмотря на положительную оценку социумом производящего слова, имеют отрицательные коннотации, так как эти слова называют людей, находящихся во внебрачных интимных отношениях. Слово *любитель* связано с таким значением слова *любовь*, как 'сильная склонность, увлеченность чем-либо', поскольку любителем называют человека, имеющего склонность, пристрастие к чему-нибудь. Слово *любительский* является прилагательным к слову *любитель*. Оно тоже соотносится со словами, указывающими на склонность, пристрастие к чему-нибудь, то есть не сочетается с одушевленными существительными. Слово *полюбить*, напротив, является производным от разных ЛСВ, имеющих общий компонент значения 'чувство', так как можно полюбить и женщину, и ребёнка, и кашу, и какое-то место.

5. Образный и ассоциативный аспекты анализа ЛФСП «Любовь».

5.1. Метафорика.

Д. Лакофф и М. Джонсон в книге «Метафоры, которыми мы живем» отмечают, что «большая часть обычной понятийной системы человека структурирована с помощью метафор» [Лакофф, Джонсон, 2008, с. 94]. Анализ фразеологизмов и паремий, входящих в поле «Любовь», позволил выявить концептуальные метафоры.

Метафора жидкости. Любовь порождает образ чаши, из которой пьет человек, переживая чувства: *испить до дна* (о чувствах), *глубина чувств*; любовь – сосуд, отсюда *полная любовь, неисчерпаемая любовь*; любовь – океан, море, отсюда *любовь тихая, бурная, спокойная, глубокая* и т.д. Ср. также: *новое вино в старые мехи не наливают*.

Метафора болезни. Физическая болезнь: *прививать любовь, умирать от любви, излечится от любви, любовная лихорадка*. Сложные любовные отношения называют нездоровыми. *Любови и кашля от людей не спрячешь*. Психическая болезнь (психическое расстройство): *безумная любовь, сходить с ума, без ума*.

Метафора огня: горячая, пылкая, жаркая любовь; пламень, пыл, жар любви; сгорать от любви, жар сердец, любовь угасла; любовь – костёр: вовремя дров не подкинешь – прогорит; любовь да свары – хуже пожара; любовь – солома: загорится – не потушишь; любовь не пожар, а загорится – не потушишь; любовь остыла – и жена постыла.

Метафора сверхъестественного, колдовства: чары любви.

Военная метафора: завоевать любовь; любовь все побеждает.

Метафора материала / металла / камня / прочности: старая любовь не ржавеет; кровь не вода, а сердце не камень; хорошую любовь и топором не разрубишь.

Метафора стекла, хрупкости / непрочности: беречь любовь; любовь – стекло: разобьёшь – не склеишь; любовь что зеркало: разобьёшь – не склеишь.

Метафора света, солнца: ум истиной просветляется, сердце любовью согревается; без любви – как без солнца; без солнышка нельзя пробыть, без любви нельзя прожить; где любовь да совет, там и рай, там и свет.

Зооморфная метафора: любовь зла, полюбишь и козла; и старая кобыла до соли лакома; любит и мать дитя, любит и волк овцу; любит и кошка мышку; любит и кот воробушка; любит и кот сало; целовал ястреб курочку до последнего пёрышка; как телята: где сойдутся, там и полижутся; телячьи нежности.

Метафора закольцованности: у любви, как у кольца, нет конца.

Метафора сада, цветения: цвели цветики, да поблекли; на красный цветок летит и мотылек; на красный цветок и пчела летит.

Метафора рыбалки: любовь – рыбная ловля: не клюёт – сматывай удочки.

Пищевая метафора: яблочка нет, съешь и морковку; с горчишкой и этот сойдёт; немилго целовать – несолёны щи хлебать.

Д. Лакофф и М. Джонсон в англоязычной культуре выявляют такие метафоры любви, как физическая сила, болезнь, сумасшествие, колдовство, война [Лакофф, Джонсон, 2008, с. 80–82]. В шведском языке любовь уподобляется ткани (залатанная любовь никогда не станет целой), растению (любовь растёт на любой почве), пьянству (любовь и пьянство – ближайшие родственники), ребенку (любовь – большой ребенок, женщина – его кукла) [Зиновьева, Юрков, 2009, с. 187–188]. Во многих культурах любовь отождествляется с огнем, пожаром. Совершенно очевидно, что многие метафоры любви имеют универсальный характер.

Помимо концептуальных метафор в состав поля «Любовь» входят языковые метафоры, такие как *тяготение, слабость, мания*. У физического термина *тяготение* «свойство всех тел притягивать друг друга, притяжение» [СОШ, с. 808] развивается переносное значение «*влечение, стремление* к кому-, чему-либо»: физическое, материальное притяжение переосмысливается как метафизическое, идеальное. То же самое происходит со словом *слабость*, которое из физического, материального мира переходит в область душевного, психического и морально-волевого, ср. «малая сила, мощь», «недостаток физических сил, энергии» > «влечение, склонность, симпатия, которую трудно преодолеть» [СОШ, с. 716]. В слове *мания* перенос осуществляется по иной модели. В процессе возникновения переносного значения меняется статус сем: архисема «болезненное состояние» в прямом значении слова *мания* «**психическое расстройство** – состояние повышенной психической активности, возбуждения» [СОШ, с. 334] преобразуется в дифференциальную сему в переносном значении этого слова «сильное, почти **болезненное** влечение, пристрастие к чему-нибудь».

5.2. Символика соматизмов.

Фразеологизмы, сохраняя свою языковую знаковую функцию, развивают функцию **символа** – знака культуры [Ковшова, 2012, с. 229]. «Символизация речевой соматики проявляется уже на ранних этапах культурного становления человечества» [Зыкова, 2010, с. 49], что нашло отражение, в том числе, в устойчивых оборотах.

Фразеологизм *терять / потерять голову* соотносится с соматическим кодом культуры через компонент *голова*. Голова посредством метонимии отождествляется с умом человека, символизирует рациональное в противоположность эмоциональному. *Теряя голову*, человек утрачивает способность поступать разумно, отдается во власть эмоций, желаний, побуждений, становится «обезглавленным» существом. У человека может *голова пойти кругом* (например, если кто-то *вскружит голову*), ведь у влюбленных главным управляющим органом становится *сердце*, а не *голова* [Шмелев, 2012, с. 95]. Аналогичное культурно-образное основание обнаруживается в оборотах *без ума, без памяти*.

Во фразеологизме *сходить с ума* состояние влюбленности приравнивается к психическому расстройству, к безумию, и опять подчеркивается отсутствие рационального начала в поступках влюбленных людей. Ум символизирует основу, на которой зиждется само существование человека, его нормальная жизнедеятельность [БФСРЯ, с. 684].

Соматизм *голова* – не единственный во фразеологизмах с семантикой любви. В качестве компонентов в них используются соматизмы *уши, сердце, глаз, рука*. И это не случайно, ведь «уникальность человека, как она представлена языком, в значительной степени определяется тем, что его интеллектуальные и «душевные» качества неразрывно связываются с порождающими их органами» [Шмелев, 2012, с. 85].

Во фразеологизме *по уши (влюбиться)* соматизм *уши* символизирует одну из наивысших точек человеческого организма и становится мерой всего человека. *Влюбиться по уши*, таким образом, означает влюбиться сильно до самого «верха».

Соматизм *сердце* как центральный орган жизненной силы человека в разных культурах издревле считается символом переживаний, чувств, настроений человека; соотносится также с духовно-религиозным кодом культуры, являясь мерилем эмоционально-нравственной силы человека, его доброты, искренности, сострадания. В основе образов фразеологизмов с компонентом *сердце* лежит синекдоха: сердце как неотъемлемая часть целого замещает самого человека [БФСРЯ, с. 528] (*отдать / отдавать сердце, прийти по сердцу, разбить сердце, сердце чует, сердце подскажет, закрадываться в сердце, подобрать ключи к сердцу, открывать сердце*). В других языках и культурах локализация эмоций иная: в китайской наивной картине мира эмоции локализируются в почках, в африканской – в печени и носу, во французской – в селезенке [Маслова, 2007, с. 138].

Фразеологизмы *души не чаять, (любить) всей душой, всем сердцем* также входят в ЛФСП «Любовь». Связано это с тем, что *душа* в наивно-языковом представлении воспринимается как своего рода невидимый орган, локализованный где-то в груди и «заведующий» внутренней жизнью человека. Во многих отношениях нематериальная *душа* подобна такому материальному органу, как *сердце* [Шмелев, 2012, с. 86–87].

За основу фразеологизма *положить глаз* берётся чувство осязания, то есть способность воспринимать мир с помощью органов зрения. Глаз, при помощи метонимического переноса, выступает частью целого (человека) и отождествляется с ним. Человек, увидев понравившейся объект, фиксирует на нем свое внимание. В образе фразеологизма *глаз* символизирует присвоение, больше свойственное другой части тела – *руке* [БФСРЯ, с. 552].

Соматизм *рука* тоже является компонентом фразеологизмов с семантикой любви. Например, выражение *носить на руках* связано с обычаем в день свадьбы переносить невесту на руках через порог дома жениха. Обряд связан с древним суеверием, что духи предков жениха, живущие на пороге его дома, могут разгневаться на невесту, если она переступит порог [РФИЭС, с. 607]. Фразеологизм *отдавать руку* также связан с древним обычаем подавать руку в знак согласия на брак. Этот жест имел символическое значение вручения себя другому лицу, признание его власти над собой. Обычай протягивать руку в знак обещания и клятвы является интернациональным [РФИЭС, с. 611].

5.3. Прецедентные феномены.

Под **прецедентным феноменом** понимается ментефакт, хорошо известный большинству представителей национально-лингвокультурного сообщества [СЛТ, с. 116]. К прецедентным феноменам относят прецедентные имена, прецедентные тексты, прецедентные ситуации, прецедентные высказывания [Воропаев, 2010, с. 38]. Описание прецедентных феноменов, относящихся к ЛФСП «Любовь», – задача отдельного исследования, возможно, отдельной контрольной, курсовой или выпускной квалификационной работы. В рамках данной статьи обратим внимание на прецедентные имена¹ *донжуан, ловелас*, абстрактное существительное, образованное от прецедентного имени, *нарциссизм* (от имени персонажа греческой мифологии – красивого юноши, влюбившегося в самого себя и превратившегося в цветок [Ашукины, с. 355]), прецедентные высказывания², такие как *Любви все возрасты покорны* (Пушкин), *Была без радостей любовь, разлука будет без печали* (Лермонтов), *Любить – это не значит смотреть друг на друга, любить – значит вместе смотреть в одном направлении* (Экзюпери). Так, легенда о *Дон Жуане* легла в основу более ста произведений мировой литературы, наиболее известными из которых являются пьеса Тирсо де Молина «Севильский соблазнитель» и комедия Мольера «Дон Жуан» [Ашукины, с. 168]. *Ловелас* – герой романа Ричардсона «Кларисса Гарлоу», бессовестный соблазнитель женщин [Ашукины, с. 299]. Имена *Дон Жуана* и *Ловеласа* стали нарицательными для людей подобного типа.

5.4. Интерпретация ассоциативного ряда.

Для того чтобы раскрыть место ЛФСП «Любовь» в языковой картине мира, обратимся к данным «Русского ассоциативного словаря». По мнению авторов словаря, он помогает проникнуть в социально-историческую память носителей языка и получить ответ на вопрос: «Как мыслят русские в современной России?» [РАС, с. 5].

Материалы «Русского ассоциативного словаря» показывают, что основными реакциями на слово-стимул *любовь* явились следующие: с первого взгляда 9; до гроба 8; чувство 5; зля, счастье 3; безответная, горе, и голуби, к женщине, ненависть, платоническая, пришла, радость, разлука, страстная, Яровая 2; брань, бывает, вера, верная, вечная, вечная тема, вечность, внеочередная, глупость, горит, дерево, друга, душа, жизнь, земная, знак зодиака, и бедность, и верность, и деньги, иметь, искренняя, к жизни, к людям, красотики, крепка, к тебе, ложь, любовь, много зверей, молодость, морковь, моя, настоящая, нежная, неземная, огромная, отлично, первая, преданность, прекрасна, прошедшая, прошла, раб, светлая, святое, секс, смерть; стоит того, чтобы ждать; страдание, страсть, с 1-го взгляда, чистая, чувства, это неприлично 1 [РАС, с. 303].

Наиболее многочисленные реакции реализуют идиоматическое словоупотребление слова *любовь* (*с первого взгляда* (9), *до гроба* (8)) и отражают стереотипное восприятие истинной, идеальной любви коллективным языковым сознанием: с первой встречи и до конца жизни. Реакции на слово-стимул оказались как отрицательного (*любовь зля, она безответная, горе, разлука, ненависть, смерть*), так и положительного (*счастье, радость*) характера.

Некоторые ассоциации носят прецедентный характер. Так, реакция *и голуби* обусловлена выходом в 1984 году кинофильма В. Меньшова «Любовь и голуби».

¹ **Прецедентное имя** связано или с широко известным текстом, или с ситуацией, хорошо известной всем носителям данного языка и выступающей как прецедентная [Захаренко и др., 1997, с. 88].

² К **прецедентным высказываниям** относятся цитаты, названия произведений, небольшие по объему тексты [СЛТ, с. 112].

Появляются также индивидуальные, субъективные ассоциации: *знак зодиака, много зверей, это неприлично.*

Заключение. В статье представлен лишь один из вариантов анализа лексико-фразеосемантического поля, включающий описание структуры поля с его ядром и периферией, с зонами пересечения разных семантических полей, синтагматики, парадигматики и эпидигматики поля, его образной и ассоциативной стороны.

Среди основных рекомендаций по анализу лексико-фразеосемантического поля для студентов-филологов можно предложить следующие:

- отбирать материал следует с опорой на семантические, идеографические, толковые, фразеологические и паремиологические, синонимические, антонимические словари;
- парадигматические отношения описываются по тем же самым словарям, особенно по идеографическим, синонимическим, антонимическим;
- синтагматические отношения рассматриваются с опорой на словари сочетаемости, толковые словари;
- эпидигматические отношения невозможно рассмотреть без привлечения словообразовательных словарей;
- обязательно нужно проанализировать образную, символическую, ассоциативную составляющую языковых единиц поля, при наличии представить анализ прецедентных феноменов; опорой здесь могут послужить лингвокультурологические и страноведческие справочники, фразеологические этимологические словари, словари крылатых фраз и выражений.

Анализ лексико-фразеосемантического поля позволяет студентам-филологам продемонстрировать умение работать со словарями и справочниками разных типов, отбирать материал и классифицировать его, интерпретировать информацию, содержащуюся в словарях и научных работах, сопоставлять языковые единицы, выявлять сходные и различные семантические компоненты, а также обнаруживать, с опорой на авторитетные научные исследования, национально-культурную специфику языковых единиц, объединенных в семантические поля.

Список литературы

1. Воробьев В.В. Лингвокультурология : монография. М.: РУДН, 2008. 336 с.
2. Воропаев Н.Н. О проблемах описания прецедентных имен в китайскоязычном дискурсе // Язык, сознание, коммуникация : сб. науч. ст. / под ред. Н. В. Уфимцевой, В. В. Красных, А. И. Изотова. М.: МАКС Пресс, 2010. Вып. 40. С. 37–55.
3. Горбунова Ю. С. К вопросу о статусе фразеосемантического поля // Таврический научный обозреватель. Филологические науки. 2015. № 4. С. 27–31.
4. Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация : сб. науч. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 1997. Вып. 1. С. 82–103.
5. Зиновьева Е. И., Юрков Е. Е. Лингвокультурология: теория и практика. СПб.: МИРС, 2009. 291 с.
6. Зыкова И. В. Символизм речевой соматики в процессе фразеологической номинации (лингвокультурологический подход) // Живодействующая связь языка и культуры : мат-лы конф., посвященной юбилею проф. В. Н. Телия: в 2 т. Тула: Изд. Тул. гос. пед. ун-та, 2010. Т. 1. С. 47–53.
7. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 456 с.
8. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 192 с.
9. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 3-е изд. испр. М.: КДУ, 2011. 350 с.
10. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 256 с.

11. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2007. 208 с.
12. Новиков Л. А. Избранные труды. М.: Изд-во РУДН, 2001. Т. I. Проблемы языкового значения. 672 с.
13. Ножин Е.А. Англо-русский словарь по семантическим группам // Иностранные языки. 1966. № 2. С. 101–124.
14. Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка: Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 176 с.
15. Примерная программа по учебному предмету «Русский родной язык» для образовательных организаций, реализующих программы основного общего образования от 31 января 2018 года № 2/18 // URL: <https://nsportal.ru/> (дата обращения: 11.03.2021).
16. Шмелев А. Д. Дух, душа и тело в свете данных русского языка // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 83–98.
17. Щур Г. С. Теории поля в лингвистике. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018. 264 с.

Список словарей и их условные обозначения

- Ахманова – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
- Ашукины – Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. М.: Гослитиздат, 1955. 666 с.
- БУСРЯ – Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; Под ред. В. В. Морковкина. М.: Словари XXI века; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. 1456 с.
- БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. 2-е изд., стер. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. 784 с.
- РАС – Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. Я. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: Астрель: АСТ, 2002. 784 с.
- РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998–2007.
- РФИЭС – Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 926, [2] с.
- РФСС – Яранцев Р. И. Русская фразеология. Словарь-справочник. 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык – Медиа, 2006. 894, [2] с.
- САРЯ – Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка / под ред. Л. А. Новикова. 7-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002. 592 с.
- СЛТ – Ковшова М. Л., Гудков Д. Б. Словарь лингвокультурологических терминов / отв. ред. М. Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2018. 192 с.
- СОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская АН; 2-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.
- СРПП – Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 9-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 2002. 544 с.
- ССРЯ – Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. 8-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1995. 495 с.
- СССРЯ – Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2002. 816 с.
- СТРПП – Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 736 с.
- Тихонов – Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ, 2003.
- ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. 6-е изд., испр. и доп. М.: АСТ: Астрель, 2001. 512 с.

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ, ОБЗОРЫ, МАТЕРИАЛЫ, ВОСПОМИНАНИЯ

PUBLICATION OF SOURCES, REVIEWS, MATERIALS, MEMOIRS

УДК 821.161, 82-31

М. В. Мелихов
M. V. Melikhov

Пражский список «Сказания о Мамаевом побоище» из собрания рукописей А. Д. Григорьева

Prague list of "The tales of the Mamai's battle"
from the collection of manuscripts by A. D. Grigoriev

«Сказание о Мамаевом побоище» публикуется по рукописи А 1 из коллекции А. Д. Григорьева (Национальная библиотека Чехии (Прага)). Текст относится к четвертой редакции, включенной в поздние издания печатного Синописа. Значительных расхождений с исходным текстом немного. Переписчик Амфиломей Заварнин, пинежанин, почти дословно воспроизвел исходный текст, искажения можно объяснить двумя причинами: его невнимательностью и ошибками в той рукописи, с которой он, по-видимому, копировал текст. Наличие «Сказания о Мамаевом побоище» в составе достаточно позднего (второй половины XIX века) сборника, свидетельствует о разнообразии интересов архангелогородских крестьян-старообрядцев, которые не замыкались только на религиозных текстах, а интересовались и историческими сочинениями о самых выдающихся событиях прошлого.

Ключевые слова: воинские повести, старообрядческие рукописи, Синописис, «Сказание о Мамаевом побоище».

"The Tale of the Mamay's Battle" is published on the basis of manuscript A 1 from the collection of A. D. Grigoriev (National Library of the Czech Republic (Prague)). The text belongs to the fourth edition, included in later editions of the printed Synopsis. There are few significant discrepancies with the source text. The copyist Amphilomei Zavarnin, a Pinezhanin, reproduced the original text almost verbatim, the distortions can be explained by two reasons: his inattention and errors in the manuscript from which he apparently copied the text. The presence of the "The Tale of the Mamay's Battle" in the composition of a rather late (the second half of the XIX century), collection, testifies to the diversity of interests of the Archangelogorod peasants-Old Believers, who were not confined only to religious texts, but were also interested in historical writings about the most outstanding events of the past.

Keywords: Military stories, Old Believer manuscripts, Synopsis, "The Tale of the Mamay's Battle"

«Сказание о Мамаевом побоище» – одно из самых известных произведений древнерусской литературы, которое и сохранилось в четырех редакциях десятков рукописных списков XVI–XIX веков [Дмитриев, 1959, с. 406–448], а во второй половине XVII века появились и печатные издания. Самым ранним и самым известным из печатных изданий было синоптическое, специально составленное для «Синописа» в результате сокращения четвертой (по классификации С. К. Шамбинаго) [Шамбинаго, 1906, с. 368] или Распространенной (Л. А. Дмитриев) редакции произведения [Дмитриев, 1959, с. 447].

Этот вариант «Сказания...», по мнению Л. А. Дмитриева, по популярности обошел рукописные списки произведения других редакций [Дмитриев, 1959, с. 447]. Киевский «Синописис» был впервые издан в 1674 г. в типографии Киево-Печерской лавры и в течение почти 200 лет (последнее издание было в 1861) переиздавался более 30 раз [Сапожников, 2006, с. 4]. По этой причине он считается одной из самых распространенных печатных книг для домашнего чтения по русской истории. До 1736 г. «Синописис» издавался в Киеве (типография Киево-Печерской лавры), а после 1736 г. его переиздали в Академии Наук в Санкт-Петербурге. «Сказание о Мамаевом побоище» вошло в состав третьего (1680 г.) издания, в двух первых его не было [Пештич, 1958, с. 285].

В сборнике А 1 из собрания севернорусских рукописей А. Д. Григорьева (Национальная библиотека Чехии (Прага)) пять текстов: «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о начале Москвы», «Хождение Трифона Коробейникова», «Слово о Вавилоне», «Повесть о царице Динаре» и «Сказание о Мамаевом побоище». Сборник поздний, 50–60-гг. XIX в., 4°, 104 л., написан полууставом, одной руки – Амфиломея Заварнина [Савельева, 2003, с. 668–669].

Текст «Сказания о Мамаевом побоище» написан аккуратным полууставом, заголовки глав и инициалы выделены кинноварью и украшены растительным орнаментом, нумерции глав нет. Расхождений с источником («Сказанием о Мамаевом побоище» из «Синописиса») немного, имеющиеся незначительны и, по всей вероятности, обусловлены скорее ошибками рукописи, с которой делалась данная копия, или региональными особенностями произнесения отдельных слов. Так, имя князя *Глеба* везде написано *Хлѣба*. Редкие пропуски слов и механические замены букв и слов, обусловлены, скорее всего, тем, что в распоряжении переписчика была дефектная рукопись: переписчик мог не знать значения отдельных слов и потому вместо *рынделю* (*рынде*) написал *рытелю*, вместо *приволака* – *проволака*. Есть и обычные описки, возникшие, видимо, в процессе копирования текста. Например, вместо *князей ярославских* написано *князей православных*, вместо *Юрьевский* – *Сырьевский(?)*, вместо *прииде* – *приеха*, вместо *к Боровску* – *в Боровескую*, вместо *созади* – *созидаше*, вместо *починальника* (о Пересвете) – *поминальника* и т. п. Можно отметить и систематический пропуск одной буквы *н* там, где в источнике *н* двойная: *окаяныхъ*, *браномъ*, *непрестано*, *полуденый*, *побежденый* и др. Иногда из-за этих описок незначительно, но меняется смысл слова. Например, вместо *златоверхих* написано *златоверныхъ* и т. п. Самое объемное «вмешательство» переписчика в текст «Сказания о Мамаевом побоище» – исключение помещенного в печатном издании перед главой «О приметах Дмитрия Волынского» «предуказания» (пояснения). Издатели Академии наук не исключили этот мистический по своей сути эпизод, но прокомментировали его. По их мнению, приметы об исходе сражения не пережиток языческих верований, «вражбитство» или «волшебство» (которые «есть от дьявола»), они – знак особого расположения Бога к русскому воинству и к великому князю Дмитрию Богу.

1. Дмитриев Л. А. К литературной истории «Сказания о Мамаевом побоище» // Повести о Куликовской битве / изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1959. С. 406–448.

2. Киевский Синописис, или Краткое собрание отъ различных летописцевъ о начале славенороссийскаго народа». Киев: типография Киевопечерской лавры, 1823. С. 90–130. 164+105 с.

3. Пештич С. Л. «Синописис» как историческое произведение // ТОДРЛ. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 15. С. 284–298.

4. Савельева Н. В. Пинежская книжно-рукописная традиция XVI – начала XX в. Т. 1. Очерк истории формирования пинежской книжно-рукописной традиции. Описание рукописных источников. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 2. С. 668–669.

5. Сапожников О. Я. Предисловие // Мечта о русском единстве. Киевский Синописис (1674) / предисл. и подгот. текста О. Я. Сапожникова и И. Ю. Сапожниковой. М.: Изд-во «Европа», 2006. 248 с.

6. Ткаченко В. В. «Синописис» и преподавание истории России в XVIII веке: об одном историографическом мифе // История России с древнейших времен до XXI века: V Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых (9 ноября 2017 г.). М.: ИРИ РАН. 2018. С. 41–48.

7. Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906 // Журнал министерства народного просвещения. СПб.: Сенатская типография, 1908. Ч. 14. С. 433–446.

Текст публикуется по рукописи А 1 Национальной библиотеки Чехии (Прага) л. 1 – 38 [Савельева, 2003, с. 668–669]¹. Список хорошей сохранности, датируется первой половиной XIX в. Он написан четким полууставным письмом, названия глав и буквы киноварные. Все исправленные места в публикации места мы выделяем курсивом. Исправления сделаны по печатному изданию «Синописиса» [Киевский синописис, с. 90–130]².

О извещении великому князю Дмитрию, яко нечестивый Мамай идет³

(л. 1) Великий благоверный князь Дмитрий Иванович Московский услышавши, яко идет на него бѣзбожный царь татарский Мамай со многими силами, неуклоно яряся на вѣру Христову и народъ христианский, ревнуя погибшему Батью, скверному прародителю своему, и, опечалися велми, иде предъ икону Христа спасителя миру, и падше на колѣну, нача со слезами молитися, да простит милостивии⁴ Богъ грѣхи его и избавить землю Рускую от безбожнаго Мамаея. По молитве же воздвигши скоро посла по брата своего князя Владимира в Боровескую и по вся князи, бояре и воеводы. // (л. 1 об.)

Князь же Владимиръ приеха на Москву вскоре. И видѣвъ великий князь Дмитрей брата своего, извести ему скорбь свою о нахождении поганых. Князь же з болѣзнию толикой скорби сообща великому князю, утѣшая его, глаголющее: «На Господа возверзи печаль свою, то и ты препитаешь, намъ же, государь, людие есть почестну смерть приятии, нежели срамотенъ животь видети». Тогда князь великий Дмитрий, поемши брата своего, поиде къ преосвященному митрополиту, извести ему настоящую бѣду, яко безбожный царь Мамай идет на Русь: «Божимъ попущениемъ грѣхъ ради нашихъ воста на ны нечестивы онъ царь. Ты же, государю, почтися прежде послати к нему дары и теми гнѣвъ его укротить, егда смирится и не поидет земля наша пустошить. Аще того ради не смирится, то Господь самъ Господь, имиже веси судьбами, смиритъ его, яко // (л. 2) Господь гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать. Тако бо и святой Василей Великий сотвори⁵, когда пославъ дары законопреступнику Иульяну, хотящу град его разорити, да утолица от ярости своя. Но егда Отступникъ онъ не преста от погибелния ярости своя, абие самъ Господь Богъ на отмщение

¹ См.: Савельева Н. В. Пинежская книжно-рукописная традиция XVI – начала XX в. Т. 1. Очерк истории формирования пинежской книжно-рукописной традиции. Описание рукописных источников. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 2. С. 668–669.

² Киевский Синописис, или Краткое собрание отъ различныхъ летописцевъ о начале славенороссийскаго народа». Киев: типография Киевопечерской лавры, 1823. С. 111–112. Текст «Сказания о Мамаевом побоище» на с. 90–130.

³ Заглавие читается не полностью, отчетливо видны только отдельные слова и части слов (восстановлено по печатному изданию «Синописиса».

⁴ Слово написано над строкой.

⁵ Далее: и.

толикаго неблагодарствия воина своего святого мученика Миркурия, да убить гонителя невидимо, еже и сбьтся.

О послании великаго князя Дмитрия даровъ къ Мамаю. Великий князь Дмитрий повинувшись своему митрополиту избраннаго и благоразумнаго от престоящихъ своихъ именемъ Захария Тутчева или Тушина посла со мними дарами къ Мамаю, придавше ему два толмата¹. Захария же, // (л. 2 об.) доиде земли Резанские и слышахъ, яко Олегъ Резанский и Олгърдь Литовский приложилися къ Мамаю, посла тайно къ великому князю, извещая о толикомъ своихъ друзейъ неприятелстве.

Князь же великий, слышахъ² то, нача сердцемъ двизатися, исполнишася печали, помолився Господеви: «Боже мой, на единого тебѣ надѣюся, правду любящаго. Аще бы врагъ пакости деель, претерпѣль быхъ, яко бо искони врагъ есть роду християнскому; сии же друзи искрѣнни мои тако на мя умыслиша. Суди же, Господи, по правдѣ межи има и межи мною, да скончается злоба грѣшныхъ». По молитве поиде великий князь с братомъ своимъ къ преосвященному митрополиту и повѣда предложение Олга Рязанскаго и Ольгерда Литовскаго къ Мамаю, глаголя со плачемъ: «Согрѣшили, отче // (л. 3) святой, предъ Господомъ, но имъ никоея обиды не сотворихъ, доволенъ бо есмь своимъ княжениемъ, не вемы же, умножишася стужающе ми». Отвѣщавъ же митрополитъ, яко «Суетна ихъ вражда и неправедное восстание на тя, княже великий, сего ради не скорби, но просвѣтися веселиемъ о Бозѣ, помощнике своемъ, то и тя избавитъ и прославит, аще бо, говорю, человека хранить Богъ, то не можетъ его весь миръ убить от крепкия руки его и от всѣвидящаго ока Владычнаго гдѣ можно избыти». Тѣми словесы архиерейскими укрепися великий князь Дмитрий и на Господа печаль свою возложи.

О послании первой стражи. Князь великий Дмитрий Ивановичъ со братомъ своимъ и со всеми совѣтниками, подумавши, посла на стражу противъ Мамаю крепкихъ своихъ и разумныхъ оружниковъ: Иоана // (л. 3 об.) Ржевскаго, Якова Усатаго, Василья Тушника и многихъ с ними богатыревъ. И повѣле имъ ехати съ всякимъ опасениемъ под Орду языка доставать и правды о Мамаевомъ намерѣнии довѣдаться. Потомъ же повелѣ великий князь грамотъ розослати по всемъ градомъ, да будутъ готовы на брань з безбожными, да снемлются все на Коломнѣ во Успении пресвятыя Богородицы.

О послании второй стражи. Видящи великий князь Дмитрий, яко первая стража замедлѣ, паки подумавши з братомъ своимъ и з боярами умысли послати вѣторую стражу и заповѣда имъ возвратитися вскорѣ. На стражу же послании бяху: Климѣнтъ Полянин, Иван Свѣслов, Григорѣй Судокъ и ины многия. Сии же пошедше стрѣтоша на пути Василья Тушника с языкомъ, иже языкъ повѣда великому // (л. 4) князю Димитрию, яко неложно идетъ царь Мамай на Русь и како обослася с ним Олегъ Резанский и Олгърдь Литовский. Не спешить: ждеть оѣни.

Улышавши то слово великий великий князь нача молитися: «Владыко Господи Иисусе Христе воплотивыйся от пресвятыя девы Мариа нашего ради спасения! Избавлей от работы вражия нынѣ на смирение наше. И смири, Господь, гордое сердце окаянаго Мамаю». Посемъ обращася³ к брату своему и ко всемъ князѣмъ и воеводамъ, глаголаша, укрепляя ихъ: «Гнѣздо есть, братие, князя Владимира Киевскаго, иже насъ извелъ от тмы идолослужения и просвѣтилъ истинною в Бога истинаго, поревнуемо же ему, а биemosя до смѣрти за вѣру святую с погаными татарами, Господь намъ помощникъ. Не убоимся, что сотворитъ человекъ. Аще кто // (л. 4 об.) от насъ умреть за вѣру, то святыми мученики въ небѣ вѣнецъ восприемлютъ». Отвѣща же князь Владимѣръ, братъ великаго князя, и вси с нимъ князи рѣша присно: «Сие есть яко за вѣру святую умирающий от Бога воздаянии приемлютъ вечное и мы готовы есмь все на войнѣ с татарами головы своя за вѣру святую положить». Тое услышавше великий князь Дмитрий, яко всѣ дерзновѣно тщатся ко брани зѣло утѣшися.

О приездѣ князей и воеводъ и многихъ ратей. По повѣлению великаго князя Дмитрия приспеша же рускии князи и воеводы и многи воинства во урочное время на

¹ Так в РКП.

² ша – вынесено над строкой.

³ Так в РКП.

день Успения пресвятыя Богородицы къ Москвѣ, вси радующеса о великомъ князи своемъ Дмитрии, едиными усты глаголаху: «Соверши, Боже, течение наше имени ради твоего святаго»¹. // (л. 5)

Приидоша² же князи белозерстии со многими силами велми чинно къ бою устроеными: князь Феодоръ Семеновичъ, князь Семень Михайловичъ, князь Скимский, князь Хлѣбъ³ Каргополский, князи ярославстии со многими, князь Андрей Ярославский, князь Прозорьевский, князь Левъ Курбский, князь Дмитрий Ростовский, и инны князи, и с ними много боярь и дѣти боярские.

О приожденни Захарии во Орду къ Мамаю. Захария пришедь во Орду и поемше его темныи князи, поставиша пред царемъ своимъ Мамаемъ. Захария же все посланные дары от великаго князя Дмитрия положивши пред нечестивымъ Мамаемъ, рече: «Государь нашъ великий князь Дмитрий Ивановичъ всея Росии во отечествии своемъ здравуетъ и твоего гударскаго здравия присла мя вопросити и сия дары присла царския // (л. 5 об.) ради почести». Нечестивый же царь възьярися и паче исполнися ярости и гордости, абие свѣрхъ башмакъ с правыя ноги, рече Захарии: «Се ти дарую от великия славы твояе пришедшу от ноги моя отпадшее. Такова бо есть наша царская почеть, аще хоцемъ жаловати». Захария же воздаде честь мудре нечестивому цареве. Царь же подивися мудрымъ отвѣтомъ Захариинымъ. И повѣлѣ присланные дары воиномъ взятии, рекуще: «Возмите себѣ и купите себе плети на коней. Злато и сребро князя Дмитрия все будетъ в руку мою: землю его разделю служащимъ мнѣ и самого приставлю стадо пасти верблюжие». Тогда Захария ревностию разжегшися о господине своемъ, рече Мамаеви: «Что глаголеши сие таковому великому государю: Богъ елико хоцеть, то и сотворитъ, а не якоже // (л. 6) ты хоцещи. Предстоящии же хотяху Захарии убити, но запрети Мамай и нача прелщати Захариию мяжкими словесы, обѣщая его властителя в Руси сотворити. Захария же такожде лествъ восприемши въ сердцы своемъ от рукъ его скоро свободитися, рече к царю: «Не подобаетъ послу, не совершивши посольства своего государя, ко иному царю пристати: прежде повели ми книги дати посольныя и посольство совершу, и паки к тебѣ возвращуся, царю, и да тако и тебѣ верень буду, яко не солгахъ первому государю». Нечестивый же царь уловленъ бысть мудрыми словесы Захарииными и отпусти его с писаниемъ къ великому князю Дмитрию. Посла же зъ Захарию четырехъ князей чесныхъ и любимыхъ своихъ: постельника своего, да дятка, да конюшнаго и ключника, да с ними некихъ татаръ // (л. 6 об.).

О грамотѣ Мамаевой къ великому князю Дмитрию. Грамота же царя Мамаеви сичевымъ образомъ написано вяще: «От восточнаго царя от большихъ ордь от татарскихъ полкъ, от силныхъ татаръ царь царей Мамай, многимъ ордамъ государь. Рука моя многими царствы обладает и десница моя на многихъ царствахъ облежитъ ратаю нашему Дмитрию Московскому. Ведомо ти есть, яко улусы нашими обладаешъ, нашему царству пришедь, не поклонишися, да есть ти ведомо. И будетъ днесъ рука моя хоцеть тя казнити. Аще ли еси младъ, то приди ко мнѣ, поклониши ми ся, да помилую тя и во твое мѣсто пошлю тя царствовати. Аще ли сего не сотвориши въскорѣ – вся грады твоя имамъ разорити и огню предати и самого тя велицей казни предамъ».

О отшествии Захарии от Мамаеви. // (л. 7) Отшедше же Захария от проклятаго Мамаеви, благодарение возсылаше Богу, яко отпусти его Мамай и не размысливъ послати окаянныхъ своихъ любимыхъ с нимъ. И егда приближися ко рѣце Отцѣ, четыре татарины с нимъ, 15 нарочитыя и прочия послании татарове на Русь посла зъ дороги Захария тайно къ великому князю, чтобы встретение ему, а татаромъ рече: «Уже васъ чесно стретягъ от великаго князя. Великий же князь скоро посла во стретение Захариино триста человѣкъ избранныхъ двора своего. И срѣтоша Захариию недалече от реки Оки. Захария дождахся своихъ, абие повелѣ хватати татаръ и везати. И вземъ грамоту Мамаеву, посланую къ великому князю, предра надвое и, выбравъ худшаго татарина, въдасть ему роздраную грамоту и отпусти его // (л. 7 об.)

¹Заголовок выделен красными чернилами.

² Инициалы здесь и далее оформлены примитивным растительным орнаментом.

³ Так в РКП.

къ Мамаю, глаголя: «Рцы безумному царю, яко не обретохъ въ челоуцехъ бѣзумнейша его, а грамоту его бѣзумия пресвѣтлыя очи государя своего великаго князя не принесохъ и прочтѣхъ азъ самъ ю и, видѣхъ безумия Мамаево, посмѣяхся». Прииде же татаринъ и возвести сия вся Мамаю и грамоту роздрану даде ему. Царь же нечестивый воскочи и нача ярится. И повелѣ всячески подвизатися во емъ своимъ на Русь.

О пришествии Захарии съ посольства на Москву. Захария же прииде благополучно въ славный градъ Москву и удари челоуцъ своему государю великому князю Дмитрию Ивановичу и всехъ татаръ связанныхъ приведоша. Князь же великий радостень бяше велми о возвращении Захариномъ и о умномъ посольстве его уздавши же изве // (л. 8) стно от Захарии о неложномъ восстании безбожнаго Мамаю, яко скоро грядеть. Нача радоватися наипаче тешитися о Бозѣ, укрѣпляя брата своего и всѣхъ князей русскихъ противу бѣзбожнаго Мамаю готовящи же ся на брань, умысли ити в монастырь святыя живоначальныя Троицы святому славному и на восприятие благословѣния от преподобнаго отца Сергия чудотворца.

О походе великаго князя Дмитрия в монастырь святыя Троицы. Великий князь Дмитрий поемъ брата своего и вся православныя князи, и поиде в монастырь святыя живоначальныя Троицы ко святому игумену отцу Сергию. Тамо шедъ, поклонися и благословение получи от всея святыя обители. И моли его преподобный старецъ, дабы слушалъ святыя литургии, // (л. 8 об.) бяше тогда день недельный и память святыхъ мученикъ Флора и Лавра. По литургии молит его преподобный Сергий со всею братиею, дабы вкусилъ хлѣба от святыя обители. Князь же великий препятие великое име, яко приидоша весницы, возвещающе ему о приближении татаръ и моли преподобнаго, дабы ослабил ему. И рече ему святой старецъ: «Обѣдь тебѣ в поспешество будеть. Вѣнецъ же еще тебѣ не готовъ, но инымъ многимъ вѣнци плетутся мученически». Князь же великий Дмитрий со всеми православными князми вкуси хлѣба. А святой Сергий в то время повелѣ воду освѣтити от мощей святыхъ мученикъ Флора и Лавра, ихъ же того дне память совѣршашася по трапѣзе. Преподобный Сергий окропи священною водою // (л. 9) великаго князя и всѣхъ православныхъ князей и все христолюбивое воинство и дасть великому князю знамение на чель – крестъ Христовъ. И рече ему: «Пойди, господине, Богъ тебѣ да будеть помощникъ на враги». Потомъ тайно ему рече: «Побѣдиши супостаты своя». Князь же великий прослѣзися и проси от него дару. Отвѣща старецъ святой: «Елико довлѣеть твоему государству». И рече ему князь великий: «Дай ми, святой отче, два воина от полку своего иноческаго, Пересвѣта и брата его Ослебя, то ты и самъ поможеши намъ». Преподобный старецъ скоро повелѣ има, яко вѣдомымъ ратникомъ и храбрымъ богатыремъ готовитися вместо тленаго щита или шилома¹ схиму съ крестомъ на главу возложи. И предаде ихъ в руцѣ великому князю, глаголя: // (л. 9 об.) «Се ти мои оружници, а твои изволници». Рече имъ святой старецъ: «*Миръ вам*², братие моя, *крѣпко*³ постражите⁴, яко добли воины Христовы». И всему православному воинству дасть миръ и благословение и отпусти ихъ.

Князь же великий обвеселися сердцемъ и поиде ко граду своему и не повѣдаеть никому же, еже рече ему преподобный Сергий. И поиде къ славному своему граду Москвѣ, благословение старче, аки некое некрадомое сокровище несы. Достигши же града Москвы, иде ко преосвященному митрополиту, сказа ему, еже рече святой старецъ и како дасть ему благословение святой и всему воинству. Митрополит же повелѣ ему все то хранити и не повѣдати никомуже тайнаго Сергиева проречения о победѣ збытися имѣвше над погаными. Донде же время славы побѣдительныя приидеть.

О походѣ великаго князя противу бѣзбожныхъ агарянь. Месяца августа в 27 // (л. 10), день на память преподобнаго отца нашего Пимина Великаго князь великий Дмитрий хотя ити на безбожнаго Мамаю. Поиде прежде въ церковь пресвятыя Богородицы и ста предъ иконою Христа Спасителя, согну руцѣ къ персемъ и нача молитися со слѣзами, глаголя: «Молю ти ся,

¹ Так в РКП.

² Нет в РКП.

³ Нет в РКП.

⁴ В РКП: страждете.

Боже чудный, владыко страшный и превысокий! Воистину ты еси царь славы! Помилуй насъ, грѣшныхъ, егда въ пѣчalexъ къ тебѣ прибѣгаемъ, яко ко своему владыце и благодателю. Суди, Господи, обидящимъ мя и возбрани борющимся со мною, и прими оружие и щить и стани въ помощь мнѣ и даждь ми побѣду на противныхъ, да и тии познають славу твою». Потомъ ста предъ образомъ чудотворнымъ пречистыя Богородицы от Луки, святаго евангелиста написанымъ, и нача умильнымъ сердцемъ вещати, глаголя: «О госпаже Царицѣ Богородицѣ всего рода // (л. 10 об.) христианскаго заступнице, не дай же в разорение града сего поганому Мамаю и моли сына своего, Господа нашего Творца и содетеля: да дасть намъ руку помощи, да смируетъ сердце гордыхъ враговъ нашихъ. Можеша бо, о владычице, елико хоцеша. Мы же на твою помощь надѣющеся, подвизаемся противу безбожныхъ татаръ». Также шедши ко гробу блаженнаго чудотворца Петра митрополита киевскаго, припаде и моли его, да помолить ко архиерею Христу Господу о словесныхъ овцахъ паствы своя, еже сохранитися имъ невреденымъ. И да пожнетъ и погубитъ волковъ – бѣзбожныхъ варваръ¹, хотящихъ овца его поглотити».

Скончавъ же молитву, поклонися митрополиту. Митрополить же благослови его и дасть ему знамение побѣды – крестъ святой, и пусти его, но посла мит // (л. 11) рополить священный соборъ съ клиросомъ во Фроловский врата, в Констанновский, и в Никольский с крѣстами святыми и чудотворными иконами, да всѣхъ воиновъ благословятъ на брань.

Князь же великий Димитрей иде въ цѣрковь небеснаго воеводы архистратига Михаила, воиномъ скорого пособника, и поклонися святому его образу. Потомъ приступи ко гробомъ православныхъ князей прародителей своихъ, и рече имъ: «Истинные хранители вѣры святаго православию поборницы, аще имате дерзновение ко Господу, того молитѣ о насъ, наслѣдникахъ вашихъ, да подасть намъ Богъ надъ погаными побѣду. По молитвѣ изыдѣ исъ церкви.

И се княгиня великая Евдокия и иныхъ многихъ князей княгини, и воеводския жены, и многое множество народа, мужие и жены изыдоша // (л. 11 об.) провожати великаго князя и продчии со слѣзами и со восклицаниемъ сердца и не можаху слово прорещи, подавающе всякъ другъ своему другу конечное цѣлование. Княже великий мало удержася от слѣзъ, не дая себѣ плакати народа ради, сердцемъ же горко слѣзючи, глаголя ко своей княгине, утѣшая ю: «Жено, не плачь: аще Богъ по насъ, то кто на нас!» И тако сотвориши цѣлование, вседе на свой браный конь и с нимъ вси князи, аки бѣлыя соколы полѣтеша с Москвы² в нарочитомъ въ воинскомъ нарядѣ. Бѣлозерстии князи особно выехали со своими полки зѣло пристроеными. Князь же великий Дмитрий отпусти брата своего Владимира дорогою на Брашно, якоже не вместилися все воинство единымъ путемъ, а князи бѣлозерстии — Деревеньскою дорогою³, // (л. 12) самъ же князь великий поиде на Котел дорогою.

А княгиня великая Евдокия и съ снохою своею съ продчими княгинями *изыде*⁴ въ *златоверхий*⁵ свои тѣремъ набѣрежный смо // (л. 12 об.) третити на князя и, пригнувши руцѣ свои къ персемъ, нача молитися Богу, прося помощи на поганыхъ татаръ и дабы два сына великаго князя Дмитрия, Василий и Юрий, не осиротали.

О пришествии великаго князя Дмитрия на Коломну и о устроении полковъ.

Великий князь Дмитрий пришел въ субботу на Коломну, на память Святаго Моисея Мурина, августа числа 28, идеже стретоша его многи воеводы с воинствомъ. Архиерей же Евфимий со освещеннымъ соборомъ и с кресты стретѣ его в башне городовой, и благослови великаго князя и всехъ с нимъ. Во утрие великий князь повѣле всемъ воеводамъ съ войсками в полѣ Девиѣ выехати. И бяше толико велико воинство // (л. 13) на поляхъ Коломенскихъ, яко

¹ В РКП: варвахъ.

² Буква в пропущена.

³ Далее повторяется страница текста: *самъ же мало удержася от слѣзъ, не дая себѣ плакати народа ради, сердцемъ же горко слѣзючи, глаголя ко своей княгине, утѣшая ю: «Жено! Не плачь, аще Богъ по нас, то кто на нас?»* Тако сотвориши цѣлование и вседе на свой браный конь и с нимъ...до на Котел дорогою.

⁴ Слово пропущено.

⁵ В РКП: златоверныхъ.

очима созрѣти всего воинства не мощно бяше. И постави великий князь надъ *полками*¹ воеводъ: себе в полк приял князей бѣлозерских, правую руку собѣ содѣла брата своего князя Владимира, даши ему православныхъ² князей; а лѣву руку бѣ устроилъ князя Хлѣба Бранского; передоваго полку воевода Димитрий Всеволож, коломѣнскаго же полку Микула Василиевич, володимирский воевода Сырьевский³ Тимофей Волуевич, костромской воевода Иван Родионович, переславский воевода Андрей Серкозовский; а у князя Владимира воеводы: Данило Велеушъ, или Бѣлутяк, князь Феодор Елетский, князь Юрий Мещерский, князь Андрей Муромский.

О послании стража от великаго князя Дмитрия, // (13 об.) о скорби Олга Резанскаго и Олгерда Литовскаго, яко поиде князь Дмитрий на брань. Великий князь Дмитрий, устроивши и розредивши воинство, повелѣ перевозитися Оку реку и запрети всемъ крепко, дабы, идуще чрезъ Резанскую землю, ни единому власу⁴ не коснулись. А самъ, взявши благословение от епископа коломѣнскаго, перевеса Оку, оттуду пусти пред собою на двое сторожей: Семѣна Мѣлика и Игнатя Крена, Фому Тину, Петра Юрскаго, Карпа Алексина, Петра Чирикова и иныхъ многихъ вѣдомцовъ. И за ними и самъ спѣшили с братомъ своимъ и со всѣми воины.

Послышавши о семъ Олѣгъ князь Резанский, яко великий князь Дмитрий идетъ съ великими силами противу нечестиваго Мамаю и нача бояться, // (л. 14) помысля послати ко князю литовскому Олгерду, но не возможе, якоже же путь заступиша вои, движесея откуду князю Дмитрию помощь и дерзновение на Мамаю. Извѣстиша ему бояре его, яко чернецъ именемъ Сергий во отѣчествии его суца, прозорливъ сый, вооружи его и дадѣ ему на помощь двоихъ чернцовъ своихъ. Тогда Олегъ раскаяся, яко на великаго воста князя Дмитрия, и рече: «Горѣ мне: погубихъ умъ свой, не разумѣя грѣдушаго времени, Богъ поищетъ вины моей. Великому князю боюся предатися и, к Мамаю приставши, стану гонителемъ на веру православную и на братию, яко Святополка земля пожреть живаго, молитва же прозорливаго Сергия по // (л. 14. об.) можетъ князю. Обаче тако сотворю: кому Богъ поможетъ, тому и общание утвержу».

Олгердъ же, собравши литвы много, варягъ и жмуди, пошолъ на помощь Мамаю. Пришедши же ко Одуеву, егда услышалъ, яко великий князь Дмитрий с великими силами пошелъ на Мамаю, яко Олегъ Резанский убоися, ста и удержася у Одуева, рече: «Престихся чюжаго разума, слышащи: никогда литва бяше учена князми резанскими, а нынѣ князи резанский и мене обѣзумили, и самъ погибѣ здѣ. Нынѣ пребудемъ, дондеже услышимъ побѣду князя московскаго».

О пришествии двухъ братьев Олгердовичевъ на помощь великому князю Дмитрию. В то же время сыны Олгердовы Андрей князь Полский⁵ и Дмитрий князь // (л. 15) Бранский, суще окрещены в православную вѣру чрезъ мачеху свою княгиню Анну послышавши, въ вѣликой печали великий князь Московский ради устремления бѣзбожнаго Мамаю, соболезноваху ему и они о томъ. Старейши же братъ князь Андрей посла къ мѣншему брату своему Дмитрию такую грамоту, в ней же тако бяше написано: «Веси, братѣ, яко отецъ нашъ отрину от себѣ отецъ нашъ Олгердъ, того ради прияхомъ вѣру православную. Но Богъ приялъ насъ, подвизаемся и до смерти за святую веру и поидемъ на помощь великому князю Дмитрию и всему христианскому народу противу поганана царя Мамаю». Прочетши князь Дмитрий от брата своего, умилися и со слѣзи рече в собѣ: «Даждь намъ, Господи, благое и // (л. 15 об.) судное тебѣ хотѣние соверши» и посла къ брату отвѣтъ таковъ: «Готовъ естъ, братѣ, съ тобою ити с вои своими, ихъ же имамъ въ собрании ради дунайскихъ татаръ. И путь намъ предлежитъ, братѣ, удобный на север, к Дону, да и отца своего утаимъся, еже не возбранилъ бы намъ

¹ В РКП: воеводами.

² В Синописе: ярославских.

³ В Синописе: Юрьевский.

⁴ Так в РКП.

⁵ Так в РКП.

намѣрения нашего и благовременно снимѣмся съ тобою и купно поидемъ къ великому князю Дмитрию».

По малехъ же днехъ снидошася желано два, яко и когда Иосифъ съ Вениаминомъ, лобзашася любезно и потщася со всеми своими воинствы ити к великому князю Дмитрию, с ними же совокупися вскорѣ недалече Дону, на мѣстѣ, нарицаемем Березуе.

Великий же князь Дмитрий, видящй нечаему помощь, возрадовася, благодарящи Бога о чюдномъ его промыслѣнии, яко дѣти оставиша отца своего, приидоша ему // (л. 16) на помощь. И примши ихъ честно, многими удовольвори дарами, и рече имъ: «Не мене ради придосте ко мнѣ, но Господь Богъ посла васъ къ намъ помощь христианомъ противъ поганыхъ, яко и когда Авраамъ Лоту, ему же вы истини ревнитѣли есть нынѣ».

По сѣмъ вѣликий князь посла вѣстника преосвященному митрополиту Киприяну, яко князи Олгердовичи оставиша отца своего, приидоша на помощь со многими силами. Митрополитъ же, слышавъ то, прослѣзися и благодарение воздаде Богу, глаголющи: «Господи владыко челоуѣколюбче, благодаримъ ти о толикой твоей милости, яко твоимъ промысломъ и силою сопротивныи наши вѣтры на тихость предлагаются!» И повѣлѣ в церквахъ божественныхъ вездѣ молитвы творити день и ночь от // (л. 16 об.) о вѣликомъ князѣ и о всемъ православномъ воинствѣ, наипаче же во обитѣли Сергиевой Святыя живоначальныя Троицы, чая изрядные в молитвахъ помощи оттуду. Великая же княгиня слышавши то великое милосердие Божие многимъ убогимъ милостыню сотвори и сама хождаше всѣгда¹ въ церковь Божию на молитву.

О прехождении Дону и о взятии языка Мамаева. Великому князю Дмитрию приспевшу на мѣсто, нареченое Бѣрезуи, яко за двадесять поприщъ от Дону месяца сентебря 10 число, на память святаго пророка Захарии, и на память убиения сродника своего² святаго Хлѣба Владимировича, князя российскаго. Се приехаша от стражей его Петръ Горский и Карпъ Алѣксинъ, и приведоша языка нарочитаго от Мамая. Той языкъ поведаша, яко Мамай // (л. 17) на Кузmine гати и не спѣшитъ того ради, яко ожидаетъ Олгерда и Олга, а твоего собраниа не вѣсть и стретѣниа с тобою не чаеть. Князь же великий *спроси*³ его о силѣ Мамаеве, и отвѣщавъ языкъ, рече: «Неможно есть силы его исчести».

Княже великий нача думати съ совѣтники своими, глаголя: «Здѣ ли пребудемъ или Донъ перевезится имамы?» Рекоша ему Олгердовичи: «Аще хочещи, княже, войска крѣпка, вели чрез Донъ реку возитися, то никто не помыслитъ назать. О силѣ же вѣлицѣй Мамаевой не имамъ ужасатися, яко Богъ не в силѣ человеческой, но в правдѣ благовольтъ: Ярославъ бо, перевесъся рѣку, Свѣтополка побѣди, прадѣтъ твой князь великий Александръ Невский, рѣку Неву перешедъ, короля немѣцкаго⁴ побѣди. Также подобаетъ и тѣбѣ // (л. 17 об.) творити, Господа Бога на помощь призывая, и аще умремъ за вѣру святую и достояние Божие, то воздаяние от Бога вѣчное примѣмъ. Сицѣ воинство свое укрепляя и самъ мужайся: витязѣи бо имаша много храбрыхъ».

Князь же великий повѣле воиску своему за Донъ рѣку возитися. И в томъ времѣни начаша вѣстники прибѣгати, извѣщающе, яко уже блиско бѣгають татарове многи. Рускии сыновѣ мужахуся и крепляхуся, радостно ожидающе подвига своего желаемое видѣти. Здѣ же внезапно начаша являтися волки стадами, выоще бѣзпрестано, мнози вороны необычно слѣтѣшася, и галки такоже, и орлы во устья Дону во множестве вѣликомъ прилѣтаху и ту, аки горы, играюще, клицаху, и лисицы с продчими звѣрми собирахуся, кличуще // (л. 18) грознаго дне, Богомъ изволеннаго, на трупы. Тогда старѣйшии вои рускии радовахуся, неприятели блиско слышаще совершеннаго же обѣтования и прекрасныхъ вѣнцовъ от преподобнаго Сергия предреченныхъ, чающе, и юнейшии иныи унываху, видяще смерть предо очима. Ихъ же старейшии укрѣпляху, да всячески дерзають, предлагающе имъ за смерть временную вѣчный живот⁵ и за тлѣнные

¹ Далее слово в скобках: *на молитву*.

² Слово написано над строкой.

³ Слово пропущено.

⁴ В Син.: Свейскаго.

⁵ В РКП: живо.

почести вѣнцы неувядаемы небесныя славы. И тако другъ друга утверждающе и всячески сердце ко брани исправляюще дерзновенно, с помощью Божиею устремляхуся противу нечестивыхъ.

О устроении воинствъ къ брани и о укрѣплѣнии всѣхъ полковъ от великаго князя Дмитрия и о молитвѣ его. Шестого часа на день прибѣже Семѣнъ Меликъ со дружиною своею, по немъ же // (л. 18 об.) гнаша татаровѣ даже до полковъ русскихъ. И увидеша великое воинство князя великаго, до царя возвратишася, повѣдаша царю своему, нечестивому Мамаю, яко рустии князие сполчишася при Дону во многомъ множестве воинствъ. Онъ же, богопротивникъ, разжегѣшися диаволомъ с вѣликою яростию в погибѣль собѣ, крыкнуль гласомъ страшнымъ: «Таковая-то моя сила, аще сими не одолѣю, то како имамъ возвратитися восвоеси?». И повѣле всему своему поганому воинству вооружитися.

Меликъ же, пребѣгши, поведи великому князю, яко «Гусинъ бродъ преидоша уже погани, едину имамы точию ношъ имамы межи собою. Тѣбе же, великому князю, подобаетъ днесь ополчитися, да не ускорятъ заутра татарове». // (л. 19) И абие великий князь Дмитрий з братомъ своимъ и с литовскими князми Олгордовичами нача полки уряжовати. Наипаче от литовския страны воевода Дмитрий Боброкъ, родом волынец, велми своихъ устроиль чино и благообразно. Установленнымъ же бывшимъ воемъ полкомъ по достоянию, елико гдѣ подобаетъ кому стояти.

Выехалъ великий князь с продчими князми на мѣсто высоко и увидѣ все хоругвни воинства христианскаго, яко все полки ихъ стройно во броняхъ и шлѣмахъ от злата ясно свѣтящися, чино разряжени и уставлены и все вои и богатырѣ рускии всячески готовы и охочи на брань, Господу же Богу молятся о побѣде на врага. Сего ради удивися и возрадовася, Богомъ укрѣпляющеся. // (л. 19 об.) Также князи литовския почюдися и глаголаху: подобно твое воинство царя Македонскаго воистину, тако бо велико есть, яко пред нами не бяше. И абие великий князь зъседши с коня, паде на колѣну предо образомъ Христовымъ, написанымъ на хоругве черной большаго полку и нача из глубины сердца молитися, зовый велегласно: «О Владыко Вседержителю, Господи! Виждь смирение наше и призри милосерднымъ окомъ на люди своя, иже твоею десницею сотворени суть и кровию твоею искуплены от работы диявола. Внуши, Господи, гласъ молитвы моя и обрати лице свое на нечестивые варвары и даруй намъ на нихъ побѣду молитвами пречистыя своея матере и всехъ святыхъ, тебѣ благоугодившихъ». По молитве же вседѣ великий князь на коня своего // (л. 20) и нача с продчими князми по полкомъ ездити¹, коемуждо полку самъ своими устами глаголя: «Братиа моа милая, сыновѣ христианстии, от мала и до велика! Днесь ношъ приспѣ, а день грозный приближается в сию борствуйте и мужайтесь, укрѣпляющемъ васъ, Господѣ Иисусе Христвѣ. Пришель бо уже часъ вашего подвига, стансте крѣпко противу неприятеля, иже блиско уже, на Неправѣ рѣцѣ. Господь же силенъ во брани, Господь заступникъ наш, Богъ Ияковль. Уповайте на Бога жива, да миръ вамъ будетъ. Братиа! Возрѣте на древния роды и видите, кто призва его и презрѣ зане щедръ и милостивъ. Господь спасетъ во время скорби, азъ же заутра еще жела с вами видитися. Сие рекше, отпустилъ брата своего князя Владимира въверхъ по Дону въ дубраву землю // (л. 20 об.) яко да на засадѣ² с нимъ утаится полкъ его, въдасть ему и витязси³ много двора своего. И отпустилъ с нимъ извеснаго своего Дмитрия Волынскаго противу живоноснаго праздника Рождества пресвятыя Богородицы. Осѣнь же бѣ тогда, долги дние бяху еще летны и нощи свѣтлы, со воздушною тѣплотою. По отъездѣ великаго князя вси укрѣплешеся во всякомъ единодушии и дерзновении, единъ за другаго умрѣти обѣщахуся и вси единогласно горѣ сердечными очи возводяще, зовяху: «Боже святый, призри на ны и даруй православному князю нашему побѣду, яко великому царю Костянтину покори под нозѣ его врага того Мамаю, якоже и когда крепкому Давиду на Голияда. Научай руцѣ наши на ополчение и персты наша на брань благословенный Боже вовѣки».

¹ В Син.: съ князи и въеводами.

² В РКП: засадѣ.

³ Так в РКП.

О приметахъ Дмитрия Волынскаго. // (л. 21) Пришедь Дмитрий Волынецъ и рече великому князю: «Хошу искусити примѣты своя, точию выйди самъ со мною на полѣ Куликово». И послуша его великий князь. Дмитрий же Волынецъ ста въ нощи посреде обоихъ полковъ, своихъ и татарскихъ, и, обратився¹, услыша отъ страны татарския стукъ великъ, аки торгъ некий собираемъ или городъ зиждущися, *sozadi*² волки воють велми, по правой сторонѣ орловѣ клицаще. И бысть трепеть различныхъ птицъ великъ зѣло, противъ же имъ – брань, аки горы играюще; по рѣцѣ же Направе гуси и лѣбеди крыльми плещуще, необычну грозу подаваху. Рече же Волынецъ князю великому: «Слышите ли, княже, что?» Отвѣща ему: «Слышу, братѣ, гроза есть велика». Рече Волынецъ великому князю: «Обратися на полки своя и слыши: что есть?» // (21 об.) И бысть тихость велика. И рече Волынецъ: «Что слышастѣ?» Князь же отвѣща³: «Ничтоже, точию видехъ много зарѣй огнѣныхъ снимающихся». И рече Волынецъ: «Огни – доброе знамение, призывай Бога неоскудою вѣрою!»

Рече же паки Волынецъ: «Еще ми примѣта есмь, княже». Съѣдши с коня, паде на десное ухо, приникъ к земли и лѣжаше на долги часъ. И воставъ, абие пониче. И рече великий князь: «Что есть, братѣ?» Онъ же не хотяше ему сказати, принужденъ же бысть и сказа ему, глаголя: «Едино есть на пользу, а другое – скорбно. Слышахъ бо, господине княже, землю надвое плачущую: едина страна поганымъ языкомъ плакася горко чадь своихъ, аки вдова, другая же страна, аки некая дѣвица, жалостно плачевный гласъ, аки свирили, и // (л. 22) испущаше. Азь же, великий княже, множество тѣхъ примѣтовъ испытахъ; сего ради надеюся на Бога жива, яко силою его и помощию святыхъ мученикъ Бориса и Хлѣба, сродниковъ вашихъ, будетъ побѣда тебѣ над погаными, но и войску христианскому многое падение будетъ». Слышавъ же то Князь Великий, прослѣзися велми, и рече: «Да будетъ побѣждения Господни!» Волынецъ же рече: «Княже государю! Не подобаетъ в полцѣхъ сего поведати, но токмо Богу молитися и святыхъ его призывати. И рано заутра вели всемъ подвизатися на коня своя и всякому воину крѣстомъ Христовымъ вооружитися: то бо есть непобѣдимое оружие на враги видимыя и невидимыя.

О ЯВЛЕНИИ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКЪ Бориса и Глеба. В ту же нощь, яко примѣта слышашася, некто мужъ именемъ Фома Хлацибѣвъ // (л. 22 об.) ради извѣстнаго своего мужества поставлѣнъ бяше отъ вѣликаго князя на крѣпкой стражи отъ поганыхъ. И откры ему Богъ видѣти видѣние: на высотѣ облакъ изряденъ и се, аки полки нѣкия зело вѣлика, от востока исхождаху от полуденныя страны, приидоша два юноши свѣтлы, имущи въ рукахъ своихъ свѣщи и мѣчи остры. Сии же бяху святыя мученики Борисъ и Хлѣбъ. И рекоща полковникомъ татарскимъ: «Кто вамъ повелѣ отечество наше, от Господа намъ дарованное, потребляти?» И начаша сещи, яко ни единъ отъ нихъ не избысть цѣль.

Во утрие поведатъ онъ, стражъ, нощное видѣние великому князю, а князь великий запрети ему, да некому сего не повѣдаетъ. Самъ же великий князь, въздѣвъ руцѣ на небо и, поднесши очи горѣ, на // (л. 23) нача со слѣзами молитися, глаголя: «Господи челоуѣколюбче! Молитвами святыхъ мученикъ Бориса и Хлѣба помози ми, якоже Моисию на Амалика, яко Давыду на Голияда, яко Ярославу на Свѣтополка, и яко прадѣду моему великому князю Александру на хвалящагося короля немѣцкаго разорити отѣчество его. Помози, Господи, рабомъ твоимъ христианомъ, имя твое святое нарицающимъ на поганыхъ, а укоряющихъ и хулящихъ тя и противящихся непобѣдимѣй силѣ крѣста твоего.

О ИСХОДѢ ОБОИХЪ ВОЙСКЪ НА БРАНЬ, О УСТРОЕНИИ ОТ КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ВМѢСТО СЕБѢ МИХАИЛА, О ПОСЛАНИИ СЕРГИЕВОМЪ, И О ХРАБРОСТИ ПЕРЕСВѢТА ЧЕРНЦА. В день великаго праздника спасения христианскаго Рождества пресвятыя Богородицы, // (л. 23 об.) третьяго часа устоившия, начаша обои воински трубы на брань. Руски наипаче утвержися во гласехъ, а татарские аки онемѣша, сами же еще съ собою не снисдошася, яко мгла бяше. А великий князь Дмитрий на своемъ браномъ коне ездя по полкомъ, укрѣпляше воинство свое, со слѣзами глаголя: «Отци и братия моя! Господа ради подвизайтесь и святыхъ ради церковей и вѣры ради христианския и отѣчества своего! Сия бо

¹ Слово повторено.

² В РКП: созидаше.

³ Далее: князь.

смѣрть не смерть, но животь вѣчный; ничтоже земнаго в собѣ помышляйтѣ, но на предержаший подвигъ взирайтѣ во всякой надежде и дерзновении на поганья тшашеся, яко да побѣдными венцы увяземся от Христа Бога душамъ нашимъ».

Тако утвердивши полки прииде паки под свое черное знамя и // (л. 24) сѣде с коня, совлече собѣ приволоку царскую и во иную облечеса и на инаго коня всядѣ, того же коня дасть под Михаила Андреевича любимаго своего, и ту приволоку царскую на него возложи, повѣле же и знамя свое черное повелѣть рынделю¹ своему над нимъ возити. Под тѣмъ знаменемъ и убиень бысть Михайло за князя своего.

А самъ великий князь ста на мѣстѣ своемъ и, вынявши из недръ своихъ честный крестъ, в немъ же бяше часть животворящаго древа, воздѣвъ с нимъ руцѣ свои на небо и рече со слѣзами: «В тѣбе уже, крестъ святой, конечная моя надѣжда, яко помогъ еси великому Константину побѣдiti враги христианския, тако и намъ помози побѣдiti поганяго Мамаю и всю силу его»

ПОСЛАНИЕ ОТ ИГУМЕНА СЕРГИЯ И БЛАГОСЛОВЕНИЕ. // (л. 24 об.) **Сие ему глаголющу, се принесено писание къ нему от преподобнаго Сергия игумена, въ немъ же писано: «Сицѣ великому князю Дмитрию Ивановичю и всемъ княземъ росийскимъ, и всему православному воинству² миръ и благословение!»** Еще же посланикъ дадѣ великому князю хлѣбъ пресвятыя Богоматере, от игумена присланный. Князь же великий о писании томъ со всеми вои обрадовался и тѣмъ, аки некими твердыми бронями, на брань вооружишася. Посланика же цѣлова любѣзнымъ цѣлованиемъ, **а хлѣбъ святой приемши, воздѣ с нимъ руцѣ свои на небо и велегласно возопи: «О владыко! Имя имя пресвятыя Троицы, пресвятая Госпоже Богородицѣ, помогай намъ на сопротивныхъ молитвами преподобнаго Сергия и спаси насъ!»**

Вседши же на коня³ // (л. 25) своего, взѣмъ палицу свою железную, подвижеса ис полку вонъ, хотя самъ въпереди начати бой от великия ревности своея за вѣру христианскую и за церкви святыя, за землю русскую и за свою великую обиду. Но русские князи и богатыре, удержали, глаголюще: «Не подобаетъ тебѣ, великому князю, самому въпереди битися, но особно стояти и нбитву полковъ смотрети и разсуджати, гдѣ показатися. Егда ты гдѣ падешися, то что и по насъ будетъ, предъ кимъ намъ явитися и мы всѣ готовы есмь головы свои положить за тебѣ, великаго государя, и за отечество свое. Ты же по насъ память творити будеши и в книги Соборныя впишеши в память грядущим родом. Князь же великий прослѣзися и рече: братия моя! Добрыя // (л. 25 об.) речи ваши: но понеже на Земли почтенъ есмь предъ всеми вами честию болшею, сего ради подобаетъ ми прежде васъ за всехъ васъ голову положити, да прежде васъ венец от Христа восприиму. Благая бо приях от Господа, а злыхъ ли не могу стерпети? Мене ради единаго воздвигошася врази, как же могу видѣти васъ побиваемых? Опшую паче подобаетъ ми нынѣ с вами чашу пити, смерть, аще животь.

В томъ же времени начаша передовые полки сходитися с татарами. Первой поведе Димитрий Всеволод и Владимир, братъ его. Правую рукою шоль Микула Васильевичъ с Коломны с устроенными ратми. Поганы же татарове идоша оба полкъ, яко не бяше места имъ гдѣ раступитися. А бѣзбожнй царь Мамай с трема своими князми выехалъ на место // (л. 26) вышее смотрети на кровопролитие человеческое, яко близ с собою войска схождахуся, се выйде татаринъ единъ съ полку татарскаго именемъ Челубей, предъ всеми являся мужественъ, яко древний онъ Голядь. Сего видевъ чернецъ Сергиевъ Пересветъ, абие подвижся ис полку Владимира Всеволожа и рече: «Сей татаринъ ищетъ противнаго себѣ. Азь же хошу с нимъ во имя Господа Саваофа видѣтиса и восприяти венецъ царствия небеснаго!» Бяше же на немъ шлем ангельскаго образа, воображенъ съхимою с крестомъ. И паки рече ко всемъ своимъ: «Отцы и братиа, простите мя грѣшнаго!» И отвѣщаша вси: «Богъ тѣбе проститъ и благословитъ, и поможетъ тебѣ молитва святаго Серия. И напусти на татарина того. Татаринъ же устремися противу ему и вси // (л. 26 об.) христиане кликнуша⁴: «Боже, помози рабу своему!» И ударишася

¹ В РКП: рытелю.

² Написано киноварью.

³ Написано киноварью.

⁴ В РКП: кликуша.

оба витязи, чернец с татаринном крѣпко копиями, едва мѣсто не проломися, и падше оба на землю ту и скончашася.

О горкомъ и пристрашномъ часе, в немъ же множество создания Божия смертную испи на брани чашу. По скончании мучения Пересветова абие удариша по своему коню и вси христианстии вои единогласно кликнуша: «С нами Богъ!» — и паки: «Боже христианский, помози намъ на враги!». Татаровѣ же кликнуша до своихъ боговъ: «Онъ Магметъ!»

И ступившеся от обою страну, и начаша крѣпко битися. Лѣется кровь богатырская подь седлами, котяще шеломы златыи под ноги конския, а за шлемами и главы богатырстия. Татарове же вдвое падають на поли Куликове, коль мѣсто // (л. 27) велико и пространо мижи¹ Дономъ и Мечию, и то мѣсто еще бѣше тесно от толикаго множества воинства. И не точию от оружия падаху, но о самихъ себе разбивахуся и отъ великия тесноты продчи задыхахуся, прочии под конскими ногами умираху, а реки кровавы истекаху. Мечи блещахуся, яко молния, копия сокрушахуся, аки громъ трещаху от третьего часа даже до шестаго бишася сильно от грознаго времени и от грознаго часа. Въ трехъ бо часѣхъ бесчислено множество побито создания Божия. Чась четвертый, пятый биюшеся – не ослабѣвають христиане, ниже татары.

Наставшу же часу шестому начаша Божиимъ попущениемъ грѣхъ ради нашихъ погании одолевати, а христиане изнемогли, уже бо мнози от самовитыхъ побиеени суть, и мнози храбрыи богатыри, рускии юноши, // (л. 27 об.) нарочити, аки древа дубравная, поклонишася на землю, мнози сынове рускии сотрошася копытами коней татарскихъ. И самого великаго князя уязвиша велми², даже нуждою склонившеся с коня, поиде с побоища³, яко не мощно бѣ ему битися. Стязи же, склонившися с коня, поиде с побоища, яко уже не мощно бѣ ему битися, *и укрься в дебри, Божиею силою съхраненъ бысть*⁴. Стязи же великаго князя многажды татарове секоша, но Божиею силою не возмогоша ихъ до конца истребити.

О видении отвершихъ небесъ. Единъ человекъ веренъ от полку князя Владимира, самовидецъ видения, поведя сам, яко 6-го часа над великом княземъ бѣше небо отверсто, из него же изыде облакъ, аки багряна заря ниско держащи. Той же облакъ исполненъ бѣше рукъ человеческихъ: иньи руцѣ оружие *держажу*⁵, иньи венцы, иньи цвѣты мнози прекрасны. Наставшу же часу седмому се мнози вѣнцы от рук оныхъ полка облачнаго отпустишася на полки христианския. // (л. 28) Уже погани отвсуду отступиша, а христианскии полки оскудеша, аки класы пшеничныи подавляемы терниемъ. Благоверный же князь Владимиръ Андреевичъ видевши из дубравы, въ ней же на засадѣ седяше, яко много христианъ побито, а тотарове преспевают, не могий стерпети толикакия бѣды, рече Дмитрию Вольнскому: «Брате Димитрий! Что же ползуетъ наше стояние? И что за успехъ будетъ? Кому имамы пособити, аще до конца наши погибнуть? Дадемъ имъ помощь, аще и сами с ними головы свои положимъ. Отвѣща Вольнский: «Вижу, княже, яко вѣлика есть побѣда, но не пришло наше время. Кто бо не вовремя начинается, себѣ вредъ принимает. Претерпимъ еще мало до времени благополучна: в сей же часъ призывай Бога на помощь, всему единому сильному во брани Господеви молимся. Во осмую бо // (л. 28 об.) годину будетъ благодать Божия и помощь Христианомъ, яко поженут враги своя и постигнутъ я, дондеже скончאותся и не возмогутъ стати. Князь же Владимир воздеваетъ руже на Небо, нача молитися: «Боже отецъ нашихъ, сотворивый небо и землю! Не даждь врагу нашему Дяволу до конца порадоватися, но помилуй насъ по велицей своей милости. Сынове же рускии в полку его плакахуся, видяще друговъ своихъ погибающихъ от татаровъ и непрестанно порывахуся на помощь им, аки званы на бракъ сладкаго вина пити. Вольнецъ же еще възбраняше им глагола: пождите мало, будетъ и ваше время.

О исходе тайнаго из засады полку на брань и о преславной победе над татарами. Приспевшу же часу осьмому, абие духъ южный, или полуденный потягну созади христианскому засаднаго полку воинству. // (л. 29) Тогда Вольнецъ великимъ гласомъ возопи: «Княже

¹ Так в РКП.

² В РКП: вемли.

³ Далее в РКП: знаменья.

⁴ Восстановлено по Синопису.

⁵ Нет в РКП.

Владимире! Час прииде, а время приближися!» И паки рече: «Братия и друзи! Нынѣ держайте, сила Божия помогаетъ намъ!» Богатыре же и все витязи рускии единомыслено выехаша зъ дубравъ, пустишася во имя Господне на татаровъ, аки искусни соколы на журавлевъ, и ударишася крѣпко. Татарове же, увидевше внезапно много полковъ рускихъ и толикое дерзновение ко брани, смятошася, и крыкнуша, глаголюще: «Увы нам! Русь умудрися худшихъ исправиша прежде с нами на бой, а самыи богатыре сокрышася, нынѣ зъ засады идут на насъ». И обратившеся, и начаша уступати, и давшѣ плещи своя, побѣгоша // (л. 29 об.) отъ меча христианскаго, аки лѣсъ на землю кланяхуся, аки трава от косы постилахуся, а бѣжащи погани горцѣ восклицаху: «Бѣда, бѣда тебѣ, Мамаю нечестивый, а с тобою и намъ конечная погибѣль». Христиантти же вои Господа Бога призывающе, нещадно тотаровъ секоша, яко едва кому от руки христианскихъ бѣше возмощи убѣжати, наипаче же яко и самыи нечестивыи от великаго бою стомишася и кони ихъ бѣху уже зѣло истомлены. Тогда Мамай, видѣвъ погибѣль свою, нача призывати суетныи боги своя: Перуна, Савата, Раклиа, Гурка и мнимаго великаго пособника воего Магамета не имея же помощи себѣ от нихъ начаша свою главу уносити. Абие силою Божиею одолѣвъ, побеже съ четырьми князми своими // (л. 30) мнози же рускии воины гнаша по нихъ, но не возмогоша постинуть, яко Мамаевы кони бѣху нѣ истомлены. И тако силою всесилаго Бога и помощию святыхъ мученикъ Бориса и Хлѣба, яко во видении видѣвъше реченый Фома Хлацѣбѣвъ¹ по обою сторону реки Неправы бѣсчисленное множество побитыхъ татаровъ лежаще.

О собрании войскъ христианска под знаменія своя и поискании обретенни великаго князя Дмитрия и о великой радости с побѣды на татарами. Рускии же воинства, побѣдивше татаровъ, возвратишася² кождо под свое знамя. Княже Владимиръ ста под чернымъ знаменемъ и не обрете в полку брата своего, великаго князя Дмитрия, точию литовския князи едины. Повелѣ же в болшую // (л. 30 об.), трубу трубити, да соберутся все. Пождавъ часъ, яко не дождался брата своего, нача с плачем глаголати: «Братия моя мылая³, кто виде или кто слыша своего пастыря – великаго князя?» И непрестано по полкомъ езда, радаше, крычащи: «Нынѣ в поражении и пастыря, то кому сиа часъ будет, и кто побѣды побѣдникъ явится?»

И рекоша ему литовския князи Олгердовичи: «Мы чаемъ, яко живъ есть, но уязвленъ велми, да межи мертвыми трупы обрящется». Иный же некто рече⁴: «Азъ пятого часа видехъ его крепко биющагося с татарами палицею своею». Иный рече: «Азъ видехъ его позднее того биющагося съ четырьма печенегы, иже належаху на него зѣло». Потомъ юноша князь Юрьевский Стефанъ Новосилыльскый рече: «Азъ видехъ его пред самымъ твоимъ, княже, приходомъ пеша идуща // (л. 31) съ побоища велми уязвенаго, но помощи ему не возмогохъ, яко и самъ гонимъ бѣхъ трема татарины и едва отъ спасохся. Княже Володимиръ рече: «Известно всемъ вам буди, братия и друзи, аще кто обрящетъ жива брата моего великаго князя, то поистине перьвы у него будетъ рачитель!» И разсунушася отроцы по побоищу, ищутъ побѣдителя. И разсыпашася вси по велику, силну и грозну побоищу, ищучи побѣдѣ побѣдителя. И наидоша Михаила Бреника, убиенаго въ приволоцѣ великаго князя. Потомъ Феодора Семеновича Белозерскаго, чающе великаго князя, яко приличень бѣше.

И два же воина, Феодоръ Саборъ и Григорій Хлопищев, родомъ оба костромичи, моло⁵ выехали с побоища и наехали великаго князя Дмитрия велми уязвенаго, отдыхающа под сению дерева березового и, съседши с коней, поклонишася ему. И абие // (л. 31 об.) Сабор паки къ войску побѣже и возвести князю Владимиру⁶: «Князь великий Дмитрий Ивановичъ живъ и царствуеть!» Сия же вси князи и воеводы, слышавши, возвеселишася и скоро побѣгоша к нему и, прибѣгши, подоша ногу его, глаголюще: «Радуйся, княже нашъ, радуйся, древни Ярославе, радуйся, новый Александре, радуйся, светило земли Руской, радуйся, утѣхо наша, радуйся, побѣдителю враговъ!» Князь же великий едва проглагола: «Скажите, братия, что дѣется?». И

¹ Так в РКП.

² Так в РКП.

³ Так в РКП.

⁴ Далее: некто.

⁵ Так в РКП.

⁶ Князю Владимиру повторено.

отвеща князь Владимиръ: «По милости Божией, государь, и пречисты Божия Матере, и сугубыми молитвами сродникъ нашихъ и святыхъ мученикъ Бориса и Хлѣба заступлениемъ же росийскаго свѣтителя Петра и продчихъ чудотворцовъ и пособиемъ вооружителя нашего преподобнаго // (л. 32) Сергия игумена, и всехъ святыхъ ходатайствомъ побѣждены суть враги наши и мы спасохомся».

Тогда князь великий радости исполнишася: «Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оны!» И паки рече: «Велий еси, Господи, и чудна суть дела твоя: вечеръ водворится плач, а заутра – радость! Хвалю тя, Господи Боже, и почитаю имя твое святое, его же ради не предашь еси врагомъ нашимъ и не попустишь еси похвалитися над нами иному языку! Сего ради уповаю на тя вовеки!»

О поезде великаго князя Дмитрия межи трупами. Приведоша же коня великому князю и выехали на побоище, и видевъ множество мертвыхъ любимыхъ своихъ витязей, нача горко плакати. По семь узрѣ татаровъ четверицею в трупѣ падшихъ, // (л. 32 об.) мало утѣшился. И, обращая¹, рече къ Вольтцу: «Воистину неложна есть примѣта твоя, достойно есть всегда быти воеводою».

И нача князь великий со всеми князми и воеводами ездити по всему побоищу, сердцемъ же клицаше, слезами умываяся. И наехавъ место, на немъ же лежаше князи бѣлозерстии, вкупѣ побииени, иже толма бишася крѣпко, яко единъ другаго ради умре. Гдѣ же блиско лѣжаше и Микула Васильевичъ, над ними же ставъ великий князь и нача плакати и глаголати: «Братия милая, князи и сынове рускии, положивши за веру святую главы свои! Аще иматѣ дерзновение у Бога, молитесь за ны».

Шедше на иное мѣсто и се обретѣ наперстника своего Михаила Андреевича Бреника, и блиско его лежаща Семена Мелика и Тимофея Волуевича убиенныхъ. И ставъ над ними, великий князь вос // (л. 33) плакася: «Братия моя возлюбленная, кто тако можетъ за государя умрети, яко любимецъ мой Брѣникъ в моемъ наряде вместо меня выехавши до смерти есть убиенъ». И паки рече: «О бодрый нашъ стражу Мелику! Твоею стражею мы многожды спасохомся, ты же здравия нашего стрегущи за насъ и главу положилъ еси». Преиде на ино мѣсто и се лежаше храбрый витязь Пересветъ чернецъ и блиско его татаринъ Голиядь, от Пересвета побѣженный, восплакася и тамъ великий князь. Обращая, глагола ко своимъ: «Смотрите, братия, поминальника² своего Пересвета, сей бо побѣди подобна себѣ богатыря татарина, от негоже многимъ было пити горную чашу».

И паки ста на мѣсте своемъ, повелѣ трубити въ трубу събирательную на собрание всехъ воевъ. Добрии же друзи и храбры витязи // (л. 33 об.) со всѣхъ странъ на трубный гласъ идяху в собрании, весело ликоствующе и песни воспевающе: ово крѣсныя, ово богородичныя, мученичныя и продчия боголепныя благодарения о толикой преславной побѣдѣ.

Собравшу же ся ста посередѣ великий же князь, нача³ съ радостию и с плачемъ глаголати: «Братия моя возлюбленная, князи руския, бояре местныя, воеводы сильныя, вси сынове земли Руския! Вамъ подобааетъ такожде и впредь служити, а мнѣ от службы вашей тѣшитися и по достоянию хвалити васъ. Внегда упасетъ мене Богъ, буду на своемъ столѣ, на великомъ княжении Московскомъ, имамъ васъ дарити изобилно. Нынѣ же сия управимъ: каждо похоронимъ ближнаго своего, да не будетъ зверемъ и птицамъ в снѣтъ тѣлеса христианския».

И стояще великий князь за Дономъ восемь дней, доколѣ // (л. 34) разобраша тѣлеса христианская, сколько успѣша, а нечестивыи осташася звѣремъ и птицамъ на расхищение.

О рассмотрении полковъ и считании убиенныхъ. По семь великий князь Дмитрий рече: «Считайтесь, братие, колико князей нетъ и воеводъ, и колико нетъ молодыхъ?» Отвѣща Михаилъ Александровичъ, бояринъ московский: «Нѣтъ, государю, у насъ четыредесять бояриновъ московскихъ, а два на десять князей бѣлозѣрскихъ, да тридесять посадниковъ новгородскихъ, да двадесять бояриновъ коломенскихъ, да четыредесять бояриновъ серопходскихъ, да двадесять бояриновъ переславскихъ, да двадцать пять бояриновъ

¹ Так в РКП.

² Так в РКП.

³ Далее в тексте: 9.

владимерскихъ, да восемь бояриновъ суждалскихъ, да четыредесять бояриновъ муромскихъ, да двадцать три бояриновъ // (л. 34 об.) дмитревскихъ, да шездесять бояриновъ можайскихъ, да тридесять бояриновъ звенигорскихъ, да пять на десять бояриновъ углескихъ, да семьдесятъ бояриновъ тверскихъ, да тридесять начальниковъ литовскихъ. А всѣхъ полковъ всей дружины воинской, положившихъ главы свои за честь Божию и достоинство государское двѣстѣ пятьдесятъ и три тысячи. Тогда великий князь Дмитрий изъ глубины сердца воздохну и обращя ко гробомъ убиенныхъ росийскихъ воевъ с великимъ умилениемъ и слѣзами рече: «Братия моя вселюбѣзнейшая, князи и бояре, и воеводы, и всѣ витязи, и все старый и молодой, сынове рускии! Вамъ, братия, Богомъ сужено место сие мѣжи Дономъ и Мѣчию реками на полѣ Куликове, на рецѣ Неправдѣ¹, гдѣ положили свои бога // (л. 35) тырския свои головы за веру христианскую и за землю Рускую! Вамъ да будетъ вечная память с получениемъ почести вѣнцовъ небесныхъ за доблія подвиги ваши и за *меня*, грѣшнаго, со всеми оставльшими со мною. Братия моя и сродники и други вашими, простите и благословитѣ в семь вѣце и въ будущемъ! Се бо здѣ васъ оставляю, отхожду к Москве. О горкое ваше разлучение с вами в сей временной жизни, желаю же усердно случитися въ жизни вечной: по времени, Богомъ назнаменовъ мне², идеже есть всѣхъ веселящихся обиталище».

О возвращении великаго князя Дмитрия с торжественною побѣдою къ Москве. Давши великий князь Дмитрий послѣднее целование тѣлесамъ побиенаго воинства христианскаго на полѣ Куликове, рече ко всѣмъ своимъ князѣмъ, бояромъ и воеводам // (л. 35 об.) и всему воинству: «Братия моя милая! Уже есмь по милости Божии снабдѣ имя себѣ славное и нынѣ же часъ намъ возвратитися во свою землю, врѣмя бо пѣнию и молитве часъ, праздникъ всемирному Воздвижению, почнемъ чрез Дон возитися. И тако превезшися Донъ, пойдѣ великий князь³ со всеми къ Москвѣ на столъ свой. И егда приближися къ Москвѣ во время праздника Покрова пресвятыя Богородицы. Се пресвященный митрополитъ Киприянъ со всемъ освященнымъ соборомъ срете великаго князя во Андроновомъ монастырѣ с честными кресты и святыми иконами и огради его крестомъ и рече: «Радуйся, княже нашъ великий Дмитрий Ивановичъ, преславный побѣдителю!» И окропи его святою водою. И ту великий князь восхотѣ въ монастыри // (л. 36) литоргии слушати. И внидѣ в цѣрковь, нача молитися со слѣзами, взирая на нерукотворены образа Христа Спасителя. И глаголя: «Владыко Господи Боже мой! Благодарение тебѣ воздаю, яко не презрель еси рабъ своихъ врагомъ нашимъ в покорѣние и не попустиль еси порадоватися имъ о насъ. Не забуди нищихъ своихъ до конца». По церковномъ же правилѣ идѣ князь великий з братомъ своимъ и с литовскими князми и со всеми своими доброхоты в торжественую побѣду на Москву. Митрополит же повелѣ в походѣ пѣти стихи богородичны и мученически. И княгиня же великая Евдокия со двема сынами и со многими нарочитыми женами стретѣ государя своего во Флоровскихъ вратехъ съ плачемъ и радостию. Князь же великий видѣвъ свою княгину и двѣ свои отрасли, князя Василия и князя Юрия, // (л. 36 об.) возрадовася, но поиде въ цѣрковь небѣснаго воеводы архистратига Михаила и поклонися святому образу его: заступникъ нашъ еси вовѣки. По семь идѣ ко гробу сродникъ своихъ и рече со слѣзами: «Вы естѣ пособницы наши, вашими молитвами спасохомся от супостатъ нашихъ». Изъшедше же ис тоя церкви и поиде паки в церковь пресвятыя Богоматѣре и ставъ предѣ чудотворною ея Лукою, святымъ евангелистомъ написаною иконою, възрѣвъ на ню и абие падше ниць, нача благодарение воздавати, глаголя: «Госпоже царицѣ! Ты еси христианская заступница, тобою избавшеся от злыхъ, благодарствена восписуемъ ти⁴ раби твои, Богородицѣ. Посемъ идее ко гробу преблагенаго Петра мирополита и прордохъ чудотворцовъ и поклонися имъ, // (л. 37) глаголя: «Вашими молитвами добре подвизахомся и побѣду восприяхомъ надъ супостаты нашими». Посемъ изыде ис церкви, поидѣ во свое мѣсто въ набѣрежныи сѣни и сѣде на престолѣ своемъ, радуеся и торжествуея о Господѣ.

¹ Так в РКП.

² В РКП: временно на знамена моими же.

³ Далее: на престоль.

⁴ Далее: ти

О походе великаго князя Дмитрия ко обители святыя живоначальния Троицы. Пребывши великий князь Дмитрий¹ на Москве 4 дни, поиде ко свягѣй живоначальной Троицы къ преподобному отцу Сергию з братом своимъ и с литовскими князми. Преподобный же отецъ Сергий сретѣ его со кресты близъ монастыря и знамѣновавъ его крестомъ, рече: «Радуйся, княже великий, и веселися твое христоролюбивое воинство». И вопроси его преподобный о своихъ изволникахъ. И рече ему великий князь: «Тѣми, свягѣй отче, пресвятыми // (л. 37 об.) твоими молитвами побѣдихъ своя враги: твой бо изрядный вооружитель, рекомый Пересвѣтъ, побѣдилъ подобна себѣ богатыря от варварския страны. Аще бы, отче свягѣй, не твой крепкий вооружитель Пересвѣтъ было бы многимъ христіяномъ от того побѣжденно имѣ татарина горкую пити чашу». Потомъ великий князь помолися во обители святой и слушававъ божествѣную литургию и вкуси хлѣба от трапезы от трапезы тоя святыя обители. По прошению преподобнаго отца Сергия, воздавъ же благодарения, поидѣ на Москву. И ту литовския князи начаша проситися восвоися. Князь великий нача ихъ чтити и дарми утоляти, глаголя: «Пребудите здѣ, дамъ вамъ лише вашей отчины». И не возможе уняти ихъ и самъ проводи ихъ з братомъ своимъ до Можайска. Во растояннїя² же с ними рече имъ со слезами: «Братия // (л. 38) моя милая и пособники наши! Господь да сохранитъ восхождение ваше отнынѣ и до вѣка». И отпусти ихъ и самъ возвратися во свою отчину, во градъ Москву, и сѣде на своемъ княженнїи во всякомъ благополучии. Услышавши о сѣмъ Олгердѣ Литовский, яко великий князь Дмитрий побѣди Мамаю, и возвратися с великимъ своимъ студомъ воспяты, а Олегъ Рѣзанскій такожде впадши в скорбь великую, по некоемъ времени живота своего лишися.

О погибели Мамаевой. Побѣждену сушу воинству татарскому в конѣцъ егоже бяше на два на десять сотъ тысящъ. Самъ поганый царь Мамай съ четырьми князми своими в маломъ числѣ побѣгши с побоища, забѣже от великаго страха даже до города, лежащаго надъ моремъ – Кафы, идѣже имя свое утаиль, но вскорѣ познанъ, убиень // (л. 38 об.) бысть от фрагъ, яко злыи злѣ поби, бѣ оставльши по собѣ вѣчный студъ и поношение наслѣдникомъ своимъ поганымъ бѣсѣсурмономъ. Народу же въ вѣчныя роды торжествѣную побѣду надъ собою и надъ своими погаными воинствы, дарованую от вседержителя Бога Господемъ нашимъ Исусомъ Христомъ. Потомъ князи литовскій Олгердъ тотаровъ побѣдивши вся пояль до Киева от древнихъ лѣтъ. Прислушающия от поганския лютости очисти и постави на Подолу Корятовичевъ Александра, Константинкина, Феодора и Юрия и веле имъ³ приличная страны руския с подолиемъ и под область⁴ подаде.

¹ В РКП: Дмиртий.

² Так в РКП.

³ Так в РКП.

⁴ Так в РКП.

Памяти Анатолия Константиновича Микушева
(05.11.1926 – 11.01.1993)

In memory of Anatoly Konstantinovich Mikushev
(05.11.1926 – 11.01.1993)

5 ноября 2021 года исполняется 95 лет со дня рождения Анатолия Константиновича Микушева – одного из самых ярких представителей финно-угорской науки XX века, выдающегося исследователя коми фольклора и литературы, талантливого педагога, общественного деятеля. В статье дается краткий обзор этапов его научной деятельности, особое внимание уделяется его литературоведческим трудам.

Ключевые слова: *Микушев Анатолий Константинович, история коми литературоведения, фольклористика, ученые Сыктывкарского государственного университета.*

November 5, 2021 marks the 95th anniversary of the birth of Anatoly Konstantinovich Mikushev – one of the most prominent representatives of Finno-Ugric science of the twentieth century, an outstanding researcher of Komi folklore and literature, a talented teacher, and a public figure. The article gives a brief overview of the stages of his scientific activity, with special attention paid to his literary works.

Keywords: *Anatoly Konstantinovich Mikushev, History of Komi literary studies, folklore studies, scientists of Syktuykar State University.*

Немного можно назвать людей, чье имя так же хорошо известно и авторитетно в финно-угорском научном мире, как имя Анатолия Константиновича Микушева. Выдающийся ученый-учитель, он посвятил свою жизнь коми филологии, которую считал не только научной дисциплиной, но особой областью творческой деятельности, более других связанную с просвещением и развитием национального самосознания родного коми народа.

А. К. Микушев родился 5 ноября 1926 г. в Сыктывкаре в семье священнослужителя. После окончания средней школы поступил на историко-филологический факультет Коми государственного педагогического института, который закончил в 1947 г. Работал учителем русского языка и литературы, директором школы в селе Ыб Сыктывдинского района. В 1950 г. поступил в аспирантуру Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом) и по ее окончании в 1953 г. защитил диссертацию на тему «Песенное творчество народа коми в советскую эпоху» (в 1956 г. работа вышла в печати монографическим изданием [Микушев, 1956]). Дальнейшая деятельность Микушева-ученого была связана с Коми филиалом Академии наук СССР (ныне Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук): здесь он прошел путь от младшего научного сотрудника до заведующего сектором литературы и фольклора. В 1970 г. Микушев защитил докторскую диссертацию «Генезис и эволюция коми песенного фольклора», а два года спустя перешел на работу в Сыктывкарский государственный университет, где более двадцати лет, вплоть до своей кончины, возглавлял созданную им кафедру коми языка и литературы. Делом своей жизни А. К. Микушев считал воспитание учительских и научных кадров. На протяжении многих лет руководил научной работой студентов и аспирантов, вырастил целую плеяду талантливых и видных исследователей

коми фольклора и литературы, таких как В. В. Филиппова, Н. С. Коровина, Т. Л. Кузнецова, О. И. Уляшев, П. Ф. Лимеров, О. В. Ведерникова и др.

Важной и неотъемлемой частью своей исследовательской деятельности А. К. Микушев считал собирание памятников коми фольклора. В 1950–1970-е гг. он был организатором и участником научных экспедиций на территории Коми республики, в Большеземельской и Канинской тундрах Архангельской области, районах Кольского полуострова, Ямала, Нижней Оби. Результатом собирательской работы, проделанной вместе с коллегами П. И. Чисталевым и Ю. Г. Рочевым, стал трехтомный свод коми народных песен (1966, 1968, 1971), высоко оцененный общественностью и удостоенный Государственной премии Коми АССР им. В. А. Савина. Большой заслугой А. К. Микушева является открытие им коми эпической традиции, выявление видов и исторических корней эпических форм коми фольклора: эпических песен, баллад, преданий. Вопросы о существовании, характере бытования, специфических чертах этноэпической традиции решаются им в целом ряде статей и вышедшей в издательстве «Наука» монографии «Эпические формы коми фольклора» (1973). Итоговыми трудами Микушева-фольклориста явились собрания образцов коми-зырянского и ижмо-колвинского эпоса: вышедшая очередным томом серии «Эпос народов СССР» книга «Коми народный эпос» (М., 1987) и сборник «Коми эпическая поэзия» в большой серии «Библиотека поэта» (Л., 1991).

Свою задачу исследователя-филолога ученый видел и в том, чтобы пропагандировать коми науку и ее предмет в массах, и никак не мог обойти самую активную в просветительском плане область – литературу. Не случайно среди первых литературно-критических работ Микушева присутствует библиотечный жанр «Памятка читателю», адресованный более широким, чем профессиональные филологи, кругам. В небольших книжках названной серии, выпускавшихся Коми республиканской библиотекой, он рассказывает о зачинателях национальной литературы И. А. Куратове и В. А. Савине, стремится обозначить актуальные для современника темы их творчества, объяснить, какую роль сыграли поэты в развитии коми художественной культуры [Виктор Алексеевич Савин, 1958; Иван Алексеевич Куратов, 1956]. Главным свойством произведений И. Куратова и В. Савина он считает народность, понимаемую им как выражение идеалов трудовой части народа и как меру подлинной художественности. Молодой критик предлагает обратить внимание на особую популярность Куратова и Савина в народе и объясняет этот факт тем, что их произведения созданы как будто специально «по просьбе» трудового человека и близки последнему не только идеями, но и метким, образным языком. Микушев проводит прямую связь между народностью и литературными новациями. Так, по его мнению, «Песни и прибаутки для игры в хороводах» И. А. Куратова являются первыми образцами новых частушечных произведений в коми поэзии, а известный герой В. А. Савина Григорий Сигеров – первым сравнительно развернутым реалистическим и народным характером в коми литературе.

В дальнейшем А. К. Микушев прибегал к анализу самых разных литературных явлений, его внимание привлекали приемы социальной сатиры в лирике И. Куратова, проникнутые сочувствием к «маленькому человеку» дореволюционные повести и рассказы М. Лебедева, рождение прозы на коми языке, драматургический талант В. Савина и многие другие вопросы литературной истории. Занятый академическими исследованиями и преподаванием, он активно участвовал в литературно-общественной жизни республики, находил время на рецензии и отклики о литературных новинках, направлял, советовал, критиковал, был в гуще литературных событий. Только о текущем литературном процессе в Коми список его газетных и журнальных публикаций насчитывает более ста пятидесяти статей, заметок, обзоров. Особое внимание Анатолия

Константиновича привлекала бурно развивающаяся с конца 1950-х гг. коми проза. В период 1960–70 гг. круг коми литераторов-прозаиков был многочислен, как никогда раньше: остаются на литературном посту писатели старшего поколения Я. Рочев и Г. Федоров, укрепляются позиции молодых и обладающих яркой индивидуальностью авторов – И. Торопова и Г. Юшкова, в жанрах рассказа и повести активно выступают малоопытные, начинающие прозаики Е. Рочев, М. Шурганов, В. Куратов, И. Туркин, М. Игнатов, В. Ганов и др. В журналах «Войвыв кодзув» и «Север» Микушев публикует развернутые критические обзоры коми прозы, и ни одно из писательских имен не остается незамеченным. В статьях «Томъяслён висьтъяссын миян кадея герой» (Герой нашего времени в рассказах молодых писателей, 1959) [Микушев, 1959], «Быдман туй вылын» (На пути развития, 1963) [Микушев, 1963], «Сизимдасёд воясса проза» (Проза 1970-х годов, 1974) [Микушев, 1974], «Грани образа. Грани конфликта» (1978) [Микушев, 1959], «От рассказа к роману» (1983) [Микушев, 1961] обстоятельно, с расчетом на внимание самих писателей, рассматриваются вопросы мастерства в раскрытии образа современника, анализируются удачи и промахи в выборе и изображении жизненных ситуаций, способных открыть читателю советского человека. По мнению критика, начинающие писатели часто остаются во власти умозрительной задачи: они стараются наделить героя положительными чертами советского гражданина, но упрощают путь раскрытия характера, помещают героя в искусственные, малозначащие в самой жизни и потому неубедительные ситуации. Микушев настаивает на том, что в герое-современнике, который защищает или строит прекрасное будущее страны, обязательно должна быть и перекличка с прошлым, с непреходящими ценностями народной жизни. Называется и литературный ориентир – Конё Семё, герой одноименного рассказа Г. Юшкова.

Годы спустя размышления А. К. Микушева о путях, которые прошла коми литература от своих фольклорных истоков до возмужания, более всего заметного, как он полагает, в романе Г. Юшкова «Чугра», повестях и рассказах И. Торопова о Федоре Мелехине, оформились в книги «Парма весьтын сьыланкыв» (Песня над пармой, 1984) и «На таежных просторах» (1986). Благодаря внимательному отбору фактов, имен, дат творчество разных писателей выглядит в них не изолированно, а в живой связи с культурной и политической обстановкой своего времени. Написанные доступным для рядового читателя языком, разделы книг знакомят с целыми эпохами, не всегда легким и стремительным, но всегда поступательным движением коми художественной словесности вперед.

Существенный вклад А. К. Микушев внес в изучение литературно-фольклорных связей. Сегодня кажется очевидной мысль о постоянном взаимодействии литературного и фольклорного сознания, когда речь идет о специфике коми литературы. Но в 1950-е гг., когда Микушев обратился к этой проблеме, в советской филологической науке преобладал утилитарный взгляд на фольклор как на особую идейно-эстетическую область, которая предшествует литературе и служит выражением чаяний народных масс. Эта доктрина не могла не сказаться на исследовательском методе ученого, но вопрос о фольклоризме коми литературы уже в то время был поставлен им гораздо шире. Вначале пунктирно, а затем в первой литературоведческой монографии «Коми литература и народная поэзия» (1961) он проводит мысль о постоянных, неослабевающих контактах литературы и фольклора и фактически о бытовании коми художественного слова как органичного единства этих двух систем. Опираясь на конкретный литературный материал, Микушев исследует пути освоения фольклорных источников коми писателями разных поколений, но при этом отмечает, что свести вопросы фольклоризма литературы к выяснению заимствованных из фольклора форм и жанров недостаточно, тем более что среди этих форм есть и «побрякушечные манерничания под народный слог». «Дело не в материале, но в подходе

к нему, в освещении его», – утверждает он [Микушев, 1961, с. 8]. В дальнейшем, по мере исследования коми литературы, Микушев будет не раз возвращаться к проблеме ее фольклоризма и с честностью человека науки корректировать целый ряд своих выводов. В обширной статье «О специфике формирования коми литературной традиции» (вышла в издании Удмуртского университета в год смерти ученого) [Микушев, 1993] он признается, что соприкосновения литературы с фольклором имеют гораздо более сложный характер, чем казалось ему на заре его научной деятельности. Окажется пересмотренной и идея истоков коми литературы: наряду с фольклорным опытом в качестве таковых ученым будут названы переводы религиозно-просветительской литературы, сформировавшиеся в ее недрах язык и образность, а также расцвет общественно-философской мысли в среде местной интеллигенции, пришедший на вторую половину XIX – начало XX в. Еще один принципиальный вывод, который будет сделан Микушевым в вышеназванной статье, состоит в том, что фольклоризм не является безусловной гарантией самобытности и народности искусства.

Значительна заслуга А. К. Микушева в становлении представлений о том, как начиналась коми литература. В целом ряде его работ настойчиво проводится мысль: первый коми поэт И. А. Куратов появился благодаря непрерывно возраставшему интересу общества к традициям, языку, фольклору коми и не был художником-одиночкой. Вместе с выявлением культурного контекста куратовского феномена шло продвижение ученого вглубь текстов поэта. Своим долгом Анатолий Константинович также считал восстановление возможно полной картины жизни Куратова и судьбы его рукописного наследия. Поездки в архивы Казахской и Узбекской союзных республик, Финляндию с целью выяснить новые факты из жизни поэта, статьи, доклады, чтение спецкурсов о Куратове в университете – такова многолетняя куратоведческая деятельность аспиранта, научного сотрудника, а затем профессора Сыктывкарского государственного университета А. К. Микушева.

А. К. Микушев – один из тех людей, благодаря которым было восстановлено доброе имя коми писателя и философа К. Ф. Жакова. По признанию самого Анатолия Константиновича, его прозрение по отношению к «идеологически вредному» наследию Жакова началось после поездки в 1968 г. в Латвию, место последнего пристанища писателя. Микушев был ошеломлен почти мистическим культом своего земляка в далеком Цессисе. Но в этот период запрета на самое имя К. Жакова в советской стране Микушев смог напечатать о своей поездке лишь небольшую заметку в газете «Югд туй» [Микушев, 1968]. Отдельные сведения о Жакове Микушеву удалось включить в свои историко-литературные работы, в очерк «Тропа, которой шли к магистрали. О первых шагах коми литературы» (1988) [Микушев, 1988]. С 1990 г. жаковская тема в литературоведческом поиске Микушева становится ведущей. С оценкой личности и творческого наследия Жакова ученый выступает в сборнике «Дооктябрьские истоки межлитературной общности Урало-Поволжья» (Ижевск, 1991) [Микушев, 1991], готовит к изданию программные сочинения знаменитого земляка, вышедшие, к сожалению, уже после смерти составителя: «Биармия» (1993), «Сквозь строй жизни» (1996).

Список опубликованных трудов профессора А. К. Микушева включает 459 названий и свидетельствует о впечатляюще широком диапазоне его интересов, о высокой интенсивности его исследовательской и педагогической деятельности. Кроме работ научных и литературно-критических, в этом списке есть издания, адресованные школьникам и студентам: почти два десятилетия коми литература в старших классах национальной школы преподавалась по его учебникам, созданные им учебные пособия к дисциплине «Коми устное народное творчество» остаются в действии и сегодня. Его

организаторский талант, авторитет в научных и литературных кругах позволил ему возглавить оргкомитет «Куратовских чтений» и выпуск одноименного периодического издания, выступить инициатором и редактором трехтомной «Истории коми литературы» (1979–1981). С 1959 г. А. К. Микушев состоял в Союзе писателей Коми АССР, в разное время был членом его правления, а также членом бюро Совета по критике и литературоведению Союза писателей РСФСР, членом Советского комитета финно-угроведов, членом Советско-финской комиссии по научно-техническому сотрудничеству в области литературы и фольклора. Работал в составе Специализированного совета по присуждению ученой степени кандидата филологических наук при Мордовском государственном университете, был почетным членом Венгерского этнографического общества, иностранным членом Финского литературного общества. За заслуги в области развития науки и образования А. К. Микушеву присуждены звания заслуженного деятеля науки Коми АССР (1976), заслуженного деятеля науки РСФСР (1982).

В 2000 г. имя профессора А. К. Микушева увековечено в названии одной из улиц Сыктывкара, в 2016 г. на здании Сыктывкарского государственного университета установлена мемориальная доска.

Список литературы

1. Виктор Алексеевич Савин. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. 24 с.
2. Иван Алексеевич Куратов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1956. 36 с.
3. Микушев А. К. Быдман туй вылын // Войвыв кодзув. 1963. № 4. С. 58–61.
4. Микушев А. К. Грани образа. Грани конфликта // Север. 1978. № 11. С. 112–117.
5. Микушев А. К. Дружба йылысь висът // Югд туй. 1968. 6 авг.
6. Микушев А. К. Каллистрат Жаков – российский писатель, этнограф, фольклорист // Дооктябрьские истоки межлитературной общности Урало-Поволжья : сборник статей / сост. и отв. ред. В. М. Ванюшев. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 1991. С. 180–200.
7. Микушев А. К. Коми литература и народная поэзия. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 128 с.
8. Микушев А. К. О специфике формирования коми литературной традиции // Вестник Удмуртского университета. 1993. № 6. С. 53–64.
9. Микушев А. К. От рассказа к роману // Север. 1983. № 6. С. 113–120.
10. Микушев А. К. Песенное творчество народа коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1956. 124 с.
11. Микушев А. К. Сизимдасд воясья проза // Войвыв кодзув. 1974. № 1. С. 48–55.
12. Микушев А. К. Томъяслон висътъясын мян кадся герой // Войвыв кодзув. 1959. № 12. С. 57–61.
13. Микушев А. К. Тропа, которой шли к магистрали. О первых шагах коми литературы // Там, где течет Печора. М.: Современник, 1988. С. 219–224.

Исидор Севильский

«Этимологии, или Начала»

Книга IX. 1-2

The Etymologies of Isidore of Seville. Book IX. 1-2

Важнейшим энциклопедическим сочинением раннего Средневековья является сочинение Исидора Севильского (ок. 560–636 гг.) «Этимологии», ставшее фундаментом для ряда последующих средневековых энциклопедий. Труд имел большое значение для школьного образования эпохи Средневековья. Исидор Севильский опирался на огромный пласт римской грамматической и антикварной традиции, сохранив многие важные сведения из нее для нас. В настоящем выпуске «Вестника» впервые публикуется перевод первой и второй глав книги IX «Этимологий», посвященных терминам, связанным с происхождением языков и народов.

Ключевые слова: Исидор Севильский, раннесредневековые энциклопедисты, «Этимологии», римские грамматики и антиквары.

The major encyclopaedic composition of the early Middle Ages is «The Etymologies» of Isidore of Seville (560–636), the base for many of the subsequent medieval encyclopedias. Work had great value for school education of an epoch of the Middle Ages. Isidore of Seville used a significant layer of the Roman grammatic and antiquarian tradition, having kept many its important details for us. In this issue for the first time is published translation of some chapters (1-2) from book IX, devoted to terms, connected with an origin of languages and people.

Keywords: Isidore of Seville, “Etymologies”, Roman grammarians and antiquarians, Middle Ages’ encyclopaedic tradition.

Глава 1. О языках народов

Разнообразие языков возникло во время возведения [Вавилонской] башни после потопа, ибо до того как башни сей высокомерие не разделило род человеческий на множество различно звучащих наречий, у всех народов был лишь один язык, который зовется еврейским; патриархи и пророки пользовались им не только в речах своих, но также, конечно, и в священных писаниях. Первоначально¹ было столько народов, сколько и языков, впоследствии народов стало больше, чем языков; потому как от одного языка зародились многие народы. (2) Слово «языки» (linguae) возникло оттого, что слова произносятся с помощью языка (lingua); фигурально выражаясь, то, что нечто порождает, именуется по тому, что им сотворяется; так «уста» (os) используются обычно в значении «слово», а «рука» (manus) – в значении «письмо».

(3) Священных языков – три: еврейский, греческий, латинский; во всем мире возвышаются они над прочими языками. На этих трех языках Пилатом был начертан

¹ Вероятно, сразу по возведении Вавилонской башни. См. выше.

приговор его на кресте Господнем¹. По этой причине, а также из-за неясных мест в Священных писаниях, необходимо знание всех этих трех языков, чтобы в случае какого сомнения в слове или интерпретации текста, написанного на одном языке, можно было бы обратиться к другому. (4) Греческий язык более известен меж иных народов; он более звонкий, чем латинский, да и все другие языки. Делится он на пять видов. Первый из них зовется κοινῆ, то есть «смешанный», либо «общий», им пользуются все. (5) Второй – аттический, афинский, разумеется, им пользовались все греческие авторы. Третий – дорический, его используют египтяне и сирийцы. Четвертый – ионический, пятый – эолийский, *на нем, говорят, разговаривали Αἰολιστῆ (эолийцы)*. При анализе греческого языка становятся очевидными различия, которые присущи указанным его видам, потому как диалектные формы его связаны с греками, живущими в разных местах.

(6) Некоторые полагали, что существуют четыре латинских языка, то есть древний, латинский, римский и смешанный. Древний (prisca) – это тот грубый [язык], что сохранился в песнях салиев, им пользовались древнейшие жители Италии во времена Януса и Сатурна. Латинский (Latina) – это тот, на котором говорили в Лации этруски и иные [народы] во времена Латина и при царях, на нем были написаны законы Двенадцати Таблиц. (7) Римский (Romana) – это тот, которым стал пользоваться римский народ после свержения царей; на этом языке творили поэты Невий, Плавт, Энний, Вергилий, а из ораторов – Гракх, Катон, Цицерон и другие. Смешанный (mixta) – это тот, который появился в римском государстве после значительного расширения империи, вместе с появлением новых людей и обычаев, утратив целостность под влиянием солецизмов и варваризмов.

(8) Все народы востока, подобно евреям и сирийцам, формируют звуки в горле при помощи языка. Все средиземноморские народы, подобно грекам и малоазийцам, формируют звуки в небной части зева. Все западные народы, подобно италикам и испанцам, формируют их меж зубами. (9) Язык сирийца и халдея близок языку еврея; они по большей части схожи и в своем произношении. Некоторые даже полагают, что иврит – это халдейский язык, поскольку Авраам был из халдеев. Если это принять, то как в книге Даниила может идти речь о том, что еврейским детям должно преподавать халдейский язык, который им неизвестен? (10) Каждый человек может выучить любой язык, будь то греческий, латинский, или языки других народов, либо на слух, либо читая тексты под руководством наставника. Хотя знание всех языков является делом сложным для всякого, однако не найдется никого настолько ленивого, чтобы, живя вместе с собственным народом, не знал он языка своего народа. Действительно, не должно ли считать такого недостойнее неразумных животных? Ибо и те обладают свойственным им языком; тот же, кто не знает собственного языка, хуже животного.

(11) Однако, на каком языке говорил Бог при сотворении мира, когда глаголил (Genes. 1: 3): «*Да будет свет!*», – понять сложно, ведь тогда не существовало еще никаких языков. Также сложно определить и то, на каком языке он возбуждал слух людей впоследствии, особенно когда обращался он к первому человеку, или пророкам, или когда глас вещающего Бога раздавался беззвучно: «*Ты сын мой возлюбленный*» (Mark. 1:11); некоторые допускают поэтому, что это был тот единственный язык, который существовал до возникновения языковых различий. Что касается различных народов, то полагают, что бог говорит с людьми на том языке, которым сами они пользуются, поскольку они всегда его понимают. (12) Бог общается с людьми не через невидимую субстанцию, но через

¹ «Эту надпись читали многие из Иудеев, потому что место, где был распят Иисус, было недалеко от города, и написано было по-еврейски, по-гречески, по-римски» (Ioan. 19:20).

посредство телесной сущности, в которой он желал являться людям, когда обращался к ним. Действительно, Апостол говорит (1 Кор. 13, 1): *«Если я говорю языками человеческими и ангельскими»*. Спрашивается тогда, на каком языке говорят ангелы; но говорится так в силу преувеличения, а не оттого, что существуют какие-то языки у ангелов. (13) Спрашивается также, на каком языке будут говорить люди в будущем? Ответа на то никакого нет. Ибо Апостол говорит (1 Кор. 13, 8): *«языки умолкнут»*.

(14) Итак, мы сначала рассмотрели языки, а затем рассмотрим народы, потому как от языков появились народы, а не языки от народов.

Глава II. О поименовании народов

Народ (gens) – это множество людей, восходящих к общему первопредку, либо отличное от другого народа (natio) своим местонахождением, как то [народы] Греции, либо Азии. От слова «народ» происходит и понятие «родство» (gentilitas). Род (gens) назван так от генерации (generatio) семей, то есть от глагола «порождать» (gignere), подобно тому как слово «народ» (natio) происходит от глагола «рождаться» (nasci). (2) Вся земля поделена между народами: от Иафета их – пятнадцать, тридцать один – от Хама, двадцать семь – от Сима¹, в целом – семьдесят три, или скорее, как подсказывает разум, – семьдесят два; столько же и языков, которые появились в разных частях земли и, разрастаясь, заполнили материки и острова.

(3) Пять сыновей Сима² породили каждый по отдельности свои народы. Из них первый – Елам, от него эламиты – властители Персии; второй – Ассур, от него пустила ростки империя ассирийцев; третий – Арфаксад, от него возникла нация Халдеев; четвертый – Луд, от него – лидийцы; пятый – Арам, от него сирийцы, столицей их был Дамаск³. (4) Сыновей Арама, внуков Сима, – четыре: Уц, Хул, Гефер и Маш⁴. Уц – основатель Трахонитиды, он властвовал меж Палестиной и Целесирией, оттуда был Иов, согласно тому, что написано [в Писании] (Job. 1, 1): *«Был человек в земле Уц»*. Второй – Хул, от него – армяне; третий – Гефер, от него ахарняне⁵ или курии; четвертый – Маш, от него те, кого именуют мэонийцами⁶.

(5) Потомство Арфаксада, сына Сима. Евер – внук Арфаксада⁷, от него евреи; сын Евера – Иоктан⁸, от него возникло племя индусов; Шалеф – сын Иоктана⁹, от него – бактрийцы, хотя другие полагают, что были они изгнанниками из числа скифов. (6) Измаил – сын Авраама¹⁰, от него исмаилиты, которых теперь, искажая их поименование, называют

¹ Транскрипция имен, упоминаемых в Ветхом Завете, дана в соответствии с синодальным переводом Библии.

² Gen. 10:22: «Сыны Сима: Елам, Ассур, Арфаксад, Луд, Арам [и Каин]». В изложении истории народов автор опирается прежде всего на книги Ветхого Завета (Бытие, Паралипоменон), а также сочинение Иеронима «Еврейские вопросы на книгу Бытия».

³ Joseph. Flav. Antiquit. I. 6, 4.

⁴ Gen. 10:23: «Сыны Арама: Уц, Хул, Гефер и Маш».

⁵ Жители Акарнании, греческой области между Этолией и Эпиром.

⁶ Жители Лидии. Joseph. Flav. Antiquit. I. 6, 4.

⁷ Gen. 10:24: «Арфаксад родил Салу, Сала родил Евера».

⁸ Gen. 10:25: «У Евера родились два сына; имя одному: Фалек, потому что во дни его земля разделена; имя брату его: Иоктан».

⁹ Gen. 10:26: «Иоктан родил Алмодада, Шалефа, Хацармавефа, Иераха...».

¹⁰ 1Par. 1:28: «Сыновья Авраама: Исаак и Измаил».

сарацинами (Saraceni), как если бы происходили они от Сары (Sarra)¹, а агарены (Agareni)² – от Агари (Agar)³. (7) Наваиоф – сын Измаила⁴, от него набатеи, которые обитают между Ефратом и Красным морем. (8) Моав и Аммон – сыновья Лота⁵, от них – моавитяне и аммонитяне. (9) Едом – сын Исав⁶, от него идумеи⁷. Это все нации, которые происходят от потомков Сима, они населяют южные земли на востоке вплоть до Финикии.

(10) У Хама – четыре сына⁸, от которых произошли соответствующие народы: Хуш, от него произошли эфиопы; Мицраим, от него, как утверждают, произошли египтяне. (11) Фут, от него ливийцы. По этой причине и река в Мавретании зовется и теперь Футом, а вся область вокруг – Футенской. (12) Ханаан, от него африканцы, и финикийцы, и десять племен хананеев. (13) Аналогично и с внуками Хама, сыновьями Хуша – внуков Хама шесть. Сыновья Хуша: Сава и Хавила, Савта, Раама, Сева, Куза⁹. (14) Саба, от него произошли и получили имя сабатеи, о них Вергилий (Georg. 2, 117):

«Solis est thurea virga Sabaeis» (Ветви, которые жгут в курительницах, – только сабеи)¹⁰.

Они же и арабы. (15) Хавила, от него гетулы, которые проживают в пустыне в дальней части Африки. (16) Савта, от него саватеи¹¹, которых теперь именуют астабарами. (17) Народы, восходящие к Рааме, Севе и Кузу, постепенно утратили свои древние наименования, и как они именуются теперь неизвестно. (18) Сыновья Раамы – Шева и Дедан¹². На иврите Шева пишется через букву *Sin*; а тот Саба, что выше, через букву *Samech*, от него получили наименование сабеи; теперь же словом *Saba* именуют Аравию. (19) Дедан, от него произошли эфиопы, что на западе.

Сыновья Мицраима: Лаваим, от него ливийцы, которые прежде звались футеями (Phuthaei)¹³; (20) Каслухим, от него филистимляне, которых древние именовали Ἀλλόφυλοι, а мы, несколько трансформировав слово, палестинцами. (21) Поименования других шести народов неизвестны, поскольку они были забыты после того, как потерпели поражение в Эфиопской войне.

(22) Сыновей Ханаана – одиннадцать, от них десять народов ханаанейских, чьей землей, изгнав последних, завладели евреи. Первый из сыновей Сидон, от него сидонцы¹⁴. От него и город их в Финикии зовется Сидоном. (23) Второй – Хет, от него хетты. Третий – Иевусей, от него иевусеи, городом их был Иерусалим. Четвертый – Аморрей, от него аморреи. Пятый – Гергесей, от него гергесеи. Шестой – Евей, от него евеи. Они же и

¹ Т.е. жены Авраама.

² Термин, широко использовавшийся в сирийских, греческих, коптских, армянских источниках для обозначения первых арабов – захватчиков территории Месопотамии, Сирии и Египта. Впоследствии – синоним слова «сарацины».

³ Т.е. служанки Авраама. См.: Gen. 16:1, 16:16 etc.

⁴ 1 Par. 11:29: «Вот родословие их: первенец Измаилов Наваиоф, за ним Кедар, Адбесел, Мивсам...».

⁵ Т.е. брата Авраама. См. Gen. 11:27.

⁶ Gen. 36: 19: «Вот сыновья Исав, и вот старейшины их. Это Едом».

⁷ Gen. 36: 43: «Вот Исав, отец Идумеев».

⁸ Gen. 10:6: «Сыны Хама: Хуш, Мицраим, Фут и Ханаан».

⁹ Gen. 10:7: «Сыны Хуша: Сева, Хавила, Савта, Раама и Савтеха». Последнее имя, упоминаемое в Ветхом Завете (Sabteca) у Исидора превратилось в два (Seba, Cuza). Хотя ниже в «Бытии» упоминается и еще один сын. Gen. 10:8: «Хуш родил также Нимрода».

¹⁰ Перевод С. В. Шервинского.

¹¹ Одно из арабских племен, населявших Аравию.

¹² Gen. 10:7: «Сыны Раамы: Шева и Дедан».

¹³ 1 Par. 1:11-12: «Мицраим родил: Лудима, Анамима, Легавима, Нафтухима, Патрусима, Каслухима, от которого произошли Филистимляне, и Кафторима».

¹⁴ Gen. 15: 18: «От Ханаана родились: Сидон, первенец его, Хет, Иевусей, Аморрей, Гергесей, Евей, Аркей, Синеи, Арвадей, Цемарей и Хифамей».

гаваониты, от города Гаваон, те, что приехали к Иешуа, умоляя его¹. (24) Седьмой – Аркей, что основал город Аркас напротив Триполи, расположенный у подножия Ливанских гор. Восьмой – Синей, от него синейцы. Девятый – Арвадей, от него арвадии, те, что занимали остров Арвад, отделенный узким проливом от финикийского побережья. (25) Десятый – Самарей, от него известная область Сирии, именуемая Целом. Одиннадцатый – Амафей. Таков список народов, восходящих к потомкам Хама; занимают они южные земли от Сидона до Гадитанского пролива.

Теперь о племенах, восходящих к сыновьям Иафета. (26) Итак, вот семь имен сыновей Иафета². Гомер, от него галаты, то есть галлы. (27) Магог, от которого, полагают, произошли скифы и готы. (28) Мадай, от него, как полагают, – мидяне. (29) Иаван, от него ионийцы, они же греки. По той же причине и море – Ионийское. Фувал, от него Иберы, они же испанцы; некоторые допускают, что от него происходят и итальянцы. (30) Мешех, от него каппадокийцы. По той же причине и город у них даже и сегодня именуют Мазака (Mazaca)³. (31) Фирас, от него фракийцы; наименование их не сильно изменилось, как если бы именовались они фиракийцами (Tiraces). (32) Сыновья Гомера – внуки Иафета: Асханаз, от него сарматы, которых греки именуют регинами (Rhegini); (33) Рифат, от него пафлагонцы; Готорна, от него фригийцы. (34) Сыновья Иавана. Элиза (Elisa), от него греки – элизеи, именуются они эолийцами. По этой же причине и пятый язык по-гречески зовется эолийским (Αἰολίς). (35) Фарсид, от него киликийцы, как полагает Иосиф. По этой причине и столица их зовется Фарсом (Tharsus). (36) Кет, от него киты, то есть киприоты, от них и сегодня город зовется Китием (Citium)⁴. (37) Дедан, от него родосцы. Таков список народов, восходящих к Иафету, которые проживали на территории от горной цепи Тавра в средней части Малой Азии до самой оконечности Европы у Британского океана, сохраняя как свои самоназвания, так и наименования мест их обитания; многие из них впоследствии изменились, прочие сохранились такими, какими были.

(38) Действительно, наименования многих народов частично сохранились, так что и сегодня ясно, откуда они произошли, например: ассирийцы от Ассура, евреи от Евера; частично же они настолько изменились с древних времен, что с большим трудом образованнейшие мужи, изучающие древнейшие сочинения, смогли обнаружить происхождение не всех из них, а лишь некоторых. (39) Таким образом, то, что от сына Хама, именуемого Мицраимом, произошли египтяне, не проистекает ни из единого звука его имени, то же и касательно эфиопов, которые, как говорят, происходят от того сына Хама, что назван Хусом.

Если принять все это во внимание, то большая часть народов скорее изменила свои названия, чем сохранила их; позднее им были даны иные имена, исходя уже из рациональных оснований. Таким образом, индусы названы от реки Инд, которая с запада ограничивает их ареал обитания. (40) Серы получили свое имя от города, в котором жили. Это народ, живущий на Востоке⁵. Они ткнут пряжу, извлекаемую из деревьев. О них эта строка:

«Ignoti facie, sed noti vellere Seres» (Серы, в лицо незнакомые, но известные пряжей своею).

¹ Ios. 9:3-15.

² Gen. 10:2: «Сыны Иафета: Гомер, Магог, Мадай, Иаван, Фувал, Мешех и Фирас».

³ Переименован императором Тиберием после превращения Каппадокии в римскую провинцию в Цезарею (Caesarea). Совр. г. Кайсери в Турции.

⁴ Греч. Κίτιον. Город в восточной части Кипра, чье основание восходит к микенской эпохе (XIII в. до н.э.).

⁵ Народ, отождествляемый с китайцами.

(41) Гангариды (Gangaridae) – народы, обитающие в бассейне Ганга (Ganges), промеж ассирийцев и индусов. По этой причине и названы они гангаридами. (42) Гирканы (Hircani) названы так от Гирканского леса, в котором обитает множество тигров. (43) Бактрийцы (Bactriani) были скифами, которые, оставив насиженные места, будучи сподвигнутыми их вождями, обосновались на Востоке, неподалеку от реки Бактр, получив от нее и свое поименование. Царем народа этого был Зороастр, изобретатель искусства магии. (44) Парфяне берут свое происхождение также от скифов. Как следует из их поименования, были они ими изгнаны, ведь на скифском наречии изгнанники именуются *parthi*. Они, подобно бактрийцам, побужденные внутренними раздорами, оставили Скифию и украдкой заняли сначала безлюдную область близ Гиркании, а затем, проявив воинскую доблесть, расширили свои границы. (45) Ассирийцы названы так от Ассура, сына Сима. Это очень сильное племя, которое заняло всю срединную область от Ефрата до границ расселения индусов.

(46) Полагают, что мидяне названы так от имени своего царя. Действительно, Ясон, брат царя Пелиака, был изгнан из Фессалии сыновьями Пелии вместе с его женой Медеей. Пасынком его был Мед (Medus) – царь афинян, который после смерти Ясона подчинил себе область на Востоке, где основал город Медию (Media), а по имени его назвал народ мидянами (Medi). Но в Книге Бытия мы находим, что прародителем мидян был Мадай (Madai), от которого они и получили свое наименование, как выше нами изложено¹. (47) Персы (Persae) названы так от царя Персея (Perseus), который переправляясь из Греции в Азию, покорил там варварские племена в ходе тяжелой и продолжительной войны, а сразу же по ее окончании дал покоренному народу победителя нового имя. До Кира² персы были совершенно неизвестны, и не занимали важного положения среди народов. Мидийцы же всегда были могущественны. (48) Chasdei, которые нынче именуются халдеями, названы так от Хаседа, сына Нахора, брата Аврама. (49) Сабее названы ἀπὸ τοῦ σέβου, то есть от «возносить моления», «почитать», ведь используя их ладан, чтим мы бога. Их называют также арабами, потому что обитают они в горах Аравии, которые именуются Ливаном и Антиливаном, где и собирают ладан. (50) Сирийцы, как говорят, названы так от Ассура (Surim), который был внуком Аврама от Хеттуры³. Кого древние называли ассирийцами, мы именуем теперь сирийцами, производя это поименование от части прежнего имени.

(51) Евреи названы так от Евера, который был правнуком Сима. (52) Израильтяне же названы от Израиля, сына Исаака, ведь Израиль был патриархом евреев, от него двенадцать племен иудеев получили наименование Израиля. После распада иудейского царства это имя носили десять племен, ведь и прежде именовались они евреями или израильтянами (Israelitae). (53) От того времени, когда народ божий был разделен на два царства, два племени, которые царей имели из рода, восходящего к Иуде (Iuda), получили наименование иудеев (Iudaei). Остальные десять племен, которые учредили свое царство в Самарии, из-за множества своего народонаселения сохранили прежнее наименование Израиля. (54) Народ самаритян берет свое начало от ассирийцев, которые, переселившись, жили в Самарии. По-латыни имя их означает «стражники», потому что когда Израиль был захвачен, они были размещены на его территории для ее охраны.

(55) Феникс, брат Кадма⁴, прибыв в Сирию из египетских Фив, правил в Сидоне, и по имени своему назвал тамошние народы финикийцами, а область их проживания –

¹ См. выше, § 28.

² Кир II Великий – основатель династии Ахеменидов, правивший в Персии с 559 по 530 гг. до н.э.

³ 1Рав. 1:32: «Сыновья Хеттуры, наложницы Авраамовой: она родила Зимрана, Иокшана, Медана, Мадяна, Ишбака и Шуаха».

⁴ В греческой мифологии – легендарный основатель Фив в Беотии.

Финикией. (56) Полагают, что сидоняне получили свое имя от города, что зовется Сидон. (57) Сарацины (Saraceni) названы так либо оттого, что считали себя потомками Сарры (Sarra), либо, как говорят язычники, что восходят они к сирийцам, как если бы говорили *Syriginae*. Они населяют обширную пустыню. Они же и исмаилиты (Ismaelitae), как учит Книга Бытия, поскольку произошли они от Измаила (Ismael). Их также именуют Кедар (Cedar), от сына Измаила¹, и агаренами (Agareni) – от Агари; их, как мы сказали², в силу перемены поименования, называют сарацинами, поскольку славят они свое происхождение от Сарры.

(58) Филистимляне – те же палестинцы; поскольку буква Р отсутствует в еврейском языке, вместо нее они используют греческую *phi*. Поэтому вместо *Palestini* именуют они себя *Philistaei*, от своей, разумеется, страны³. Называют их и аллофилами (Allophyli), то есть инородцами, по той причине, что были они всегда врагами Израиля, и обитали вдали от их племени и страны. (59) Хананеи названы так от сына Хама Ханаама, землю их заняли иудеи. У истоков их стоял Еммор, отец Сихема⁴, от которого получили свое название амореи. (60) Египтяне названы от некого царя Египта, тогда как ранее именовались они Эриями (Aerii). На еврейском языке «египтяне» суть «сокрушающие», потому как они сокрушили народ Бога, прежде чем был он освобожден с божьей помощью. (61) Арминий из Фессалии (один из числа спутников Ясона, которые дошли до Колхиды), собрав вокруг себя ту массу людей, которые по утрате царя Ясона блуждали повсюду, основал Армению, и дал наименование ее народу по имени своему.

(62) Граница, что отделяет персов от скифов, названа *Scytha*; как некоторые полагают от названия этой границы получили прозвание свое и сами скифы, племя древнейшее, постоянно здесь обитавшее. Они были предками парфян и бактрийцев. Женщины же их основали царство амазонок. (63) Массагеты (Massagetae) произошли от скифов. А названы они массагетами, как если бы говорили «сильные» (graves), то есть «мощные» геты (Getae). Так Ливий называет серебро «тяжелым» (grave), то есть в виде слитка (massa). Массагеты суть те, кто населял северные области между скифами и албанцами. (64) Амазонки (Amazones) названы так либо оттого, что сообща живут без мужчин, как бы ἄμα ζῶν⁵, либо оттого, что правая грудь у них была сожжена, дабы не мешать при стрельбе из лука, как бы ἄνευ μαστῶν⁶, ведь ту грудь, что была обожжена, они оголяли. Титиан называет их «одногрудыми» (Unimammae), ибо «амазонка» есть как бы ἄνευ μαστῶν, то есть «без груди». Их теперь уже нет, поскольку были они полностью истреблены отчасти Геркулесом, а отчасти Ахиллом, либо Александром.

(65) Скифы, проживающие на территории Малой Азии, которые, полагают, были потомками Ясона, рождаются с белыми волосами; цвет их волос и дал наименование народу – потому-то и именуются они албанцами (Albani). Зрачки их глаз – серо-голубые, то есть подкрашенные. Это для того, чтобы ночью видеть лучше, чем днем; албанцы же были соседями амазонок. (66) Хугны, что прежде именовались хуннами, а впоследствии (от царя своего) аварами, жили первоначально вдали от Меотиды – между ледяным Танаисом и племенами диких массагетов. Впоследствии они на выносливых своих

¹ Gen. 25:12-15: «Вот родословие Измаила, сына Авраамова, которого родила Аврааму Агарь Египтянка, служанка Саррина; и вот имена сынов Измаиловых, имена их по родословию их: первенец Измаилов Наваиоф, за ним Кедар, Адбесел, Мивсам, Мишма, Дума, Масса, Хадад, Фема, Иетур, Нафиш и Кедма».

² См. выше, § 6.

³ Филистеея упоминается в тексте Библии неоднократно.

⁴ Gen. 34:6: «И вышел Еммор, отец Сихемов, к Иакову, поговорить с ним».

⁵ «Живущие совместно».

⁶ «Без груди».

лошадях преодолели хребты Кавказа, преграду Александрову, сдерживавшую натиск диких племен, и на протяжении двадцати лет держали в подчинении восток, требуя ежегодно дань с египтян и эфиопов.

(67) Племя троянцев звалось прежде от Дардана – дарданским, ведь братья Дардан и Ясон пришли сюда из Греции; от них Ясон отправился во Фракию, а Дардан во Фригию, где он был первым правителем; за ним правил его сын Эрихтоний, а после – внук его Трой, от которого и получили свое наименование троянцы. (68) Считают, что галаты (*Galatae*) – это галлы, которые, будучи призваны на помощь царем Вифинии, одержав победу, разделили с ним царство. Впоследствии, смешавшись с греками, они сначала звались галлогреками, теперь же от их древнего имени (галлы), зовутся они галатами.

(69) Прежде греки от Фессала звались фессалийцами, и лишь позднее от царя Грека стали именоваться греками, ибо греки суть фессалийцы. (70) Говорят, что в Фессалии существовало племя лапифов (*Lapithae*), жившее некогда около реки Пеней, получившее свое наименование от дочери Аполлона Лапифы (*Lapitha*). (71) Сикионцами названы греки от царя Сикиона. Первоначально они именовались агиалеями, от царя Агеалея, который первым правил в Сикионе. От него получило свое название и государство Агеалея, которое теперь именуется Пелопоннесом от имени царя Пелопса. Они же и аркадяне, а названы так от царя Аркада – сына Юпитера и Каллисты. (72) Данайцы названы так от царя Даная. Они же и аргивяне, названы же так от прародителя своего Аргоса. После того, как царь греков Апис умер, унаследовал его власть сын Аргус, от него-то и получили свое наименование аргивяне. Его они по смерти стали почитать как бога, посвятив ему храм и производя жертвоприношения. (73) Ахейцы, известные и как ахияне, получили свое название от Ахея – сына Юпитера. (74) Пеласги названы так оттого, очевидно, что прибыли в Италию весенней порой, подобно птицам¹, подняв паруса. Варрон описал первое их прибытие в Италию. Греки же полагают, что названы они так от Пеласга, сына Юпитера и Лариссы.

(75) Мирмидоняне были союзниками Ахилла, а долопы – Пирра. Названы же они мирмидонянами в силу их ловкости, как бы *μύρμηκες*, то есть «муравьи». Эратосфен же говорит, что названы они мирмидонянами от их предводителя Мирмидона, сына Юпитера и Эвримеды. (76) Царю афинян Кекропу наследовал Краней, дочь его Аттис дала имя и полуострову, и народу. От нее получили свое наименование аттики, то есть афиняне. (77) Ион, храбрый муж, по имени своему назвал афинян ионийцами. (78) Македоняне прежде звались эматиями по имени царя Эматия; позже они стали именоваться македонянами. (79) Эпироты, первоначально от Пирра, сына Ахилла, были названы Пирридами, а позднее от царя Эпира [...]². Они намеревались переправиться в Италию. (80) Дор был сыном Нептуна и Эллены, от него берут свое происхождение и наименование дорийцы. Они – часть греческого племени. От них получил свое название третий язык греков, который зовется дорическим.

(81) Лакедемоняне названы так от Лакедемона, сына Семелы. Они вели долгую войну с мессенцами. Опасаясь в силу длительного ведения войны потерять надежду на потомство, они приняли решение, чтобы оставшиеся дома девушки вступили в связь с юношами. Таким образом, из-за связей девушек, творимых без разбору, юноши, рожденные от неизвестных отцов, названы были от клейма материнского позора спартиатами³; спартиаты суть те же, что и лакедемоняне.

¹ Ср. греч. *πελαργός* – аист.

² Лакуна в тексте.

³ Исидор, возможно, связывает происхождение слова с греческим *παρθήνος* (дева, девственный), либо с латинским *spargere* – «сеять» (семья).

(82) Фракийцы, полагают, произошли и названы, как было сказано выше¹, от сына Иафета – Фира, хотя язычники считают, что названы они так от их нрава, поскольку были они свирепы. Были они самыми дикими из всех народов, почему и сохранилось о них много невероятных легенд – и та, что приносят они в жертву своим богам пленников, и та, что имеют они обыкновение пить человеческую кровь из черепов. О них Вергилий (Аен. 3, 44):

«*Heu fuge crudeles terras, fuge litus avarum*» (Горе! Беги от жестокой земли, от алчных прибрежий!); –

как если бы это была земля жестоких и жадных людей. (83) Племя истров ведет свое происхождение от колхов, которые были посланы преследовать аргонавтов, и те, оставив Черное море, поднялись по реке Истр; от наименования реки, по которой поднялись, оставив море, они и названы.

(84) Римляне (Romani) названы так от имени Ромула (Romulus), который основал город Рим (Roma) и дал наименование и народу римскому, и римскому государству. Звались римляне прежде от имени Сатурна – сатурниями, а от Латина – латинами, ведь Латин был царем Италии; он дал свое имя латинам, которые позднее стали именоваться римлянами. Их называли также квиритами, потому что Квирином был прозван Ромул, поскольку постоянно пользовался копьем, которое на языке сабинов зовется *curis*. (85) Кроме того, Итал, Сабин и Сикан были братьями, от них получили свои наименования и народы, и области их обитания: от Итала получили свое наименование италики, от сабина – сабины, от сикана – сиканы, они же – сикулы, то есть сицилийцы. (86) Этруски (Tusci) – италийское племя; прозваны они так от частых жертвоприношений и воскурений (tus), то есть ἀλὸ τοῦ θυσιάσειν³.

(87) Умбры – народ Италии, потомки древних галлов, которые населяют Аппенины; источники сообщают, что они выжили в период страшного наводнения и по этой причине названы были по-гречески ὀμβρίους («люди дождя»). (88) Италийское племя марсов названо так от Марсия, компаньона бога Либера, который научил их навыкам обработки винограда. По этой причине они возвели ему статую, которую позднее, разбив марсов, захватили римляне. Греки называли марсов осками, как бы ὄσκοι, поскольку у них было много змей, а ὄφις означает «змея». Они неуязвимы перед колдовством. Наряду с умбрами живут они в горах Аппенин. [Историк Александр пишет: «Некоторые полагают, что вольски названы от имени Вольска, сына Антифата Лестригонского. Фабий же утверждает, что вольски произошли от сикулов⁴, а были названы в силу неверной передачи их имени»]⁵.

(89) Полагают, что готы названы так от Магога, сына Яфета, по причине сходства последнего слога. Древние называли их скорее гетами (Getae), чем готами (Goti). Это храброе и могущественное племя; готы обладают высоким и массивным телосложением, а также оружием, сеющим страх. Лукан говорит о них так (2, 54):

«*Hinc Dacus premat inde Getes occurrat Iberis*» (Дак оттоле теснит, а геты отсель; на иберов...)⁶.

¹ См. § 31.

² Перевод С.А. Ошерова.

³ Греч.: «от [глагола] “приносить жертву”».

⁴ Слово восстанавливается неоднозначно.

⁵ Пассаж в квадратных скобках перенесен сюда У. М. Линдсеем из четвертой книги (VI. 7. 4), где он находился в ранних манускриптах.

⁶ Пер. Л. Е. Остроумова.

(90) Даки (Daci) были ответвлением готов, а названы они, как полагают, даками, как если бы говорили *Dagi*, поскольку произошли они от готов (Gothi). О них эта строка (Paulinus ad Nicetam 17):

«Ibis arctoos procul usque Dacos» (Пойдешь далеко ты, до самых северных даков).

(91) Бессы (Bessi) были варварами, которые, как полагают, названы так от большого числа у них быков (bos). О них строка некоего поэта (Paulin. ad Nic. 243):

«*Qui colit terrae medio vel ille divitis multo bove pilleatus accola ripae*» (Тот, кто живет окруженный землей, либо тот, кто живет у реки и носит пиллею, быками богатый).

(92) Гипеды (Gipedes) шли на войну скорее пешими (pedestri), чем конными, отчего и названы так.

(93) Сарматы верхом при оружии (armati) передвигались по открытым просторам, пока Лентул не воспрепятствовал их продвижению за Дунай¹. По этой причине, полагают, сарматами (Sarmatae) они названы от страсти к оружию (arma). (94) Река Лана течет по ту сторону Дуная, от нее получили свое наименование аланы, подобно тому как те, кто живет неподалеку от Леманского озера (Lemannus) именуются алеманнами (Alemanni). Лукан говорит о них так (1, 396):

«*Deseruere cavo tentoria fixa Lemanno*» (Вот покидают бойцы шатры в котловине Лемана).

(95) Лангобарды (Langobardi), как обычно считается, названы так от длинной бороды², которую они никогда не стригут. (96) Говорят, что река Виндилик (Vindilicus), которая не ограничена пределами Галлии, дала наименование вандалам (Vandali), что обитали возле нее.

(97) Германскими (Germanici) племена названы оттого, что германцы обладают сильным телом (immanis), это дикие (immanes) народы, закаленные суровыми холодами. И характер свой они приобрели от сурового климата: всегда жестокие и суровые, живут они грабежом и охотой. Большинство из этих племен пользуются различным оружием, носят одежду, отличающуюся по цвету, говорят на различных диалектах, и происхождение поименований их неясно; это относится к толосатам (Tolosates), амсиварам (Amsivari), квадам (Quadi), тунграм (Tuungri), маркоманам (Marcomanni), брутерам (Bruteri), хамавам (Chamavi), блангианам (Blangiani), тубантам (Tubantes); суровость варварства их придает определенный ужас и самим названиям этих народов.

(98) Свевы (Suevi) – германское племя, проживавшее на северной границе расселения германцев. О них пишет Лукан (2, 51):

«*Fundit ab extremo flavos aquilone Suevos*» (С севера Эльба пускай и строптивного Рейна истоки / Русых нам свебов пошлют).

Многие сообщали, что у свевов были сто деревень и общин. Полагают, свевы названы так от горной цепи Свев (Suevus), которая являет собой восточную границу Германии; в тех местах они и обитают. (99) Бургунды (Burgundiones), размещенные некогда (когда римляне покорили внутреннюю Германию) Цезарем Тиберием в римских военных городках вдоль границы, объединились в большое племя. Таким образом, приобрели они свое поименование от местоположения, потому как называют в просторечьи плотно застроенные пространства на границе бургами (burgi). Когда же впоследствии они восстали против Рима, более восьмидесяти тысяч вооруженных мужчин осели по берегам Рейна, сохранив племени своего имя. (100) Племя саксов (Saxones), жившее по берегам океана и в непроходимых топях, отличалось силой и проворством. По этой причине и

¹ Речь, очевидно, о событиях 10–12 гг. н.э., когда Гн. Корнелий Лентул, возглавлявший Далмацию, воспрепятствовал переходу сарматов через Нижний Дунай (Flor. II. 29; IV. 12, 20).

² T.e. barba longa.

получили они свое поименование, потому как были они жестоким и очень сильным племенем¹, превосходившим прочих пиратов.

(101) Франки (Franci), как полагают одни, именуется так от некоего их вождя. Другие считают, что получили они свое поименование от жестокости (feritas) их нравов, поскольку нравы их дики, сродни природной дикости животных. (102) Некоторые полагают, что бритты (Brittones) названы так по-латыни оттого, что глупы (bruti). Их племя обитает среди океана, со всех сторон омываемое морями, как бы вне сущего мира. О них Вергилий говорит (Ecl. 1, 67):

«*Toto divisos orbe Britannos*» (И от британнов самих, от мира всего отделенных)².

(103) Скотты (Scotti) свое имя в их языке получили от их раскрашенного тела, так как украшают они его различными татуировками, сделанными с помощью черного пигмента острыми железными иглами. (104) Галлы (Galli) названы от белизны их тел, поскольку по-гречески γάλα означает «молоко». По этой причине и Сивилла именуется их так, когда говорит о них (Virg. Aen. 8, 660):

«...tunc lactea colla
auro innectuntur...»

(...и вокруг белых шей золотые / Вьются цепи у них...).

(105) Различия в облике людей и цвете их кожи, в размере их тел, как и различия в их характерах, связаны с климатическими особенностями мест их проживания. Так, мы хорошо видим, что римляне – серьезные, а греки – легкомысленны, африканцы – непостоянны, а галлы – жестоки по своей природе и обладают острым умом, и таковы они от природы. (106) Галлы-сеноны (Senones) в древности звались ксенонами (Xenones)³, потому что Либеру⁴ оказали они гостеприимство (hospitio); позже буква X была заменена на S. (107) Возле гор Пиренейских находился город Вакка (Vacca), от которого получили прозвание ваккеи, о них, как полагают, поэт сказал так (ср. Virg. Aen. 4, 42):

«*Lateque vagantes Vaccei*» (Кочующие на большие расстояния ваккеи).

Занимают они обширное пространство плоскогорий Пиренеев. Они же и васконы (Vascones), как бы вакконы (Vaccones): буква C заменилась на букву S. (108) Гней Помпей, спеша отпраздновать триумф после того как он укротил Испанию, спустил их со склонов Пиренеев и собрал в одном городе. По этой-то причине получил свое название город Конвенарум (Convenarum)⁵.

(109) Испанцы первоначально именовались иберами от реки Ибер, а позднее испанцами от Гиспала (Hispalus)⁶. (110) Галицийцы (Galleci) прозваны так от светлого цвета их кожи, по той же причине получили свое прозвание и галлы (Galli)⁷, ведь они более светлые, чем прочие народы Испании. Они присваивают себе греческое происхождение, почему от природы наделены они остроумием⁸. (111) Поскольку по окончании Троянской войны Тевкр не смог вернуться домой, так как из-за гибели брата Теламона отец возненавидел его, то он отправился на Кипр и основал там город Саламин, дав ему имя своего древнего отечества. Оттуда он перебрался в Галлецию⁹, а обосновавшись там, дал

¹ Исидор связывает этимологию с латинским прилагательным *saxosus* (скалистый).

² Перевод С. В. Шервинского.

³ Ср. греч. ξένος (чужеземный, чужестранец).

⁴ Древнеиталийский бог плодородия.

⁵ Lugdunum Convenarum, современный г. Сен-Бертран-де-Комменж во Франции. Латинское его название происходит от глагола *convenire* (сходиться) – «город пришельцев».

⁶ Легендарный основатель г. Гиспала (Севилья).

⁷ См. выше, §§ 104, 110, .

⁸ См. § 105.

⁹ Сев.-зап. часть Испании, совр. Галисия.

в соответствии с названием местности наименование народу. (112) Испанское племя астуриков (Astures) названо так оттого, что обитало по берегам реки Астур (Astura), окруженным горами и непроходимыми лесами. (113) Испанское племя кантабров (Cantabri) названо так от наименования города и реки Ибер (Iberus), где они обитали. Дух их непоколебим и они всегда готовы грабить, воевать, и стойко сносить побои.

(114) Кельтиберы (Celtiberi) были из кельтских галлов, по их поименованию и область их обитания названа Кельтиберией (Celtiberia); кельтиберами они названы от соединения двух слов – Ибер (Iberus), река в Испании, рядом с которой они жили, и галлы, именуют которых кельтами (Celtici).

(115) Африканцы (Afri) названы так от одного из потомков Авраама, которого звали Афр (Afer); он, говорят, повел войско против Ливии и обосновался там, после того как разбил врагов. От имени его потомки стали зваться африканцами, а континент – Африкой. (116) Пунийцы, то есть карфагеняне, названы так от финикийцев, которые перебрались в Карфаген вместе с Дидоной. (117) Тирийцы названы так от финикийского города Тира, который они покинули, прежде чем прибыть на побережье Африки. (118) Гетулы, как говорят, были гетами, которые, оставив насиженные места и посадив на суда огромное войско, заняли район Сирта в Ливии, а поскольку происходили они от гетов, то и были названы гетулами. В этой связи готы считают, что являются они в силу древней близости родственниками мавров. (119) Первоначально в Африке жили ливийцы, затем африканцы, после этого гетулы, наконец, мавры и нумидийцы.

(120) Мавры и нумидийцы, как думают африканцы, произошли и получили свое название следующим образом. После того, как Геркулес погиб в Испании, его войско, составленное из представителей различных племен, утратив вождя, стало повсюду искать для себя пристанища; мидяне, персы, армяне из их числа направились на кораблях в Африку и заняли ближайшие к морю земли. (121) Но персы, покуда не нашли они в своих землях леса для возведения жилищ, а незнание языка препятствовало торговым сношениям, блуждали по свободным землям и пустынным местностям. На своем собственном языке называли они себя от кочевого образа жизни нумидийцами, то есть не имеющими постоянного места жительства странниками и скитальцами. (122) Мидяне же смешались с ливийцами, которые жили рядом с Испанией; постепенно их имя ливийцы трансформировали, став именовать их на варварском наречии маврами (Mauri), вместо мидян (Medi), хотя греки мавров называют так за их цвет кожи, поскольку черное греки называют μαῦρον. Действительно, кожа у них, опаленная жарким солнцем, очень темного цвета.

(123) Массилия – город в Африке, расположенный недалеко от Атласа¹ и садов Гесперид². Массилийцы (Massyli) названы по наименованию города, мы называем их теперь, изменив звучание слова, массулами (Massuli). Вергилий о них пишет (Aen. 4, 483):

Hic mihi Massylae gentis monstrata sacerdos (Мне указали, что там живет массилиянка-жрица).

(124) Племена гаулалов суть те, что кочуют меж южных пределов и западным океаном. Имя свое получили они от острова Гаула (Gauloe), что находится рядом с Эфиопией, на котором не рождаются и не обитают никакие змеи. (125) Гараманты (Garamantes) – народы Африки, живущие вблизи Кирены; названы так от царя Гараманта, сына Аполлона, который основал там город Гараму, назвав его по имени своему. Они обитали ближе всего к племенам эфиопов. О них Вергилий (Ecl. 8, 44):

¹ Горный хребет в Мавритании.

² Три (четыре) дочери Ночи, жившие на крайнем западе, охранявшие золотые яблоки.

«*Extremi Garamantes*» (...или край гарамантов далекий).

«Обитающими далее всего» (*extremi*) названы они оттого, что дики и живут в отдалении от людского сообщества. Гесперы (*Hesperii*) суть те, кто обитает рядом с Испанией, (126) ведь Испанию именуют Гесперией (*Hesperia*)¹. Эфиопы (*Aethiopes*) названы так от сына Хама, которого звали Хус, от которого они ведут свое начало. Хус на иврите означает «эфиоп». (128) Эфиопы, покинув некогда область реки Инд, осели на юге, рядом с Египтом, меж Нилом и океаном, ближе всего к солнцу. Есть три племени эфиопов: гесперы, гараманты и индусы. Гесперы живут на западе, гараманты в Триполи, индусы – на востоке. (129) Троглодиты (*Trochoditae*) – племя эфиопов, получивших свое название оттого², что бегают с такой скоростью, что отлавливают диких животных, гоняясь за ними. (130) Памфаги (*Pamphagi*) также живут в Эфиопии. Пищей им служит все то, что можно есть, всякая растительность; по той причине и названы они так³. (131) Ихтиофаги (*Icthyophagi*) названы так оттого, что живут морским промыслом и питаются исключительно рыбой⁴. Они занимают области, находящиеся за горными хребтами индусов. Александр Великий, захватив их, запретил им питаться рыбой. (132) Племя жестоких антропофагов (*Anthropophagi*), обитавшее ниже области серов, получило свое наименование оттого, что питается человеческим мясом⁵. Таким образом, на протяжении столетий названия как одних, так и других народов менялись в соответствии с именами царей, наименованием мест проживания, их обычаями, либо по каким-либо иным причинам, так что в силу древности изначальное их название не всегда очевидно.

(133) Действительно, нельзя поверить в то, что те, кого именуют антиподами (*Antipodae*), оттого, как полагают, что ступни их повернуты в противоположную к нашим сторону, будто бы обитая под землей, оставляют следы, направленные в противоположную к нашим сторону, потому как ни толщина земли, ни ядро ее не позволили бы им этого сделать; так рассуждают поэты, никакими историческими сведениями это не подтверждается. (134) Они сообщают также, что в Греции были Титаны – существа, наделенные огромной силой и мощью, которые, как передают о том байки, были порождены разгневанной землей в отместку прочим богам. (135) По этой причине Титаны и названы ἄνθρωπος, то есть от слова «мечь», поскольку пошли они, вооружившись, против богов, дабы отомстить за мать свою Землю. Согласно преданию были они разбиты Юпитером⁶ в сражении и сгнули, поскольку убиты были ударами молний, направленными в них с неба.

¹ См.: XIV. 4, 19.

² Ср. греч. τροχάζειν (быстро бегать).

³ Ср. греч. παν (все) + φαγεῖν (есть).

⁴ Ср. греч. ἰχθῦς (рыба) + φαγεῖν (есть).

⁵ Ср. греч. ἄνθρωπος (человек) + φαγεῖν (есть).

⁶ Т.е. Зевсом.

Д. И. Пинаевский
D. I. Pinaevskii
В. А. Пилипенко
V. A. Pilipenko
С. Е. Обшанская
S. E. Obshanskaya

**Научная и преподавательская деятельность
Петра Павловича Котова
(к 65-летию ученого)**

Petr Pavlovich Kotov's scientific and teaching activity
(for the scientist's 65-th anniversary)

В статье представлены достижения П. П. Котова в научной и преподавательской деятельности: в преподавании основных и вспомогательных курсов в Сыктывкарском университете, подготовке кадров высшей квалификации, в том числе кандидатов наук. П. П. Котов успешно руководил кафедрой отечественной истории и плодотворно работал в качестве ученого секретаря Диссертационного совета в университете. Особое внимание уделено изучению ученым истории удельной деревни Севера, проблем результативности уровня северного земледелия и некоторых других аспектов прошлого региона и страны. Выделены вопросы истории, которые оказались вне поля зрения предшественников П. П. Котова и получили новое наполнение в его трудах.

Ключевые слова: П.П. Котов, Европейский Север России, удельные крестьяне, неземледельческие занятия, общественная запашка, результативность земледелия.

The article tells about P. P. Kotov's achievements in scientific and teaching activities. It shows the historian's success in teaching students the main and supplement courses at Syktyvkar State University, success in scientific supervising of highly qualified specialists with advanced degree including the Candidates of Science. The paper underlines his brilliant work as the Head of the Department of Russian history and productive work as the Academic Secretary of Dissertation Council at Syktyvkar State University. The article pays special attention to the study of a state village in the North, the problems of northern agricultural level productivity and some other aspects in the past of the region and the country. The paper outlines the problems of history that have been carefully studied in P.P. Kotov's works, in particular those problems that were overlooked by his predecessors and as a result were not researched.

Keywords: P. P. Kotov, European North of Russia, state peasants, nonagricultural occupations, public plowing, productivity of agriculture.

П. П. Котов родился 24 декабря 1955 г. в поселке Усть-Шоноша Вельского района Архангельской области. После окончания средней школы несколько лет отработал рабочим в лесной промышленности и на заводе в г. Тольятти. После службы в Советской армии и работы на малой родине в 1977 г. поступил на исторический факультет Сыктывкарского университета имени 50-летия СССР. Будучи студентом, он работал преподавателем истории в профессионально-техническом училище № 28 и преподавателем философии в училище искусств г. Сыктывкара.

В 1982 г. П. П. Котов закончил университет (дипломную работу подготовил под научным руководством видного историка, профессора Т. И. Беленкиной) и был назначен первым заведующим археологическим музеем Сыктывкарского университета. В сентябре того же года направляется на стажировку на кафедру истории России Ленинградского университета имени А. А. Жданова. Через год он поступил в аспирантуру упомянутой

кафедры. Начиная со стажировки и до окончания аспирантуры П. П. Котов выполнял исследования под научным руководством крупного и известного в СССР ученого, профессора А. Л. Шапиро, который окончательно закрепил научный интерес своего ученика – аграрная история страны, прежде всего история северной удельной деревни. В октябре 1986 г. П. П. Котов защитил диссертацию «Удельные крестьяне Русского Севера».

С 14 ноября 1986 г. П. П. Котов начал трудиться на историческом факультете (с 2015 года – в Институте истории и права) Сыктывкарского университета: в 1986–1992 годах – ассистентом и старшим преподавателем кафедры истории СССР, с 1992 года – доцентом кафедры отечественной истории. Одновременно он занимал должности заместителя декана исторического факультета и заместителя заведующего кафедрой истории СССР (с 1991 г. – кафедрой отечественной истории). В 1991 г. ученый исполнял обязанности декана и принял деятельное участие в завершении подготовки документов и практических шагов для открытия юридического отделения на историческом факультете университета.

В 1993 г. П. П. Котову было присвоено ученое звание доцента. В 1998–2009 гг. он являлся заведующим кафедрой отечественной истории, с декабря 2009 года по 31 августа 2017 г. трудился в должности профессора кафедры истории России и зарубежных стран.

На историческом факультете (Институте истории и права) университета П. П. Котов проводил занятия по истории России и другим курсам, руководил практиками аспирантов и студентов. Он издал учебное пособие «Удельные крестьяне Русского Севера. 1797–1863 гг.» и 14 других учебно-методических разработок. По его инициативе в 2002–2003 гг. на историческом факультете получили официальный статус две студенческие научно-исследовательские лаборатории. Начиная с 2002 и по настоящее время он выступает руководителем (совместно с Д. И. Пинаевским) студенческой научно-исследовательской лаборатории «История Европейского Севера России: социально-демографический аспект» (опубликовано более 120 научных трудов студентов и аспирантов).

П. П. Котов стал активным сторонником и помощником профессора Л. П. Рошевской, которая инициировала создание в Сыктывкарском университете Диссертационного совета по специальности 07.00.02 - отечественная история. Ученый принимал участие в формировании состава совета, подготовке и согласовании необходимых для его деятельности документов. По приказу ВАК РФ он являлся ученым секретарем Диссертационного совета в университете на протяжении всего периода его существования в 1995–2007 гг. В 1998 г. совместно с Л. П. Рошевской они подготовили документы и организовали работу Разового Диссертационного совета по этнографии, в котором успешно защитились соискатели Т. И. Дронова и Т. И. Чудова. Всего в совете были успешно защищены 56 диссертаций, и все соискатели получили искомые степени [1; 2].

В период руководства П. П. Котовым кафедрой отечественной истории на ней очень эффективно велась работа по развитию послевузовского образования. За 1998–2009 гг. кандидатами исторических наук стали 25 аспирантов и соискателей кафедры. При этом кафедра многократно выступала ведущим учреждением, а преподаватели кафедры – официальными оппонентами на защитах кандидатских и докторских диссертаций. Заведующий кафедрой не только организовывал эти важнейшие виды работы, но и сам непосредственно был вовлечен в них. Под научным руководством П. П. Котова защитили диссертации 17 аспирантов и 6 магистрантов, дипломные работы – 153 специалиста и 18 бакалавров. Многие его ученики за отличную учебу и научные успехи получали стипендии Президента и Правительства РФ, Главы РК и Ученого совета университета, имели гранты различных всероссийских и международных научных фондов, награждались грамотами и дипломами.

Успешную подготовку молодого поколения исследователей П. П. Котов начинал с тщательного отбора аспирантов из числа выпускников. Для разработки он всегда предлагал оригинальные и научно значимые темы. Так, под его научным руководством были рассмотрены слабо или вовсе не изученные стороны истории Европейского Севера,

в том числе проблемы демографии, рекрутчины, социального призрания, здравоохранения, уездных городов, детских закрытых учреждений НКВД-МВД СССР, ярмарок, половников, монастырей, хлебных запасных магазинов. Необычными, но качественно выполненными стали и диссертации, в которых были исследованы научно-педагогические взгляды профессора XIX в. М. Н. Петрова, вопросы истории российского флота на Дальнем Востоке и ГАИ-ГИБДД.

С другой стороны, и сам П. П. Котов углублялся в новые научные проблемы, которые исследовали аспиранты. Не случайно большинство его подопечных успешно защищали диссертации и становились кандидатами наук. Наряду с этим погружение в темы исследований учеников нередко приводило к общему творчеству. Так появились совместные труды с А. В. Климовским [3], В. И. Пилипенко [4; 5], Н. В. Остаповым [6], В. Н. Бубличенко [7] и другими учениками. Эта традиция не прерывается и в настоящее время [8; 9].

В разное время П. П. Котов вел плодотворную и достаточно обширную научную и преподавательскую деятельность на условиях совместительства и вне университета. В 1994–2004 гг. он преподаватель истории (0,5 ставки) Сыктывкарского филиала Санкт-Петербургской государственной академии культуры (с 1999 г. – Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств); в 1995–2001 гг. – научный сотрудник (0,25 ставки) Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (написание двухтомной «Истории коми с древнейших времен до наших дней»); в 1996–2010 гг. – преподаватель истории России (от 0,5 до 0,25 ставки) Коми филиала Кировской государственной медицинской академии; в 2004–2012 гг. – преподаватель политологии (от 0,5 до 0,25 ставки) Сыктывкарского лесного института Санкт-Петербургской государственной лесотехнической академии; в 2015–2017 гг. – научный сотрудник (0,5 ставки) отдела гуманитарных междисциплинарных исследований Коми НЦ УрО РАН (написание пятитомной «Энциклопедии Республики Коми»). Вместе с этим П. П. Котов занимался и другими видами деятельности. Он назначался: в 2004–2005 гг. – председателем государственной аттестационной комиссии исторического факультета Вологодского университета; в 1991–2009 гг. – председателем приемных комиссий в аспирантуру и в Сыктывкарский университет; в 1992–2021 гг. – членом комиссии по приему экзаменов кандидатского минимума, в 2002 и 2006 гг. – членом комиссии по аттестации Сыктывкарского (Коми) колледжа культуры

Петр Павлович всегда откликался на просьбы о содействии, поступавшие из других организаций. Так, в начале 1990-х годов было принято решение и выделены средства на реставрацию здания бывшего Усть-Сысольского духовного училища. Понимая важность и сложность подобных работ, инициатор реставрации, заместитель министра культуры Республики Коми М. Г. Прима (17.07.1938 – 6.02.1997) обратилась к П. П. Котову за консультацией по истории здания. Он провел всесторонние и тщательные изыскания в архивах Ленинграда, Вологды и Сыктывкара и выявил важные, казалось бы, утерянные сведения об этажности здания, системе вентиляции, дизайне оконных проемов, лестниц, дверей и крыши и других компонентах. В свою очередь, это позволило провести качественную научную реставрацию здания бывшего духовного училища и во многом воссоздать (к сожалению, не в полном объеме) его исторический облик. В результате город Сыктывкар получил одно из самых красивейших зданий, которое стало достойным местом для размещения в нем Национальной галереи Республики Коми [10; 11].

С начала сентября 2017 г. П. П. Котов перешел на работу в Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН. Он успешно прошел конкурс на замещение должности заведующего сектором отечественной истории и продолжает плодотворную научную деятельность и подготовку новых научных кадров в аспирантуре Института, оставаясь при этом преподавателем университета на условиях совместительства.

Всего П. П. Котов опубликовал свыше 180 научных работ, в том числе 3 монографии [5; 12; 13], 3 препринта, почти 100 статей, в том числе 2 работы в системе Web of Science [8; 14] и 28 в журналах из списка ВАК РФ. Он неоднократно был победителем научно-исследовательской работы в университете. Научные достижения изложены им в докладах на 11 Международных, 33 Всесоюзных и Всероссийских и 65 региональных научных конференциях.

В центре внимания исследования П. П. Котова остается северная удельная деревня, проблемы истории которой до него оставались незатронутыми. Он первым в нашей историографии исследовал вопросы возникновения уделов на Европейском Севере страны, демографии северной удельной деревни, размещения крестьян и систему управления, расширения удельных владений и изменения границ уездов [12–21]. Ученый выявил, например, что среднегодовой прирост населения удельной деревни Севера между V–VIII ревизиями значительно превышает прироста жителей между VIII–X ревизиями. В отличие от других регионов России в северной удельной деревне наблюдалось большое многообразие низовых объединений удельных поселений. Они здесь именовались не только волостями, но и боярщинами, десятинами, четвертями, деревнями, приходами и представляли из себя сложные общины.

Не менее основательно П. П. Котов проанализировал различные стороны хозяйственной жизни удельных поселян Севера. Он обратился прежде всего к вопросу обеспечения земель удельных крестьян Севера и выявил, что в их хозяйственный оборот были вовлечены три вида земельных угодий – тягловые, лесные и оброчные (земли, сдаваемые уделом в аренду) [22]. Историк показал, что тягловые угодья до 1850-х – начала 1860-х годов учитывались с очень большой погрешностью, неточно [23]. Особо ценно, что он впервые обратил внимание не только на факт выделения больших лесных участков северным удельным крестьянам, но и проанализировал причины и процедуру этой операции со стороны казны [24].

Нехватка сенокосов, по мнению ученого, существенно сдерживала развитие скотоводства в удельной деревне Европейского Севера. В совокупности со слабым учетом специфики развития северных хозяйств со стороны удельной бюрократии и отсутствием свободы хозяйствования значительно нивелировались попытки распространения новых пород скота среди удельных крестьян Севера [25].

П. П. Котов показал, что уровень земледелия и скотоводства не обеспечивали удельным крестьянам Европейского Севера необходимый прожиточный минимум. Для восполнения необходимого крестьяне «от века» развивали различные виды неземледельческой деятельности [26; 27]. Среди промыслов в северной удельной деревне, как это отражено в трудах П. П. Котова, наибольшее значение имело смолокурение, получившее особенно широкий размах в селениях по реке Ваге и ее притокам еще во времена раздробленности Руси и продолжавшее играть важную роль после отмены крепостного права [28]. Другим важным неземледельческим занятием являлось отходничество, которое, по исследованиям историка, в северной удельной деревне в первой трети XIX в. имело существенное отличие от такового во второй трети столетия. На первом этапе заметным явлением выступали долговременные виды отходничества, на втором – местные, кратковременные виды отхода, среди которого зримым явлением становится и уход женщин на заработки [29].

Доходы от неземледельческой деятельности расходовались северными удельными крестьянами не только на собственные нужды, но и на покрытие податного бремени. В исследованиях П. П. Котова проанализированы различные виды податей и повинностей. Он показал, что в течение времени в северной деревне мирские расходы увеличивались несколько большими темпами, чем различные государственные и ведомственные выплаты. Наряду с этим часть натуральных повинностей замещалась денежными

выплатами, правда, не в тех размерах, каких требовали крестьяне и логика сокращения сферы феодальных отношений [30; 31; 32].

Историк, по сути, впервые провел сравнительный анализ эволюции податей и повинностей в государственной и удельной деревне Европейского Севера России с учетом курса бумажных денег. Он доказал, что до начала 1840-х годов размеры податных расходов удельных и государственных поселян в целом совпадали, имея, конечно, некоторые различия и несовпадения за отдельные периоды. Затем эти размеры податей в удельной деревне Севера стали устойчиво превышать подобные в государственной деревне, правда на один-два десятка процентов. Еще один важный итог подвел П. П. Котов – в отличие от существующей точки зрения он убедительно доказал, что с конца XVIII и до середины XIX в. размеры податных выплат северных удельных и государственных крестьян не умножились в разы, а возросли не более чем на 40 % [30–35].

Важное значение работы П. П. Котова имеют для объективного изучения политики попечительства, развернутой в удельных владениях в начале 1830-х годов. Ученый показал, как в рамках указанной политики предпринимались попытки распространения новых сортов земледельческих культур, агротехнических приемов и орудий труда, улучшения семенного фонда выращиваемых хлебов, создания образцовых усадеб для создания положительного примера рационального ведения хозяйства и ряд других мер. Эти «новшества» пытались навязать крестьянам насильно, без учета региональных особенностей хозяйствования, природно-климатических условий и местных традиций. Главное – удел не ослаблял крепостнические порядки и в конечном счете пытался повысить свою доходность, что прекрасно осознавали сами удельные поселяне. Однако П. П. Котов и в этом случае, вопреки сложившейся историографической традиции, не ограничивался сугубо негативными оценками и показал отдельные положительные стороны политики попечительства. Так, в удельной деревне Севера были созданы элементы системы начального образования и началось профессиональное обучение отдельных крестьянских детей, проявлялись единичные случаи распространения новых культур, орудий труда и улучшенных пород продуктивного скота. Правда, по мысли ученого, предпринимаемые меры и затраченные средства оправдывались лишь в малой степени. И напротив, нередко эта политика сдерживала и препятствовала развитию некоторых неземледельческих занятий [36; 37].

Весьма основательно П. П. Котов проанализировал историю общественной запашки северной удельной деревни, под которую в 1828 г. были отрезаны лучшие участки крестьянской пашни (до 10 % ее площади) [38; 39]. Истоки общественной запашки он усматривал во введении запасных сельских хлебных магазинов при Павле I [40; 41]. Общественная запашка позволила, в отличие от предыдущих лет, быстро создать необходимый запас хлеба. Она стала важным элементом политики попечительства и служила своеобразным полигоном для внедрения сельскохозяйственных «новшеств» и показательным примером для эффективного ведения зернового производства и возможностей недооцененной северной пашни. Тем самым и в этом случае ученый выходит за рамки сугубо негативной оценки данного явления. С другой стороны, он признает негативное последствие внедрения общественной запашки, но в тех областях, которые не учитывали его предшественники. По его утверждению, общественная запашка весьма негативно отражалась на развитии отходничества, но самое главное ее обслуживание отвлекало крестьян от работы на собственной пашне в наиболее важный период, во время страды.

П. П. Котов настаивает, что после отмены общественной запашки в 1861 г. отнесение ее участков к собственности удела следует считать началом отрезки земли от крестьян. Фактически отмена крепостного права в удельной деревне проводилась по реформе 26 июля 1863 г. П. П. Котов основательно проанализировал степень изученности реформы 1863 г. [42], охарактеризовал выявленные источники [43] и различные аспекты ее

реализации на Севере [44; 45; 46] и пришел к ряду новых выводов. Так, он показал, что его предшественники не учитывали различные виды дореформенного землевладения и землепользования удельных крестьян и некритично следовали за источниками. Поэтому они пришли к ошибочному выводу о значительном увеличении крестьянских наделов в ходе реализации реформы 1863 г. в губерниях «лесной полосы». В северных губерниях речь шла даже о кратном расширении земельных наделов. П. П. Котов доказал, что пресловутая «прирезка лесных и кустарных зарослей» на деле означала оставление удельным крестьянам незначительных и некачественных лесных угодий. В реальности в северной удельной деревне по реформе 1863 г. произошло многократное сокращение крестьянских наделов. Историк обратил внимание и на некорректное сравнение отрезки земли у удельных крестьян в сравнении с помещичьими крепостными или между русскими и не русскими по национальности удельными поселянами и слабости исследования выкупной операции в удельной деревне Севера.

Уже на начальном этапе исследования удельной деревни у П. П. Котова на долгие годы определился еще один приоритет – изучение посевов и урожаев хлебов. На основе последних выводился важнейший показатель – результативность (уровень) земледелия, включая северное. В ряде работ он оценил степень изученности темы и выявил, что, несмотря на возникший к ней интерес еще в конце XIX в., ряд проблем остаются незатронутыми. С другой стороны, эти проблемы оказались слабо изученными по некоторым регионам России, в том числе и по губерниям Европейского Севера [47; 48]. Естественно, что историк значительное внимание уделял анализу источников [49], начиная впервые в нашей историографии с законодательно-нормативных актов [50; 51; 52]. Он проанализировал динамику уровня земледелия не только по северным губерниям [53; 54; 55] и ряду уездов [56; 57], но и по некоторым другим регионам России [58]. Историк доказал, что уровень земледелия на Севере обеспечивал крестьянам в лучшем случае половину от необходимой потребности в хлебе. Изучение результативности земледелия П. П. Котов посчитал настолько важным, что он разработал спецкурс и читал его студентам Сыктывкарского университета более 15 лет [59].

Одно из центральных мест в исследовании результативности северного земледелия отводилось в трудах П. П. Котова выявлению степени объективности сведений, которые содержались в источниках. Он первым выяснил, что сведения об урожаях хлебов выводились не на основе площади запашек, убедительный учет которых не был налажен даже в начале XX в., а на основе подсчета сжатых копен и скирд зерновых. Затем была исследована процедура «пробных умолотов», которые, как оказалось, тщательно организовывались и осуществлялись в присутствии чиновников и выборных (понятых) из крестьян. Эти выборные подписывали «свидетельства» или «клятвенные обещания», которые заверяли священники и волостные «начальники». Далее оформлялись «акты» «на верность проведения пробных умолотов». В случае сомнений, уездные чины иногда дополнительно перепроверяли сведения [13, с. 29–31; 48, с. 111–114]. Тем самым П. П. Котов опровергает существующее мнение других исследователей об отсутствии какой-либо проверки точности о посевах и урожаях хлебов [47; 48; 55].

Развивая идею о точности базовых данных для изучения результативности земледелия, П. П. Котов впервые в историографии провел источниковедческий анализ материалов об «общественной запашке» и уже на основе цифровых показателей подтвердил достаточную для научного анализа степень объективности указанных данных [60]. Именно это позволяет соединить данные разных источников – губернаторских отчетов и материалов Центрального статистического комитета МВД России – и проанализировать уровень земледелия на единой основе за сто с лишним лет (с конца XVIII по начало XX столетия) как по губерниям, так и по уездам империи.

Отметим, что П. П. Котов принимал участие в создании ряда энциклопедических изданий регионального [61] и всероссийского уровня [62; 63], включая и на иностранном

языке [64; 65]. Одновременно он выступал научным руководителем серии изданий по истории выборов XIX–XX вв. в органы власти различного уровня в Республике Коми, основным автором изданий: «Историко-культурный атлас Республики Коми» (1997), «Атлас Республики Коми» (2001, 2011), двухтомной «Истории Коми с древнейших времен до конца XX века» (2004, 2011) и путеводителя «Центральный государственный архив Республики Коми» (1994).

Таким образом, П. П. Котов плодотворно преподает в институте истории и права Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, творчески проводит занятия со студентами, подготовил большое число высококлассных специалистов, в том числе кандидатов наук. Он успешно руководил кафедрой отечественной истории и в течение 12 лет являлся ученым секретарем Диссертационного совета по историческим наукам, единственного в республике. П. П. Котов успешно разрабатывает проблемы истории удельной деревни Севера, исследует уровень северного земледелия и ряд других научных вопросов. Как правило, их анализ позволяет по-новому взглянуть на многие проблемы истории всего северного крестьянства, да и на проблемы аграрной истории России в целом.

Список литературы

1. Котов П. П. 12 лет деятельности Диссертационного совета по отечественной истории в Сыктывкарском университете // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 5: История. Филология. Философия. 2007. № 5. С. 158–168.
2. Котов П. П. Роль Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН в деятельности диссертационного совета в Сыктывкарском государственном университете в 1996–2007 гг. // Наука в региональном пространстве современной России и зарубежья: сборник научных статей. Сыктывкар, 2019. С. 110–115.
3. Котов П. П., Климовский А. В. Экспедиции П. И. Соколова в Усть-Сысольский уезд в 1908–1909 гг. // Научные экспедиции и исследования Коми края. Сыктывкар, 1993. Ч. 1. С. 14–16.
4. Котов П. П., Пилипенко В. А. Этапы становления специализированной медицинской помощи в Коми АССР в 1920–1930-х годах // Здоровье человека на Севере: Третий Северный социально-экономический конгресс «Социальные перспективы и экологическая безопасность». 20 апреля 2007 г. Сыктывкар, 2007. С. 57.
5. Котов П. П., Пилипенко В. А. Здравоохранение в Коми АССР в 1920–1930-х годах: становление и развитие. Сыктывкар, 2011. 196 с.
6. Котов П. П., Остапов Н. В. Представления М. Н. Петрова об историческом прогрессе // XI Царскосельские чтения: Международная научная конференция. СПб., 2007. Т. II. С. 86–89.
7. Котов П. П., Бубличенко В. Н. Динамика численности и состав несовершеннолетних детских приемников - распределителей НКВД-МВД СССР на Европейском Севере России в 1940-е годы // Историческая демография. М.; Сыктывкар, 2008. № 1. С. 57–60.
8. Котов П. П., Мартыничук Т. А. «Дошкольный поход» как элемент культурно-просветительской кампании конца 1920 – начала 1930-х гг.: по материалам Автономной области Коми (Зырян) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. № 1. С. 148–156. DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-1-147-156.
9. Котов П. П., Евсеев А. В. Законодательно-нормативные источники о создании и развитии общественной запашки в удельной деревне России // Управление социально-экономическими, общественно-политическими и социокультурными процессами в Северном регионе: сб. ст. Сыктывкар, 2020. С. 38–44.
10. Котов П. П. Строительство и судьба здания Усть-Сысольского духовного училища // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т. 1. С. 136–145.
11. Котов П. П. Новое здание для Коми республиканского художественного музея: история и современность // История вузовских музеев страны. Становление и развитие вузовских музеев. Сыктывкар, 1992. С. 99–101.
12. Котов П. П. Удельные крестьяне Севера. 1797–1863 гг. Сыктывкар, 1991. 80 с.

13. Котов П. П. Динамика уровня земледелия в Коми крае в конце XVIII – начале XX века. Сыктывкар, 1996. 165 с.

12. Котов П. П. Удельные крестьяне на Европейском Севере России: размещение и демографические процессы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2013. № 1 (130). С. 18–22.

13. Котов П. П. Удельные крестьяне Важского края в 1797–1863 гг. // История и культура Важского края : тезисы докладов региональной научно-практической конференции, посвященной 180-летию со дня рождения П. С. Воронова. Вельск, 1992. С. 29–31.

14. Котов П. П. Вопросы переселения в Коми край в конце XIX – начале XX века и экспедиция П. И. Соколова // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14. № 1. С. 94–102. DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-1-94-102

15. Котов П. П., Семушина Н. И. Архангельская и Вологодская губернии в системе административно-территориального деления России в XVIII – начале XX в. // Проблемы исторической географии и исторической демографии Европейского Севера России : тезисы докладов научной конференции. Сыктывкар, 1992. С. 20–21.

16. Котов П. П. Административно-территориальное устройство удельных владений на Европейском Севере России в 1797–1863 гг. // Проблемы исторической географии и исторической демографии Европейского Севера России : тезисы докладов научной конференции. Сыктывкар, 1992. С. 19–20.

17. Котов П. П. Система управления уделами и общинное самоуправление: по материалам Европейского Севера России // Жизнедеятельность человека на Севере: история, историография и источники исследования (на материалах Республики Коми) : сборник статей. Сыктывкар, 2019. С. 12–24.

18. Котов П. П. Изменение границ Вельского и Кадниковского уездов Вологодской губернии в середине XIX века // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. 2019. № 3 (39). С. 65–71. DOI 10.19110/1994-5655-2019-3-65-71

19. Котов П. П. Характеристика помещичьих имений Вологодской губернии, приобретенных удельным ведомством в 1804 и 1824 годах // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. 2021. № 4 (50). С. 43–52.

20. Котов П. П. Расширение удельных владений в Вологодской губернии в первой четверти XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 4. С. 39–46. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.616

21. Котов П. П. Формирование купечества и удельная деревня Русского Севера // Прошлое Новгорода и Новгородской земли : тезисы докладов и сообщений научной конференции. Новгород, 1993. С. 60–62.

22. Котов П. П. Арендные и покупные земли в удельной деревне Европейского Севера России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: История и филология. 2018. № 2 (171). С. 49–53. DOI: [10.15393/uchz.art.2018.87](https://doi.org/10.15393/uchz.art.2018.87)

23. Котов П. П. Тягловые земли удельных крестьян Европейского Севера России в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. Т. 22. № 2. С. 45–53.

24. Котов П. П. Наделение удельных крестьян России лесными угодьями в 1797–1863 годах: По материалам Европейского Севера // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2012. № 2. С. 101–106.

25. Котов П. П. Обеспеченность рабочим и продуктивным скотом удельных крестьян Европейского Севера России в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. 2012. Т. 24. № 4. С. 31–39.

26. Котов П. П. Неземледельческие занятия удельных крестьян Европейского Севера России // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4-1 (76). С. 135–139.

27. Котов П. П. Удельные крестьяне Важского края в 1797–1863 гг. // История и культура Важского края : тезисы докладов региональной научно-практической конференции, посвященной 180-летию со дня рождения П. С. Воронова. Вельск, 1992. С. 29–31.

28. Котов П. П. Смолокурение удельных крестьян Европейского Севера России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7–3 (21). С. 86–90.

29. Котов П. П. Особенности отходничества удельных крестьян Европейского Севера России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2012. № 3. С. 149–155.
30. Котов П. П. Денежные подати удельных крестьян Севера Европейской России // Вестник Ленинградского государственного университета. Серия: история, языкознание, литературоведение. 1986. Вып. 1. С. 92–95.
31. Котов П. П. Уровень подушной и оброчной податей в удельной деревне Европейского Севера России по законодательным источникам // Управление социально-экономическими, общественно-политическими и социокультурными процессами в Северном регионе : сб. статей. Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2020. С. 19–26.
32. Котов П. П. Натуральные повинности удельных крестьян Европейского Севера России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5–1 (11). С. 108–112.
33. Котов П. П. Повинности государственных крестьян Европейского Севера России в конце XVIII – первой половине XIX в. // Социально-демографические аспекты истории Северного крестьянства (XVII–XIX вв.). Сыктывкар, 1985. С. 74–86.
34. Котов П. П. Государственное и сословное налогообложение крестьян Коми края в конце XVIII – первой половине XIX в. // Музеи и краеведение. Сер. «Труды Национального музея Республики Коми». Сыктывкар, 2001. Т. 3. С. 167–179.
35. Котов П. П. Денежные подати крестьян Яренского уезда в конце XVIII – первой половине XIX в. // Крестьянство Вычегодского края в XVII–XX веках : тезисы научно-практической конференции. Яренск, 1999. С. 26–29.
36. Котов П. П. Политика попечительства удела и ее результаты: на примере Европейского Севера России // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2012. № 3. С. 103–107.
37. Котов П. П., Котова Е. А. Политика попечительства и удельная деревня Поважья во второй трети XIX в. // История и культура Важского края : тезисы докладов региональной научно-практической конференции, посвященной 180-летию со дня рождения П. С. Воронова. Вельск, 1992. С. 33–35.
38. Котов П. П. Общественная запашка в удельной деревне России в 1828–1861 годах: по материалам Европейского Севера // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2018. Т. 28. № 1. С. 13–22.
39. Котов П. П. Общественная запашка удельных крестьян Севера России (1828–1861 гг.) // История и культура Архангельского Севера (Досоветский период): межвузовский сборник научных трудов. Вологда, 1986. С. 86–95.
40. Котов П. П. Формирование системы хлебных и денежных запасов на случай неурожая в законодательстве России XVIII – первой половины XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 2–1 (28). С. 91–95.
41. Котов П. П. Хлебные запасные магазины по законодательным источникам России XVIII – первой половины XIX веков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2013. № 1 (144). Вып. 25. С. 90–96.
42. Котов П. П. Отмена крепостного права в удельной деревне по реформе 26 июня 1863 года в русской историографии // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. 2017. № 4 (32). С. 79–87.
43. Котов П. П. Источники по изучению отмены крепостного права в удельной деревне Европейского Севера России // Исторические аспекты освоения Европейского Северо-Востока (исследования, источники, историография) : сборник статей. Сыктывкар, 2018. С. 26–35.
44. Котов П. П. К вопросу о реформе 1863 г. на Севере // Изучение аграрной истории Европейского Севера на современном этапе : сборник статей / Коми научный центр УрО АН СССР. Сыктывкар, 1989. С. 78–83.
45. Котов П. П. О земельном обеспечении бывших удельных крестьян по реформе 1863 года // Буржуазные реформы в России второй половины XIX века. Воронеж, 1988. С. 54–63.
46. Котов П. П. Хозяйство удельных крестьян Севера середины XIX в. // Хозяйство северного крестьянства в XVI – начале XX в. : межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар, 1987. С. 21–29.

47. Котов П. П. Изучение земледелия в русской историографии XIX–XX вв. // *Духовная культура Севера: итоги и перспективы исследования. К 10-летию научной деятельности проблемной лаборатории фольклорно-археографических исследований Сыктывкарского университета : сборник статей.* Сыктывкар, 2002. С. 211–215.
48. Котов П. П. Вопросы изучения уровня земледелия в России конца XVIII – начала XIX века на примере Европейского Севера // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика.* 2011. № 13 (108). С. 111–118.
49. Котов П.П. Источники об уровне земледелия в Шенкурском уезде в конце XVIII – начале XX вв. // *Важский край: источниковедение, история, культура. Исследования и материалы / Ю. С. Васильев (отв. редактор).* Вельск, 2002. С. 147–158.
50. Котов П. П. Законодательные источники XVIII–XIX вв. и изучение уровня земледелия // *Татищевские чтения : материалы Всероссийской научной конференции.* Тольятти, 2002. С. 66–69.
51. Котов П. П. Значение законодательных источников для изучения уровня земледелия в России XVIII–XIX вв. // *Вопросы истории и культуры северных стран и территорий.* 2008. № 2. С. 44–50.
52. Котов П. П. Роль законодательных актов Российской империи в изучении результативности земледелия XVIII – XIX вв. // *История государства и права.* 2010. № 22. С. 12–14.
53. Котов П. П. Посевы и урожаи зерновых хлебов в Вологодской губернии в начале – второй трети XIX в. // *Россия в девятнадцатом веке. Политика, экономика, культура.* СПб., 1994. С. 114–121.
54. Котов П. П. Производство зерновых и картофеля в Архангельской губернии в 1801–1890 гг. // *Слово о людях и земле Поморской : доклады и тезисы докладов III научно-краеведческих чтений.* Архангельск, 1995. С. 177–181.
55. Котов П. П. Уровень земледелия в Архангельской губернии в последней трети XVIII в. // *Проблемы истории России XVIII–XX вв. Научные чтения памяти профессора Ю. Д. Марголиса.* Сыктывкар, 1997. С. 25–45.
56. Котов П. П. Динамика посевов и урожаев зерновых хлебов в Холмогорском уезде в конце XVIII–XIX вв. // *М.В. Ломоносов и национальное наследие России : тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной 285-летию со дня рождения великого российского ученого М. В. Ломоносова.* Архангельск, 1996. Ч. IV. С. 56–58.
57. Котов П. П. Уровень земледелия в Кемском уезде в 1791–1915 годах // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета.* 2011. № 7–2 (120). С. 19–23.
58. Котов П. П. Результативность земледелия в удельной деревне Новгородской и Псковской губерний в первой половине XIX века // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2011. № 12. С. 19–27.
59. Котов П. П. Место и значение спецкурса «Посевы и урожаи зерновых хлебов и картофеля в Коми крае в XIX – начале XX в.» в подготовке специалистов-историков // *Дисциплины социально-гуманитарного модуля в системе высшего образования: проблемы теории и практики : материалы конференции.* Сыктывкар, 1995. С. 64–65.
60. Котов П. П. Материалы об общественной запашке удельных крестьян Европейского Севера России как исторический источник // *Петербургские чтения – 97. Петербург и Россия. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003».* Сер. «Петербург и Россия». СПб., 1997. С. 453–457.
61. Котов П. П. Удельные крестьяне // *Поморская энциклопедия: в 5 т.* Архангельск, 2001. Т. 1. С. 413.
62. Гавритухин И. О., Кузьминых С. В., Котов П. П. Коми (Республика Коми). Исторический очерк // *Большая Российская энциклопедия.* М., 2009. Т. 14. С. 616–621.
63. Котов П. П. Коми (Республика Коми) // *Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.* М., 2014. Т. XXXVI. С. 515–518.
64. Kotov P. P. Syktyvkar Forest Institute // *Encyclopedia of the Barents Region. Volume 2 N–Y.* Oslo, 2016, pp. 360–361.
65. Kotov P. P. Expeditions in the Komi territory in the 19th and early 20th centuries // *Historiae fenno-ugricae I:1. Congressus primus historiae fenno-ugricae.* ed. K. Julku. Oulu, 1996. С. 597–612.

Информация об авторах

Горина Наталья Васильевна, кандидат филологических наук, ученый секретарь, Институт языка литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар.

Е-mail: ngorinova@mail.ru

Лимерова Валентина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт языка литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар.

Е-mail: juva64@yandex.ru

Лисовская Галина Константиновна, научный сотрудник сектора литературы, Институт языка литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар

Е-mail: lisovskaya1330@gmail.com

Крюкова (Мануилова) Анна Андреевна, аспирант кафедры русской филологии, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

Е-mail: not.ahmatova@gmail.com

Мелихов Михаил Васильевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

Е-mail: melikhovm@mail.ru

Обшанская Светлана Евстафьевна, начальник международного отдела, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

Е-mail: oms@syktsu.ru; inter@syktsu.ru

Павлов Андрей Альбертович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России и зарубежных стран, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

Е-mail: aapavlov@rambler.ru

Паришкова Надежда Алексеевна, кандидат филологических наук, независимый исследователь, г. Санкт-Петербург.

Е-mail: anega_nad@mail.ru

Пилипенко Вера Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры медико-биологических наук и судебной экспертизы, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

Е-mail: mi.pilipenko@yandex.ru

Пинаевский Дмитрий Иванович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и зарубежных стран, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

Е-mail: d1971pinch@yandex.ru

Романова Елена Алексеевна, кандидат филологических наук, независимый исследователь, г. Санкт-Петербург.

Е-mail: zerlina@inbox.ru

Урманчева Ирина Серафимовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

Е-mail: isurman@rambler.ru

